

Крушеніе Имперіи

(Записки предсѣдателя Русской Государственной Думы)

М. В. Родзянко

Предисловіе А. И. Ксюнина

Никто не устраиваетъ революцію и никто
въ ней неповиненъ. Виновны всѣ.

(Талейранъ).

Съ записками Михаила Владиміровича Родзянко, съ его лиловыми тетрадами, мелко исписанными имъ самимъ или подъ его диктовку, — я познакомился еще при его жизни. М. В. передалъ ихъ мнѣ для подготовки къ изданію: онъ видѣлъ, что даже послѣ всего пережитого въ широкихъ массахъ русскихъ людей мало и плохо ознакомлены съ событіями, предшествовавшими революціи. М. В. испыталъ это на себѣ, вѣрнѣе, испытывалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ періодъ добровольчества и послѣ — въ эмиграціи — озлобленные, нечестные и просто сбитые съ толку своими несчастіями люди бросали Родзянко тяжкое обвиненіе, что это онъ «возглавилъ революцію» и «заставилъ Николая II отречься отъ престола».

Записки М. В. съ безпристрастіемъ лѣтописца, излагающія ходъ политической жизни въ Россіи за послѣдніе пять лѣтъ до момента революціи — лучшей отвѣтъ на всѣ эти обвиненія. Онѣ же, эти записки, вскрываютъ и безысходную трагедію Родзянко. Ему, убѣжденному монархисту, выросшему въ глубокомъ уваженіи къ достоинству Царя, невыразимо тяжело было сознавать, что онъ долженъ осуждать дѣйствія Монарха и бороться съ его распоряженіями для пользы его же самого и родины, которую Николай II, не сознавая увлекалъ въ пропасть.

Камеръ-пажъ при Императорѣ Александрѣ II, офицеръ кавалергардскаго полка, предводитель дворянства, камергеръ, пропитанный монархическими идеями по воспитанію, положенію и средѣ, въ которой жилъ, — становится свидѣтелемъ, какъ приближенными Царя и его министрами эта идея приносится въ жертву своекорыстнымъ интересамъ карьеры, выгоды и обогащенія. Какъ Предсѣдатель Думы,

какъ представитель народа, онъ считалъ преступнымъ скрывать отъ Царя истину, какъ бы жестока она ни была. Широко пользуясь правомъ доклада, онъ до послѣднихъ дней съ упорствомъ, пренебрегая оскорбленіями, наносившимися его самолюбію, старался открыть глаза Николаю II на настоящее положеніе, но рѣдко, когда въ этомъ успѣвалъ. Другія вліянія, безотвѣтственныя, шедшія не наперекоръ, а угождавшія настроеніямъ, неизмѣнно брали верхъ. Во время войны, когда всѣ усилія должны были быть сосредоточены на помощи фронту, — министры царскаго правительства и дворцовые круги вели борьбу не съ врагомъ, а съ народнымъ представительствомъ и общественными организаціями. Ходомъ этой борьбы Предсѣдатель Думы выдвигается на первое мѣсто. Послѣ военныхъ неудачъ 1915 года на промышленныхъ сѣздахъ онъ провозглашаетъ лозунгъ «все для войны» и добивается учрежденія Особого Совѣщанія по оборонѣ. Послѣ, когда начался развалъ тыла, союзы земствъ и городовъ, земскія и дворянскія собранія и даже совѣтъ объединеннаго дворянства черезъ Предсѣдателя Думы подаютъ свой голосъ, предупреждающій, что «Родина въ опасности» и что надо призвать къ власти людей, пользующихся довѣріемъ страны. Родзянко объ этомъ неоднократно доводитъ до свѣдѣнія Государя — но опять напрасно.

Къ Предсѣдателю Думы обращаются офицеры и генералы съ фронта тоже съ самыми тревожными предупрежденіями; къ нему приѣзжаютъ великіе князья, братъ Государя проситъ его какъ человѣка, «которому всѣ довѣряютъ», предупредить бѣдствіе, надвигающееся на Россію, наконецъ одна изъ великихъ княгинь въ присутствіи своихъ сыновей предлагаетъ М. В. взять на себя инициативу «устраненія» Царицы. Всѣ и все тянулось къ Предсѣдателю Думы, но передъ престоломъ Родзянко неизмѣнно оказывался одинокимъ, потому что кромѣ него почти никто не рѣшался говорить тѣхъ правдивыхъ и смѣлыхъ словъ, которыя тогда озлобляли Императора и которыя Николай II вспомнилъ слишкомъ поздно, — когда послѣ отреченія онъ сказалъ генералу Рузскому: «Только одинъ Родзянко говорилъ мнѣ чистую правду».

Такимъ же одинокимъ оказался М. В. и вскорѣ послѣ переворота: какъ раньше при Царѣ онъ не умѣлъ и не хотѣлъ льстить у престола, такъ и съ приходомъ власти народа онъ не могъ потворствовать толпѣ демагогіей.

Родзянкѣ пришлось подобрать выпавшую изъ слабыхъ царскихъ рукъ власть, но онъ ни минуты не думалъ ее узурпировать.

Членъ Думы и первый комендантъ Таврическаго дворца Б. А. Энгельгардтъ въ письмѣ послѣ смерти М. В. вспоминаетъ эти первые дни революціи еще до отреченія Николая II:

«Въ кабинетѣ Предсѣдателя Думы собрался весь временный комитетъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ за длиннымъ зеленымъ столомъ сидитъ Михаилъ Владиміровичъ Родзянко и на его, всегда увѣреннымъ, лицѣ видны сомнѣнія и тревога. Члены временнаго комитета въ одинъ голосъ настаиваютъ на томъ, чтобы М. В. взялъ власть въ свои руки. Ему говорятъ, что этого «отъ него ждетъ страна, что это его обязанность и отъ нея онъ не имѣетъ права уклоняться».

«Что вы мнѣ предлагаете, господа? — отвѣчаетъ М. В. — Взять власть въ свои руки — да вѣдь это прямой революціонный актъ. Развѣ я могу на это пойти...»

Тщетно взывая къ Царю, онъ еще тогда надѣялся предотвратить бѣдствіе и, только убѣдившись, что прежней власти не существуетъ, что носители ея позорно бѣжали, онъ пытался остановить развалъ, но это уже была задача неосуществимая.

Когда всѣ были опьянены революціей, М. В. оставался абсолютно трезвъ. Въ то время имя Родзянки произносилось съ восторгомъ: толпа на улицахъ встрѣчала его криками «ура», солдаты и рабочіе, являшіеся въ Таврической дворецъ, прежде всего шли къ нему, большинство общества превозносила его до небесъ и выраженія благодарности сыпались со всѣхъ сторонъ. Ему присылали благословенія иконами, писали трогательныя посланія о томъ, что онъ «своимъ геройскимъ поведеніемъ спасъ тысячи жизней», что если бы не онъ, «столица была бы залита кровью» и т. д. Характерно, какъ выраженіе мнѣнія аристократіи, письмо стараго графа С. Д. Шереметьева. Онъ писалъ: «Я понимаю ваши страданія, зная васъ за честнаго русскаго человѣка, преданнаго Монархіи и Россіи, но вамъ другого выхода не было изъ трагическаго положенія и мы васъ благодаримъ и благословляемъ».

Во временномъ комитетѣ и въ общественныхъ кругахъ было теченіе, выдвигавшее на постъ главы временнаго правительства Родзянку, но противъ его кандидатуры появились возраженія слѣва и особенно энергичныя со стороны П. Н. Милюкова.

«Въ избраніи князя Львова для занятія должности министра предсѣдателя и въ отстраненіи Родзянки, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Д. Набоковъ, — дѣятельную роль сыгралъ Милюковъ и мнѣ пришлось впослѣдствіи слышать отъ Павла Николаевича, что онъ не рѣдко ставитъ себѣ мучительный вопросъ: не было бы лучше, еслибы Львова оставили въ покоѣ, а поставили Родзянку, человѣка, во всякомъ случаѣ, способнаго дѣйствовать рѣшительно и смѣло, имѣющаго свое мнѣніе и умѣющаго на немъ настаивать».

Какъ при Царѣ — Н. Маклаковъ, Воейковъ, Вырубова, Распутинъ и другіе больше всего клеветали на Родзянку, такъ и послѣ переворота агитація изъ среды рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ была устремлена не противъ кого другого, какъ противъ Родзянки. Первый предсѣдатель с. р. д. Чхеидзе не стѣсняется въ Таврическомъ дворцѣ возбуждать солдатъ противъ Родзянки, а въ это время на фабрикахъ, въ казармахъ и на улицахъ усиленно распускаютъ слухи, что «Родзянку владѣетъ такими огромными землями, которыя превосходятъ территорію датскаго королевства». Агитація эта имѣла своей цѣлью скомпрометировать въ глазахъ народа и устранить съ политической арены одного изъ наиболѣе популярныхъ дѣятелей того времени, человѣка, стремившагося предотвратить развалъ Россіи.

Понимая всю шаткость и ненормальность временнаго правительства, поставленнаго въ положеніе непогрѣшимой и несмѣняемой власти, М. В. доказывалъ необходимость созданія Верховнаго Совѣта,

избраннаго изъ среды народныхъ представителей. Если бы эта мысль была проведена — явилось бы возглавленіе власти и было бы кому смѣнять оказавшихся не на мѣстѣ членовъ временнаго правительства.

Послѣ первыхъ же дней революціи М. В. оказался почти одинокимъ: большинство депутатовъ либо прекратило посѣщать Тавричскій дворецъ, либо вовсе бѣжало изъ столицы. Глава правительства, которому М. В. доказывалъ всю пагубность его распоряженія объ отъѣздѣ всей администраціи на мѣстахъ, уже не считался съ думскимъ комитетомъ, а комитетъ этотъ не только возглавлялся, но и представлялся чуть ли не единолично однимъ Родзянко. У него осталась только моральная власть, въ то время, какъ юридическая принадлежала правительству князя Львова, а фактическая—уже совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Открыто объявить о томъ, что Дума отошла въ прошлое и что ни у Думы, ни у ея Предсѣдателя больше нѣтъ власти — значило бы похоронить идею народнаго представительства и съ головою выдать членовъ Думы, обѣляя себя самого. Этого по своему характеру М. В. сдѣлать не могъ. Кромѣ того, предвидя неминуемый крахъ временнаго правительства, онъ считалъ нужнымъ сохранить идею Думы (о чемъ не разъ говорилъ), надѣясь, что она можетъ еще сослужить службу. Позже, въ денкинскіе дни, онъ пытался воскресить эту идею и созвать Думу въ Екатеринодарѣ, но его не поддержали и не захотѣли слушать.

Еще до революціи 1905 года М. В. было ясно, что тогдашнее государственное устройство Россіи отжило свое время: еще въ январѣ 1905 г. на дворянскомъ собраніи въ Екатеринославѣ М. В. проводилъ мысль, что дворянство «на основаніи ст. 65 положенія о дворянствѣ» обязано довести до свѣдѣнія Государя о тѣхъ настроеніяхъ, которыя неразрывно связаны съ неудачами нашего оружія въ Манджуріи. Онъ предлагалъ «повернуть къ стопамъ его величества вѣрноподданнѣйшія чувства дворянства съ указаніемъ, что существующее положеніе о государственномъ совѣтѣ является устарѣлымъ и что въ совѣтъ слѣдуетъ влить свѣжія силы изъ выбранныхъ отъ дворянскихъ обществъ и земскихъ собраній». Это крайне скромное пожеланіе было тогда признано екатеринославскимъ дворянствомъ слишкомъ радикальнымъ. Передъ революціей тѣ же дворяне черезъ Родзянко просили объ отвѣтственномъ министерствѣ...

Человѣкъ исключительной политической честности, сильной воли, благороднаго патріотизма — Родзянко въ то же время обладалъ рѣдкимъ даромъ государственнаго предвидѣнія, чѣмъ были награждены далеко не многіе его современники. Онъ предупреждалъ — его голосу не хотѣли внять; его съ разныхъ сторонъ, снизу и сверху, звали на авантюру — онъ не пошелъ.

Когда братъ Царя великій князь Михаилъ Александровичъ, прежде чѣмъ подписать отреченіе, спросилъ М. В. можетъ ли онъ гарантировать ему безопасность въ случаѣ, если онъ вступитъ на престолъ — Родзянко отвѣтилъ: «Единственно, что я вамъ могу гарантировать — это умереть вмѣстѣ съ вами».

На исходѣ хилаго владычества Керенскаго, котораго Родзянко не разъ убѣждалъ, усовѣщевалъ, которому грозилъ — М. В. взялся орга-

низовать въ російскомъ масштабѣ процессъ томившагося тогда въ Быховѣ генерала Корнилова. Защиту Корнилова брали на себя лучшіе адвокаты Москвы и Петрограда и М. В. заручился обѣщаніемъ нѣкоторыхъ капиталистовъ дать нужныя для веденія процесса средства, — но... пришелъ большевистскій переворотъ. И на стѣнахъ Петрограда среди множества красныхъ плакатовъ можно было прочесть объявленіе большевиковъ, обѣщавшихъ пятьсотъ тысячъ тому, кто живымъ или мертвымъ доставитъ въ Смольный институтъ бывшаго Предсѣдателя Думы Михаила Родзянко.

Подъ охраной донскихъ офицеровъ М. В. долженъ былъ спастись изъ столицы, но и на этомъ не окончились его муки. Красновскій періодъ на Дону, Ледяной походъ, въ который пошелъ Предсѣдатель Думы вмѣстѣ съ зеленой молодежью — горстью храбрецовъ, потому, что, какъ онъ говорилъ, ему некуда было больше идти, затѣмъ добровольческой періодъ и эмиграція — принесли не мало новыхъ обидъ и оскорбленій Родзянко и приблизили конецъ его жизни.

Записки Предсѣдателя Думы Михаила Владиміровича Родзянко — лучшій памятникъ этому большому русскому челоѣку, для котораго превыше всего была — Родина.

Послѣдній предсѣдатель Государственной Думы

В. С а д ы к о в а

«Родзянко сдѣлалъ революцію, онъ виновникъ всего нашего горя и несчастья» — вотъ кличъ, пущенный съ легкой руки безчестныхъ людей, стремившихся всѣми помыслами своими хотя какъ нибудь сложить съ себя ту долю отвѣтственности, которая всею тяжестью ложится на всю русскую интеллигенцію и въ особенности на тѣ классы, которые непосредственно стояли у власти послѣднее десятилѣтіе передъ революціей или были близки къ правящимъ кругамъ того времени.

Этотъ кличъ былъ съ особой легкостью воспринятъ на чужбинѣ бѣженскою массою въ Сербіи и эту клевету усиленно культивировали въ народѣ люди, стоявшіе на верхахъ, взявшіе добровольно на себя заботы о бѣженцахъ.

Необходимо имъ было, не щадя силъ и здоровья, поддерживать это нелѣпое, если не сказать больше, обвиненіе, ибо совершенно ясно — они боялись вопроса, обращеннаго къ нимъ: «А вы, господа хорошіе, что дѣлали въ то время, что вы сдѣлали, чтобы спасти родину и несчастнаго Царя, портретами котораго вы такъ старательно себя обѣшиваете здѣсь, на чужбинѣ?».

Еще болѣе обидно то, что какъ на виновника несчастья всего русскаго народа указывали на Михаила Владиміровича и среди военной среды, среди остатковъ той доблестной арміи, которую такъ любилъ покойный Предсѣдатель Г. Думы и на заботы о которой онъ положилъ столько силъ и здоровья.

Когда въ Сербіи началась самая настоящая травля Михаила Владиміровича, чѣмъ особенно отличалась натасканная въ соотвѣтствующемъ духѣ военная молодежь, онъ долго, коротко и съ громаднымъ достоинствомъ переносившій всевозможныя оскорбленія и издѣвательства, наконецъ не выдержалъ и отправился къ уполномоченному по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ Палеологу, къ которому сходились всѣ нити указанной травли.

На вопросъ, чѣмъ объясняется такая линія поведенія этого почтеннаго политическаго дѣятеля, Палеологъ отвѣтилъ коротко и довольно опредѣленно:

«Я творю волю, пославшаго меня»*).

Пришлось идти къ «пославшему» и свиданіе съ генераломъ Врангелемъ объяснило все.

«Армія не должна заниматься политикой. Намъ нужно было указать на когонибудь, какъ на виновника революціи, и мы избрали васъ».

Свой тяжелый крестъ Михаилъ Владиміровичъ безропотно несъ до конца и никто, за исключеніемъ быть можетъ самыхъ близкихъ ему людей, не чувствовалъ и не понималъ той драмы, которую переживалъ этотъ кристальной чистоты человекъ и политическій дѣятель.

Рѣдко, въ минуты слабости онъ, смотря въ глаза, ища, какъ бы немедленнаго отвѣта, говорилъ: «А быть можетъ, дѣйствительно, я не все сдѣлалъ, чтобы предотвратить гибель Россіи».

Эта фраза красной нитью проходила черезъ всѣ его страданія, а первый разъ она была имъ произнесена рано утромъ въ знаменательный день 27 февраля 1917 года и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Съ 23 февраля начались беспорядки на улицахъ Петрограда, принявшіе къ 26-му стихійный характеръ. Въ этотъ день входныя двери Михаила Владиміровича не закрывались и къ нему, какъ бы ища спасенія, стекались люди всѣхъ ранговъ и состояній. Сохраняя наружное спокойствіе, Михаилъ Владиміровичъ для всѣхъ по обыкновенію находилъ слова утѣшенія, успокаивалъ по мѣрѣ силъ и возможности, не скрывая однако серьезности положенія.

Въ это время онъ тщетно ждалъ отвѣта на свои отчаянныя телеграммы, посланныя имъ въ ставку государю.

Тревожное настроеніе усугублялъ окончательно окрѣпшій къ этому дню слухъ о томъ, что въ карманѣ у министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова уже лежитъ подписанный царемъ указъ о роспускѣ Г. Думы. Всѣ понимали, а Михаилъ Владиміровичъ особенно больно это чувствовалъ, что распустить Думу въ такой моментъ—это бросить зажженную спичку въ пороховой погребъ, ибо если еще что сдерживало и что могло еще продлить хоть относительное спокойствіе, такъ это Дума, на которую были обращены всѣ взоры.

Около десяти часовъ вечера я уѣхалъ домой. Съ трудомъ успокоившись послѣ всего видѣннаго и слышаннаго, я былъ около трехъ часовъ ночи разбуженъ тревожнымъ телефоннымъ звонкомъ. У апа-

*) Палеологъ былъ назначенъ уполномоченнымъ по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ генераломъ Врангелемъ.

рата былъ Михаилъ Владиміровичъ, который просилъ меня немедленно явиться къ нему. Я засталъ его въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ молча протянулъ мнѣ бумагу... Я понялъ, — это былъ указъ.

Настала мучительная пауза. Михаилъ Владиміровичъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ и нервно перебиралъ пальцами свою бородку. Затѣмъ онъ всталъ и началъ быстро ходить изъ угла въ уголъ.

«Все кончено... Все кончено!..» — повторялъ онъ нѣсколько разъ, какъ бы про себя.

Видно было, какъ дорого стоили ему эти нѣсколько часовъ. Много, я думаю, передумалъ и перечувствовалъ этотъ человекъ за это короткое время. Онъ какъ то сразу оснулъ, постарѣлъ, глубокая тѣнь печали легла на его открытое, честное лицо, тѣнь, которая оставила свой грубый слѣдъ на всю его жизнь.

Онъ быстро остановился и съ нескрываемой брезгливостью и злобой сказалъ:

«Позвоните сейчасъ «этому» Протопопову».

Я взялся за аппаратъ, но всѣ мои попытки связаться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ были тщетны.

«Очевидно, сбѣжалъ герой» — съ усмѣшкой замѣтилъ Михаилъ Владиміровичъ и вновь заходилъ по кабинету. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ письменному столу, бралъ роковой указъ, бѣгло прочитывалъ его снова и снова и опять бросалъ на мѣсто.

Время подходило къ разсвѣту, я потушилъ электричество. Въ комнатѣ стало какъ то еще печальнѣе. Мнѣ бросилось въ глаза необыкновенно блѣдное лицо Михаила Владиміровича.

«Попробуйте дозвониться князя Голицына, быть можетъ на этотъ разъ вамъ посчастливится».

Я вновь взялся за трубку телефона и мнѣ наконецъ удалось нарушить мирный сонъ предсѣдателя совѣта министровъ и вызвать его къ телефону.

Михаилъ Владиміровичъ подошелъ къ аппарату и я услышалъ теперь уже ровный, спокойный голосъ:

«Съ добрымъ утромъ, ваше сіятельство».

Но тутъ онъ вдругъ быстро, не отнимая трубки отъ уха, повернулся ко мнѣ лицомъ и по его широко открытымъ глазамъ я понялъ, что происходитъ что-то недоброе.

Рѣзкимъ движеніемъ Михаилъ Владиміровичъ повѣсилъ, почти бросилъ, телефонную трубку на аппаратъ и я услышалъ уже другой голосъ:

«Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что сейчасъ заявилъ мнѣ этотъ предсѣдатель совѣта министровъ: «Очень прошу васъ, Михаилъ Владиміровичъ, болѣе ни съ чѣмъ ко мнѣ не обращаться. Я больше не министръ, я подалъ въ отставку».

Съ этими словами Михаилъ Владиміровичъ грузно опустился на стоящее въ углу кресло и закрылъ лицо обѣими руками.

Настала полная тишина. Слышенъ былъ малѣйшій шорохъ въ комнатѣ... Звякнулъ телефонный звонокъ... Отбой... Телефонъ разъединили. Я понялъ, что разъединили навсегда.

Снова тишина и я услышалъ почти шопотъ:

«Боже мой, какой ужасъ!.. Безъ власти... Анархія... Кровь...»

И первый разъ я увидѣлъ на лицѣ Михаила Владиміровича слезы. Онъ тихо плакалъ.

Быстро всталъ, провелъ рукою по лицу, какъ бы стряхнувъ съ себя этимъ жестомъ минутную слабость и, взявъ меня за руки, притянулъ къ себѣ и прошепталъ:

«Нѣтъ, нѣтъ, все это ничего... Все можно перенести, но меня мучаетъ одно, и эта проклятая мысль гвоздемъ засѣла въ мою голову. Скажите мнѣ скорѣе, неужели я не сдѣлалъ всего, что отъ меня зависитъ, чтобы предотвратить этотъ кошмаръ? этотъ ужасъ! Вѣдь это гибель Россіи».

Какъ могъ, я старался успокоить Михаила Владиміровича и дѣлалъ это отъ чистаго сердца, ибо втеченіи трехъ слишкомъ лѣтъ я видѣлъ собственными глазами безкорыстную, неустанную борьбу за правду, безгранично честную, глубоко патріотическую дѣятельность Предсѣдателя Г. Думы.

«Идемте скорѣе въ Думу, — услышалъ я снова спокойный голосъ Михаила Владиміровича, — быть можетъ, еще можно что нибудь сдѣлать. Надо спѣшить».

Съ этими словами мы вышли въ переднюю. Какъ бы забывъ что-то важное, Михаилъ Владиміровичъ быстро вернулся обратно, подошелъ къ иконѣ и какъ глубокоовѣрующій человекъ опустился на колѣни и трижды перекрестился.

Мы вышли. Шли пѣшкомъ. Слышался какой то отдаленный гулъ. Щелкали одиночные выстрѣлы.

* * *

Честность, правдивость и безграничная доброта — вотъ отличительныя черты покойнаго Предсѣдателя Г. Думы. За эту правду его многіе ненавидѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись. Я утверждаю, что за время моего секретарствованія не было случая, чтобы когда нибудь хоть кто-либо изъ министровъ осмѣлился отказать М. В. Родзянкѣ въ его просьбѣ. А писалъ и просилъ онъ очень много. Не для себя, не ради близкихъ, а для всѣхъ тѣхъ, кто только къ нему ни обращался. Каждый день къ нему на пріемъ являлись десятками люди всѣхъ сословіи и состояній съ самыми разнообразными просьбами. Почти всѣхъ принималъ Михаилъ Владиміровичъ лично, выслушивалъ, для каждаго находилъ доброе, ласковое слово, а затѣмъ отсылалъ ко мнѣ съ краткимъ приказаніемъ: «Выслушайте подробно и напишите соотвѣтствующему министру».

Бывали случаи, когда я, усумнившись въ личности просителя, докладывалъ объ этомъ Михаилу Владиміровичу и всегда онъ мнѣ говорилъ:

«Какой вы злой человекъ. Всегда вы стремитесь найти въ человекѣ что нибудь отрицательное. Помните одно: пусть я лучше помогу десяти недостойнымъ, чѣмъ лишу этой помощи одного несчастнаго».

«Я калифъ на часъ, — говорилъ онъ часто послѣднее время, — надо пользоваться, пока я у власти. Богъ знаетъ, быть можетъ меня завтра сошлютъ въ Сибирь или повѣсятъ, а пока я цѣль — я долженъ помогать ближнимъ».

Все же я довольно часто, памятуя, что отказа въ просьбѣ Михаила Владиміровича быть не можетъ, кривилъ душой и никому никакихъ писемъ не посылалъ и на этой почвѣ мы неоднократно ссорились съ Михаиломъ Владиміровичемъ.

Послѣднее время часто приходилось слышать и читать о томъ, что правительство боялось Г. Думы. Это утвержденіе не совсѣмъ точно: правительство абсолютно не считалось съ Думой, какъ таковой, оно презирало это, мѣшавшее имъ разваливать государство, учрежденіе, но оно боялось ея Предсѣдателя, ибо всѣ твердо знали и не разъ въ этомъ убѣждались, что Михаилъ Владиміровичъ Родзянко на компромиссы не пойдетъ, онъ не остановится ни передъ чѣмъ и ради правды и справедливости пригвоздитъ къ позорному столбу всякаго, безотнositельно его положенія и вліянія, кто осмѣлится посягнуть на честь и достоинство или благополучіе родины.

* * *

Помню характерный случай. Ждали Государя въ Думу. Взволнованный приставъ Г. Думы доложилъ Михаилу Владиміровичу, что въ Золотой Книгѣ всѣ первыя страницы были уже заполнены и предлагалъ вплести для подписи Императора на первомъ мѣстѣ чистый листъ.

«Никакихъ фокусовъ и подлоговъ не надо, — отвѣтилъ Михаилъ Владиміровичъ, — Государь распишется на первомъ свободномъ листѣ». Онъ приказалъ только купить георгіевскую ленту*) и ею заложилъ книгу тамъ, гдѣ нужно.

Когда Государь, послѣ сказаннаго имъ членамъ Думы слова, прошелъ въ такъ называемый Полуциркульный залъ, Михаилъ Владиміровичъ подвелъ его къ Золотой Книгѣ и попросилъ расписаться.

Государь открылъ первый листъ, затѣмъ второй, третій. Видя это, Михаилъ Владиміровичъ обратился къ нему и сказалъ:

«Опоздали, Ваше Величество, теперь уже придется расписаться тамъ, гдѣ заложено».

Государь улыбнулся и расписался на указанномъ ему мѣстѣ.

Сказанная Государемъ рѣчь была съ точностью записана двумя стенографистками. Эту коротенькую рѣчь Михаилъ Владиміровичъ распорядился золотыми буквами вырѣзать на мраморной доскѣ, которую предполагалъ помѣстить въ Екатерининскомъ залѣ, гдѣ эта рѣчь была произнесена.

*) Государь какъ разъ въ это время получилъ Георгіевскій крестъ.

Каково же было его удивленіе, когда въ тотъ же день вечеромъ отъ министра Двора пришла бумага, на которой была написана рѣчь, якобы сказанная Государемъ. Эта рѣчь была очень мало похожа на простыя хорошія слова Императора.

Михаиль Владиміровичъ принялъ это къ свѣдѣнію и тутъ же отмѣнилъ свое распоряженіе, заявивъ:

«Вывѣшивать то, чего никогда не говорилъ Государь, я никому не позволю», о чемъ и довелъ до свѣдѣнія министра Двора.

* * *

Однимъ изъ первыхъ послѣ переворота въ полномъ составѣ въ Думу явился запасный батальонъ Л.-Гв. Преображенскаго полка со всѣми офицерами и командиромъ полковникомъ кн. Аргутинскимъ-Долгоруковымъ. Батальонъ первые нѣсколько дней несъ наружную и внутреннюю охрану Таврическаго дворца, а также и караулы у министерскаго павильона, гдѣ находились арестованные министры. Солдаты были дисциплинированы и безпрекословно подчинялись всѣмъ приказаніямъ своихъ офицеровъ.

Но вотъ черезъ нѣсколько дней батальонъ смѣнилъ другой полкъ, а преображенцы отправились къ себѣ въ казармы.

Въ тотъ же день картина совершенно измѣнилась. Въ казармы явились агитаторы и къ вечеру всѣ офицеры были уже арестованы, подвергались всевозможнымъ издѣвательствамъ и, какъ потомъ мнѣ рассказывали, къ нимъ въ комнату ворвались окончательно распропагандированные, обезумѣвшіе и вооруженные до зубовъ ихъ же солдаты, обезоружили всѣхъ офицеровъ, хватили ихъ и тащили для немедленной расправы во дворъ казармъ.

Кто-то догадался крикнуть: «Товарищи, тащите ихъ въ Думу — тамъ разберутъ»...

Этотъ призывъ спасъ несчастныхъ. Всѣхъ офицеровъ, какъ они были, безъ шинелей, безъ фуражекъ, гурьбой, по морозу и снѣгу, гнали въ Думу. Ихъ втащили въ Екатерининскій залъ. Возбужденіе росло съ каждой минутой. Уже раздавались крики: «Бей измѣнниковъ, бей предателей».

Случайно увидѣвъ эту картину, я понялъ, что спасти положеніе можетъ только Михаилъ Владиміровичъ. Я бросился къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залъ появилась могучая фигура Предсѣдателя Г. Думы. Воцарилась тишина. Громовымъ голосомъ онъ приказалъ немедленно освободить всѣхъ офицеровъ и вернуть имъ оружіе, а затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, громилъ ихъ и въ концѣ концовъ выгналъ обратно въ казармы. Въ полномъ порядкѣ солдаты, молча, покинули помѣщеніе Думы. Послѣ этого случая въ батальонѣ надолго воцарился относительный порядокъ.

Офицеры со слезами на глазахъ благодарили Михаила Владиміровича за спасеніе и просили разрѣшенія на эту ночь остаться въ Думѣ. Они говорили, что только за спиною ея Предсѣдателя они чувствуютъ себя внѣ опасности.

Не одну тысячу жизней спасъ Михаилъ Владиміровичъ, за то и отблагодарили они его впослѣдствіи, забывъ, какъ въ свое время цѣловали ему руки.

Громадный кабинетъ Предсѣдателя Г. Думы былъ переполненъ и ночь и день людьми, искавшими спасенія. Въ большинствѣ случаевъ это были видные военные и сановники, бросившіе все и бѣжавшіе отъ опасности, которая часто имъ даже и не угрожала. Здѣсь они чувствовали себя какъ за каменной стѣной.

Помню, какъ сейчасъ, видную фигуру начальника военно-автомобильной части генерала Секретева. Этотъ почтенный генералъ, пользовавшійся въ свое время, благодаря Распутину, большимъ вліяніемъ, гдѣ только могъ, всегда старался выказать свое пренебреженіе Предсѣдателю Г. Думы. Теперь онъ сюда прибылъ однимъ изъ первыхъ и съ разрѣшенія Михаила Владиміровича безъ зазрѣнія совѣсти расположился въ его кабинетѣ, какъ у себя дома.

Какъ то увидѣвъ меня, онъ обратился со слѣдующими словами: «Если я не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ секретаремъ Предсѣдателя Думы?»

Я поклонился.

«Не откажите въ любезности доложить его превосходительству, что я умоляю его дать мнѣ возможность работать на общее святое дѣло, хотя бы въ роли вашего писца. Я вѣдь канцелярію хорошо знаю».

Гадко вспомнить. Я посовѣтовалъ генералу лучше вернуться въ свою часть, гдѣ навѣрное онъ гораздо нужнѣе и полезнѣе, чѣмъ въ Думѣ.

Мы разстались, а генералъ вновь вернулся въ «свой» кабинетъ.

Въ эти первые дни, вообще, не было отбоя отъ предложенія своихъ услугъ со стороны людей, занимавшихъ видное положеніе до переворота, а въ Думу шли работать всѣ, начиная съ рабочихъ и кончая сановниками.

Помню по телефону изъ дворца великаго князя Константина Константиновича ко мнѣ обратились два его сына и просили передать Предсѣдателю Г. Думы, что они не могутъ въ такое время ничего не дѣлать и предлагали себя въ распоряженіе его превосходительства.

Я доложилъ объ этомъ Михаилу Владиміровичу, который приказалъ благодарить молодыхъ князей, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно просить ихъ сидѣть во дворцѣ и никуда не выходить.

* * *

Помню послѣдній докладъ Михаила Владиміровича Государю. Тучи на политическомъ горизонтѣ сгущались все болѣе и болѣе. Какая то невидимая рука старательно разрушала все, что съ такимъ немовѣрнымъ трудомъ созидалось немногими благомыслящими людьми, стоявшими на стражѣ интересовъ государства. Положеніе становилось невыносимымъ.

Михаиль Владиміровичъ рѣшилъ снова ѣхать къ Государю и еще разъ попытаться открыть ему весь ужасъ создавшагося положенія. Аудіенція была получена и Михаиль Владиміровичъ уѣхалъ.

По обыкновенію я выѣхалъ на вокзалъ встрѣтить его по возвращенію изъ Царскаго Села. Подошелъ поѣздъ. Изъ вагона въ придворномъ мундирѣ вышелъ Михаиль Владиміровичъ. По его лицу и фигурѣ я безъ словъ понялъ, что мало хорошаго онъ привезъ съ собой.

Проходя молча по перрону, мы встрѣтили начальника станціи, который низко поклонился. «Здравствуйте», — любезно отвѣтилъ Михаиль Владиміровичъ, а затѣмъ, обратившись ко мнѣ, замѣтилъ:

«Вотъ человѣкъ и не подозрѣваетъ, что видитъ меня въ этомъ нарядѣ послѣдній разъ».

Мы сѣли въ автомобиль. На мой вопросъ, что означаютъ его послѣднія слова, Михаиль Владиміровичъ мнѣ отвѣтилъ:

«Я сегодня сказалъ Государю, что я у него въ послѣдній разъ и больше его никогда не увижу. Я убѣжденъ, что это дѣйствительно такъ, я это ясно чувствую».

Разговоръ умолкъ. Михаиль Владиміровичъ задумался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь взволнованно заговорилъ:

«Вы подумайте только, что дѣлается. Я лишенъ возможности сдѣлать секретъ изъ моего посѣщенія Государя, а что же получается. Сегодня, прибывъ во дворецъ, я узналъ, что передо мной Государемъ былъ принятъ Протопоповъ. Совершенно ясно — это было стремленіе въ соотвѣтствующемъ духѣ подготовить Государя къ моему докладу и это я почувствовалъ съ первыхъ же произнесенныхъ мною словъ. Быть можетъ мнѣ все же горячею рѣчью, неопровержимыми доводами и удалось хоть немного поколебать Государя и заставить его задуматься надъ тѣмъ бѣдствіемъ, которое неминуемо грозитъ престолу и государству, но что же далѣе... при выходѣ я столкнулся съ Щегловитовымъ. Это уже тяжелая артиллерія и я убѣжденъ, что послѣ выступленія «этого орудія», отъ моего доклада въ головѣ Государя ничего не осталось. Я ломлюсь въ открытую дверь и ясно вижу, что спасенія нѣтъ и быть не можетъ».

Михаиль Владиміровичъ былъ правъ: это было его послѣднее свиданіе съ Государемъ.

* * *

Съ 27 февраля, день за днемъ, съ утра и до вечера, къ Думѣ являлись всевозможныя делегации, приходили непрерывной вереницей полки въ полномъ составѣ, рабочіе всѣхъ заводовъ и фабрикъ, учащіеся и т. д. Въ толпѣ царило радостное и восторженное настроеніе, всюду сохранялся полный порядокъ. У всѣхъ на устахъ было имя М. В. Родзянко, къ которому шли и шли безъ конца. По много разъ приходилось Михаилу Владиміровичу выходить къ толпѣ и объяснять народу создавшееся положеніе. Михаиль Владиміровичъ выбивался изъ силъ.

Свившій себѣ тутъ же въ Думѣ прочное гнѣздо совѣтъ рабочихъ депутатовъ первое время держался какъ то въ сторонѣ. Появлялись и изъ

ихъ лагеря ораторы, рѣчи которыхъ сначала лились въ унисонъ съ тѣмъ, что говорилось отъ имени Г. Думы. Однако скоро картина рѣзко измѣнилась. Тонъ представителей этой организаціи сталъ мѣнять свою окраску. Уже чувствовались демагогія и пораженчество. Послѣднее обстоятельство сильно беспокоило Михаила Владиміровича, который не могъ одинъ бороться съ этими явленіями. Ряды членовъ Г. Думы, раздѣлявшихъ первое время непосильный одному человѣку трудъ, стали рѣдѣть. Наконецъ настало время, когда уже окончательно изнемогавшій Михаилъ Владиміровичъ не могъ найти себѣ замѣстителя. Часто онъ разсылалъ во всѣ концы гонцовъ за поисками членовъ Г. Думы, которыхъ найти, однако, не удавалось. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ блестяще воспользовался создавшимся положеніемъ и быстро, очень талантливо, наладилъ дѣло пропаганды. И вотъ народъ, стремившійся узнать правду и желавшій понять происходящее, шелъ за разъясненіями въ Думу, а здѣсь его встрѣчали не депутаты и народъ получалъ «соотвѣтствующія» разъясненія и инструкціи, приведшія его въ результатѣ къ 25 октября.

Используя до конца Г. Думу, совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ легкой душой переѣхалъ въ полный составъ въ Смольный институтъ, гдѣ и продолжалъ свою разрушительную работу.

Пять сутокъ не выходилъ Михаилъ Владиміровичъ изъ Думы. Съ большимъ трудомъ его удалось уговорить поѣхать домой отдохнуть. Но едва онъ добрался до своей квартиры, какъ снова явились делегаты и умоляли Михаила Владиміровича пріѣхать немедленно въ Думу, гдѣ его появленія ждетъ громадная толпа.

Всѣ улицы были запружены народомъ. Автомобиль съ трудомъ передвигался впередъ. Люди, давя другъ друга, стремились къ автомобилю, чтобы ближе увидѣть своего Предсѣдателя Г. Думы. Многіе пытались поцѣловать его руку, многіе плакали. Противъ американскаго посольства толпа остановила автомобиль и требовала слова Предсѣдателя Г. Думы. Эту картину увидѣлъ со своего балкона посольствъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Фрэнсисъ и жестомъ пригласилъ Михаила Владиміровича къ себѣ. Мы поднялись къ послу и здѣсь съ балкона Михаилъ Владиміровичъ произнесъ рѣчь, все время прерываемую восторженными криками народа. Михаила Владиміровича на рукахъ донесли до автомобиля.

Послѣ произнесенной имъ около Думы рѣчи, народъ снова на рукахъ отнесъ его въ автомобиль. Здѣсь къ Михаилу Владиміровичу подошли начальники военно-учебныхъ заведеній и просили сказать нѣсколько словъ воспитанникамъ, выстроеннымъ шпалерами вдоль улицы.

Слова Михаила Владиміровича были покрыты несмолкаемыми криками «ура» военной молодежи и звуками оркестровъ.

Царило повсюду восторженное ликующее настроеніе и если кто былъ печаленъ въ эти дни, такъ это только одинъ Михаилъ Владиміровичъ Родзянко.

* * *

Да простить меня незабвенный Михаилъ Владиміровичъ за эти скромныя строки, которыя я посвятилъ его памяти. Не для его защиты хотѣлъ я по мѣрѣ силъ и возможности возстановить въ памяти приведенные мною факты изъ его жизни.

Въ защитѣ Михаилъ Владиміровичъ Родзянко не нуждается.

Я считалъ необходимымъ дополнить тотъ обширный матерьялъ, который въ этой работѣ даетъ самъ покойный, описаніемъ событій, которымъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ и о которыхъ естественно не могъ упомянуть покойный Предсѣдатель Г. Думы въ своихъ запискахъ.

Недалеко то время, когда историкъ разберется въ уже накопленномъ громадномъ матерьялѣ и будетъ наконецъ сказано вѣское слово, которое положить предѣлъ всѣмъ тѣмъ нелѣпымъ слухамъ, сплетнямъ и инсинуаціямъ, такъ старательно распускаемымъ вольными и невольными врагами правды и справедливости.

Бѣлградъ 1924 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Приступая къ изложенію событій, предшествовавшихъ революціи, и обстоятельствъ, при которыхъ или, вѣрнѣе, въ силу которыхъ появился при Дворѣ Императора Николая II Григорій Распутинъ и получилъ столь пагубное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, я отнюдь не имѣю въ виду стремленіе набросить тѣнь на личность мученически погибшаго русскаго Царя. Жизнь его несомнѣнно была полна лучшихъ пожеланій блага и счастья своему народу. Однако, онъ не только ни въ чемъ не достигъ, благодаря своему безволю, мягкости и легкому подчиненію вреднымъ и темнымъ вліяніямъ, а, напротивъ, привелъ страну къ царящей нынѣ смутѣ, а самъ со своей семьей погибъ мученической смертью.

Мнѣ, какъ близко стоящему къ верхамъ управленія Россіей, кажется, что я не вправѣ сохранять въ тайнѣ эти темныя страницы жизни русскаго царства, страницы — раскрывшіяся во время такой несчастливой для насъ міровой войны. Потомство наше себѣ въ назиданіе должно знать все прошлое своего народа во всѣхъ его подробностяхъ и въ ошибкахъ прошлаго черпать опытъ для настоящаго и будущаго. Поэтому всякій, знающій болѣе или менѣе интимныя детали, имѣющія историческій интересъ и государственное значеніе, не имѣетъ права скрывать ихъ, а долженъ свой опытъ и освѣдомленность безъ всякаго колебанія оставить потомству.

Съ этой точки зрѣнія я и прошу читателей отнести къ настоящимъ запискамъ. Быть объективнымъ въ своемъ изложеніи — моя цѣль, рѣзкаго же или пристрастнаго отношенія къ рассматриваемой эпохѣ я буду тщательно избѣгать.

Такъ или иначе, но начало разложенія русской общественности, паденіе престижа Царской власти, престижа и обаянія самой личности Царя роковымъ образомъ связаны съ появленіемъ при русскомъ Дворѣ и его вліяніемъ на жизнь Двора Григорія Распутина. И виновнымъ въ томъ, что его вліяніе имѣло гибельныя послѣдствія для всего государства, нельзя считать однако Императора Николая II, но несомнѣнно и главнымъ образомъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей и приближенныхъ къ Императорскому Двору лицъ, которые не поняли или не хотѣли понять въ своихъ личныхъ выгодахъ и расчетахъ глубину той пропасти, въ которую могутъ быть ввержены не только Императорская Семья, но и вся Россія. Обаяніе Царскаго престола было замарано наличіемъ вблизи его безнравственнаго и грязнаго проходимца. Эти лица должны были, не щадя себя, если имъ интересы и судьбы родины были выше личныхъ выгодъ и соображеній, мужественно сплотиться во имя блага Родины и спасти ее отъ могущихъ

быть страшных потрясеній. На дѣлѣ этого не было. Люди, долгъ которыхъ заключался въ упорной борьбѣ съ нарождающимся зломъ, этого долга передъ Родиной не исполнили. Они, напротивъ, въ личныхъ выгодахъ поддерживали тлетворное вліяніе Распутина на Царскую Семью, видя въ немъ вѣрное орудіе для достиженія своихъ тщеславныхъ и корыстныхъ цѣлей.

Я самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ отбрасываю появившіяся въ послѣдніе дни царствованія Николая II недостойныя и грязныя инсинуаціи на Царскую Чету, всѣ тѣ памфлеты бульварнаго характера, которые принимались легко на вѣру взбудораженной, легковѣрной толпой. Долгомъ совѣсти я считаю завѣрить, что причины вліянія Распутина лежатъ болѣе глубоко. Онѣ относятся къ области болѣзненнаго мистицизма Императрицы Александры Феодоровны, мистицизма, который постоянно и искусственно поддерживался Распутинымъ и его приспѣшниками, но ни въ какой степени не основывались на интимныхъ отношеніяхъ.

Въ своемъ изложеніи я буду базироваться на многихъ документахъ, имѣющихся у меня, и на сохранившихся личныхъ запискахъ. Мнѣ придется, однако, иногда приводить и бродившіе въ русскомъ обществѣ слухи и рассказы, которые даютъ прямое отраженіе настроенія умовъ описываемой эпохи.

I

Мистицизмъ Царицы и „пророки“ съ Запада. Епископъ Феофанъ и появленіе Распутина. Въ чемъ сила его вліянія на Царицу. Столкновение съ Гермогеномъ и Иліодоромъ и об. прокуроръ Синода Саблеръ.

Къ тому времени, когда послѣ Японской войны я по избранію екатеринославскаго губернскаго земства сдѣлался членомъ Г. Совѣта, относится и знакомство мое, болѣе или менѣе, близкое, съ высшими правящими сферами, а слѣдовательно сдѣлались доступными многія интимныя подробности быта этихъ сферъ, недоступныя и неизвѣстныя широкой русской публикѣ.

Общее мнѣніе, и несомнѣнно правильное, заключалось въ томъ, что Императрица Александра Феодоровна еще съ малыхъ лѣтъ имѣла склонность къ мистическому міросозерцанію; это свойство ея природы, по мнѣнію многихъ наслѣдственное, крѣпло и усиливалось съ годами, а въ описываемый мною періодъ достигло религіозной маніи, скажу даже, религіознаго экстаза: — вѣра въ возможность предсказаній будущаго со значительной долей суевѣрія.

Причины такого ея душевнаго состоянія объяснить, конечно, трудно. Было ли это послѣдствіемъ частаго дѣторожденія, упорной мысли о желаніи имѣть Наслѣдника, когда у нея рождались все дочери, или крылось ли это настроеніе въ самомъ ея душевномъ существѣ — опредѣлить я не берусь.

Но фактъ ея болѣзненнаго мистическаго и склоннаго къ вѣрѣ въ сверхъестественныя явленія настроенія, даже къ оккультному, — внѣ всякаго сомнѣнія.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими всегда болѣе внимательно насъ, русскихъ, и особенно придворныя настроенія. Чтобы имѣть сильную руку при дворѣ русскомъ и, быстро ориентировавшись въ создавшемся положеніи, они немедленно рѣшили использовать это настроеніе.

Въ началѣ 1900 года стали появляться при Императорскомъ русскомъ дворѣ нѣсколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущаго, которые приобрѣтали значительное вліяніе на мистически настроенный умъ Императрицы Александры Феодоровны. Въ силу довѣрія, которое оказывалось этимъ проходимцамъ Царской Семей, вокругъ нихъ образовывались кружки придворныхъ, которые начинали приобрѣтать нѣкоторое значеніе и даже вліяніе на жизнь императорскаго двора.

Въ этихъ кружкахъ тайное, незамѣтное участіе принимали безъ сомнѣнія и агенты нѣкоторыхъ иностранныхъ посольствъ, черпая такимъ образомъ всѣ необходимыя для нихъ данныя и интимныя подробности о русской общественной жизни. Такъ напримѣръ, за это время появился нѣкій Филиппъ. Онъ отвѣчалъ, какъ нельзя лучше, тому типу людей, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ на психологію царственной Четы, готовы служить всякому дѣлу и всякимъ цѣлямъ за достаточное вознагражденіе.

Ко двору этотъ господинъ былъ введенъ двумя великими княгинями. Но вскорѣ агентъ русской тайной полиціи въ Парижѣ Рачковскій донесъ въ Петербургъ, что Филиппъ темная и подозрительная личность, еврей по національности и имѣетъ какое то отношеніе къ масонству и обществу «Грандъ Альянсъ Израелитъ». Между тѣмъ Филиппъ приобрѣталъ все большее и большее вліяніе. Онъ продѣлывалъ какіе то спиритическіе пассы и сеансы, предугадывалъ будущее и убѣждалъ Императрицу, что у нея непременно явится на свѣтъ въ скоромъ будущемъ сынъ, Наслѣдникъ престола своего отца. Филиппъ приобрѣлъ такую силу при дворѣ, что агентъ Рачковскій былъ смѣненъ за доносъ его на Филиппа. Но какъ то загадочно исчезъ и Филиппъ при своей поѣздкѣ въ Парижъ.

Не успѣлъ онъ исчезнуть съ петербургскаго горизонта, какъ ему на смѣну появился въ высшемъ обществѣ такой же проходимецъ, якобы, его ученикъ, нѣкій Папюсъ, который въ скоромъ времени и тѣмъ же путемъ былъ введенъ ко двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашнимъ руководителямъ русской внутренней политики и высшимъ іерархамъ Церкви. Они были озабочены столь быстро приобрѣтаемымъ вліяніемъ приѣзжающихъ, а можетъ быть, и подсылаемыхъ загадочныхъ субъектовъ.

Власти свѣтскія были озабочены возможностью сложныхъ политическихъ интригъ, такъ какъ въ силу довѣрія, оказываемаго имъ Царями, вокругъ нихъ образовывались кружки придворныхъ, имѣвшихъ, конечно, въ виду только свои личныя дѣла, но способные и на худшее.

Власть духовная въ свою очередь опасалась возникновенія въ высшемъ обществѣ сектантства, которое могло бы пойти изъ придвор-

ныхъ сферъ и которое пагубно отразилось бы на православной русской церкви, примѣры чему русская исторія знаетъ въ царствованіе Императора Александра I.

Совокупными ли усиліями этихъ двухъ властей или въ силу другихъ обстоятельствъ и происковъ, но Папюсъ вскорѣ былъ высланъ и его мѣсто занялъ епископъ Феофанъ, ректоръ С. П. Б. духовной Академіи, назначенный къ тому же и еще духовникомъ Ихъ Величествъ. По рассказамъ, передаваемымъ тогда въ петербургскомъ обществѣ, вѣрность которыхъ документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашеніе высшихъ церковныхъ іерарховъ въ томъ смыслѣ, что на болѣзненно настроенную душу молодой Императрицы должна разумно вліять православная Церковь, стоя на стражѣ и охранѣ православія, и, всемѣрно охраняя его, бороться противъ тлетворнаго вліянія гнусныхъ иностранцевъ, преслѣдующихъ очевидно совсѣмъ иныя цѣли.

Личность преосвященнаго Феофана стяжала себѣ всеобщее уваженіе своими прекрасными душевными качествами. Это былъ чистый, твердый и христіанской вѣры въ духѣ истаго православія и христіанскаго смиренія человекъ. Двухъ мнѣній о немъ не было. Вокругъ него низкія интриги и происки имѣть мѣста не могли бы, ибо это былъ нравственный и убѣжденный служитель Алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивыхъ запросовъ.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ и страннымъ покажется то обстоятельство, что къ Императорскому двору именно имъ былъ введенъ Распутинъ.

Надо полагать, что епископъ Феофанъ глубоко ошибся въ оцѣнкѣ личности и душевныхъ свойствъ Распутина. Этотъ умный и тонкій, хотя почти неграмотный, мужикъ ловко обошелъ кроткаго, незлобиваго и довѣрчиваго епископа, который по своей чистотѣ душевной не угадалъ всю глубину разврата и безнравственности внутренняго міра Григорія Распутина. Епископъ Феофанъ полагалъ несомнѣнно, что на болѣзненные душевные запросы молодой Императрицы всего лучше можетъ подѣйствовать простой, богобоязненный, вѣрующій православный русскій человекъ ясностью, простотою и несложностью своего духовнаго міровоззрѣнія простолюдина. Епископъ Феофанъ, конечно, думалъ, что богобоязненный старецъ, какимъ онъ представлялъ себѣ Распутина, именно этой ясной простотою вѣрнѣе отвѣтитъ на запросы Государыни и легче, чѣмъ кто другой, разсѣветъ сгустившійся въ душѣ ея тяжелый мистическій туманъ. Но роковымъ образомъ честный епископъ былъ жестоко обмороченъ ловкимъ пройдохой и впослѣдствіи самъ тяжело поплатился за свою ошибку.

Кто же былъ по существу своему Григорій Распутинъ. Его *curriculum vitae* до появленія его на государственной аренѣ установлено документально.

Крестьянинъ села Покровскаго Тобольской губерніи, Распутинъ, повидимому, мало чѣмъ отличался отъ своихъ односельчанъ, былъ рядовымъ мужикомъ средняго достатка.

Изъ слѣдственнаго о немъ дѣла видно, что съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ склонности къ сектантству; его недюжинный пытливый умъ

искалъ какіе то неизвѣданные рѣлігіозные пути. Ясно, что прочныхъ христіанскихъ основъ въ духѣ православія въ его душѣ заложено не было и поэтому и не было въ его міровоззрѣніи никакихъ соотвѣтствующихъ моральныхъ качествъ. Это былъ, еще до появленія его въ Петербургѣ, — субъектъ, совершенно свободный отъ всякой нравственной этики, чуждый добросовѣстности, алчный до матеріальной наживы, смѣлый до нахальства и не стѣсняющійся въ выборѣ средствъ для достиженія намѣченной цѣли.

Таковъ нравственный обликъ Григорія Распутина на основаніи слѣдственного о немъ дѣла, бывшаго у меня въ рукахъ. Изъ этого же дѣла я почерпнулъ и слѣдующія свѣдѣнія. Мѣстный священникъ с. Покровскаго сталъ замѣчать странныя явленія во дворѣ Григорія Распутина.

Была возведена въ глухомъ углу двора какая то постройка, безъ оконъ, якобы баня. У Распутина съ сумерками стали собираться какія то таинственныя сборища. Самъ Распутинъ часто сталъ отлучаться въ Абалакскій монастырь вблизи Тобольска, гдѣ содержались разныя лица, сосланные туда за явную принадлежность къ разнымъ релігіознымъ сектамъ. Пока мѣстный священникъ выслѣживалъ подозрительныя обстоятельства, происходящія во дворѣ Распутина, этотъ послѣдній рѣшилъ испытать счастье внѣ родного села и махнулъ прямо въ Петербургъ. Документально установить, какимъ образомъ Распутинъ сумѣлъ втереться въ довѣріе къ епископу Феофану, мнѣ не удалось. Слуховъ было такъ много, что на точность всѣхъ этихъ разговоровъ полагаться нельзя. Указывали, какъ на посредника между епископомъ Феофаномъ и Распутинымъ, на священника Ярослава Медвѣдя, духовника одной изъ русскихъ великихъ княгинь, ѣздившаго почему то въ Абалакскій монастырь или туда сосланнаго, гдѣ онъ будто бы познакомился съ Распутинымъ и привезъ его съ собой. Эта версія наиболѣе вѣроятная, но были и другія. Но какъ бы тамъ ни было, въ началѣ 1900 годовъ, еще до китайской войны, мы видѣли уже Распутина въ большой близости къ епископу Феофану, духовнику ихъ Величества; недалёковидный архипастырь ввелъ его и ко Двору въ качествѣ старца и начетника, которыми еще при московскихъ Царяхъ кишмя кишѣли терема Царицъ московскихъ.

Распутинъ на первыхъ порахъ держалъ себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своихъ намѣреніяхъ. Естественно, что онъ осматривался, изучалъ придворный бытъ и придворныхъ людей, придворные нравы и своимъ недюжиннымъ умомъ дѣлалъ изъ своихъ наблюденій надлежащія для своей дальнѣйшей дѣятельности выводы. Этимъ онъ не только укрѣпилъ вѣру въ себя своего покровителя епископа Феофана, но приобрѣлъ еще вліятельнаго сторонника въ лицѣ епископа саратовскаго Гермогена, впоследствии члена св. Синода, сознавшаго въ концѣ концовъ свое заблужденіе и много за него пострадавшаго. Сторонникомъ же Распутина явился и небезызвѣстный іеремонахъ Иліодоръ, но про послѣдняго опредѣленно говорили, что это карьеристъ и провокаторъ, хотя своимъ пылкимъ темпераментомъ и горячимъ краснорѣчіемъ былъ одно время въ Саратовѣ идоломъ толпы, народнымъ трибуномъ и несомнѣнно пользовался огром-

нымъ вліяніемъ на народныя массы въ Саратовѣ и Царицынѣ, имѣя тамъ могучаго покровителя въ лицѣ мѣстнаго епископа Гермогена.

Въ этотъ періодъ времени Распутинъ не выходилъ изъ роли богобоязненнаго, благочестиваго старца, усерднаго молитвенника и ревнителя православной церкви Христовой. Во время тяжелаго лихолѣтія японской войны и революціи 1905 года онъ всячески утѣшалъ Царскую Семью, усердно при ней молился, завѣрялъ, что де при его усердной молитвѣ съ Царской Семейей и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ не можетъ случиться никакой бѣды, незамѣтно приобрѣталъ все большее и большее вліяніе и наконецъ получилъ званіе «Царскаго лампадика», т. е. завѣдывающаго горѣвшими передъ святыми иконами неугасимыми лампадами.

Такимъ образомъ онъ получилъ безпрепятственный входъ во дворецъ Государя и сдѣлался его ежедневнымъ посѣтителемъ по должности своей, вмѣсто спорадическихъ его тамъ появленій по приглашенію. Надобно при этомъ замѣтить, что Императоръ Николай II былъ большой любитель, знатокъ и цѣнитель св. иконъ древняго письма и обладалъ рѣдкой и высокоцѣнной коллекціей таковыхъ, которую очень бережно хранилъ. Надо полагать, что ввѣряя попеченію Распутина столь чтимое имъ собраніе иконъ, Государь несомнѣнно проявлялъ къ новопожалованному царскому лампадику извѣстное довѣріе, считая проявляемое имъ благочестіе искреннимъ и правдивымъ, а его самого достойнымъ хранителемъ св. ликовъ.

Почувствовавъ такимъ образомъ подъ собою твердую почву, Распутинъ постепенно мѣняетъ тактику, отдаваясь мало по малу своимъ безнравственнымъ наклонностямъ и сектантскимъ побужденіямъ.

По мѣрѣ того, какъ затихли революціонныя волны и жизнь государства входила исподволь въ нормальное русло, стали ходить, сначала неопредѣленно, не ясно слухи о продѣлкахъ этого пройдохи. Потомъ опредѣленнѣе и точнѣе стали указывать на то, что Распутинъ основываетъ хлыстовскіе корабли съ преобладаніемъ въ нихъ молодыхъ женщинъ и дѣвиць. Стали поговаривать, что Распутина часто видятъ въ отдѣльныхъ номерахъ петербургскихъ бань, гдѣ онъ предавался дикому разврату. Стали называть имена лицъ высшаго общества, якобы послѣдовательницъ хлыстовскаго вѣроученія Распутина. Мало по малу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутинъ соблазнилъ такую то, что двѣ сестры, молодая дѣвица, имъ опозорены, что въ извѣстныхъ квартирахъ происходятъ оргіи, свальный грѣхъ. Въ моемъ распоряженіи находилась цѣлая масса писемъ матерей, дочери которыхъ были опозорены наглымъ развратникомъ. Въ моемъ же распоряженіи имѣлись фотографическія группы такъ называемаго «хлыстовскаго корабля». Въ центрѣ сидитъ Распутинъ, а кругомъ около сотни его послѣдователей: все какъ на подборъ молодые парни и дѣвицы или женщины. Передъ нимъ двое держатъ большой плакатъ съ избранными и излюбленными хлыстами изрѣченіями св. Писанія. Я имѣлъ также группу гостинной Распутина, гдѣ онъ снятъ въ кругу своихъ поклонницъ изъ высшаго общества и, къ удивленію своему, многихъ изъ нихъ узналъ. Мнѣ доставили два портрета Распутина: на одномъ изъ нихъ онъ въ своемъ крестьянскомъ одѣяніи

съ наперснымъ крестомъ на груди и съ поднятой, сложенной трехперстно, рукою, якобы для благословенія. На другомъ онъ въ монашескомъ одѣяніи, въ клобукѣ и съ наперснымъ крестомъ. У меня образовался цѣлый томъ обличительныхъ документовъ. Если бы десятая доля только того матерьяла, который былъ въ моемъ распоряженіи, была истинной, то и этого было бы довольно для производства слѣдствія и преданія суду Распутина. Ко мнѣ, какъ къ Предсѣдателю Г. Думы, отовсюду неслись жалобы и обличенія преступной дѣятельности и развратной жизни этого господина.

Наконецъ дѣло перешло на страницы повседневной печати. Цензурный комитетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ переполошились не на шутку, конечно, имѣя черезъ департаментъ полиціи и его агентуру гораздо болѣе точныя свѣдѣнія и неопровержимыя доказательства справедливости бродящихъ въ обществѣ слуховъ. Положеніе государственной власти было до нельзя трудное. Она не могла не понимать, въ какую бездну влечетъ Распутинъ царскую Чету, а съ другой стороны вліяніе на послѣднюю отвратительнаго сектанта становилось все сильнѣе и могущественнѣе.

Чѣмъ же объяснить это роковое вліяніе, несомнѣнно положившее начало русской революціи, ибо оно первое поколебало вѣру въ престижъ царской власти и растлило народную совѣсть.

Внѣ всякаго сомнѣнія, Григорій Распутинъ помимо недюжиннаго ума, чрезвычайной изворотливости и ни передъ чѣмъ не останавливающейся развратной воли, обладалъ большой силой гипнотизма. Думаю, что въ научномъ отношеніи онъ представлялъ исключительный интересъ. Въ этомъ сходятся рѣшительно всѣ, его сколько нибудь знавшіе, и силу этого внушенія я испыталъ лично на себѣ, о чемъ буду говорить впослѣдствіи.

Само собой разумѣется, что на нервную, мистически настроенную Императрицу, на ея мятущуюся душу, страдавшую постояннымъ страхомъ за судьбу своего сына, Наслѣдника престола, всегда тревожную за своего Державнаго мужа, — сила гипнотизма Григорія Распутина должна была оказывать исключительное дѣйствіе. Можно съ увѣренностью сказать, что онъ совершенно поработилъ силою своего внушенія волю молодой Императрицы. Этою же силою онъ внушилъ ей увѣренность, что пока онъ при Дворѣ, династіи не грозитъ опасности. Онъ внушилъ ей, что онъ вышелъ изъ простаго сѣраго народа, а потому лучше, чѣмъ кто либо, можетъ понимать его нужды и тѣ пути, по которымъ надо идти, чтобы осчастливить Россію. Онъ силою своего гипнотизма внушилъ Царицѣ непоколебимую, ничѣмъ непобѣдимую вѣру въ себя и въ то, что онъ избранникъ Божій, ниспосланный для спасенія Россіи.

Вдобавокъ, по мнѣнію врачей, въ высшей степени нервная Императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутинъ примѣнялъ въ это время силу своего внушенія и облегчалъ ея страданія. И только въ этомъ заключался секретъ его вліянія. Явленіе чисто патологическое и больше ничего. Мнѣ помнится, что я говорилъ по этому поводу съ быв-

шимъ тогда предсѣдателемъ совѣта министровъ И. Л. Горемыкинымъ, который прямо сказалъ мнѣ: „C'est une question clinique“ *).

Тѣмъ отвратительнѣе было мнѣ всегда слышать разныя грязныя инсинуаціи и рассказы о какихъ то интимныхъ отношеніяхъ Распутина къ Царицѣ. Да будетъ грѣшно и позорно не только тѣмъ, кто это говорилъ, но и тѣмъ, кто смѣлъ тому повѣрить. Безупречная семейная жизнь царской Четы совершенно очевидна, а тѣмъ, кому какъ мнѣ довелось ознакомиться съ ихъ интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тѣмъ не менѣе, Григорій Распутинъ былъ настоящимъ оракуломъ Императрицы Александры Феодоровны и его мнѣніе было для нея закономъ. Съ другой стороны Императрица Александра Феодоровна, какъ натура исключительно волевая, даже депотическая, имѣла неограниченное подавляющее вліяніе на своего, лишеннаго всякаго признака воли и характера, августѣйшаго Супруга. Она сумѣла и его расположить къ Распутину и внушить ему довѣріе, хотя я положительно утверждаю на основаніи личнаго опыта, что въ тайникахъ души Императора Николая II до послѣднихъ дней его царствованія все же шевелилось мучительное сомнѣніе. Но тѣмъ не менѣе Распутинъ имѣлъ безпрепятственный доступъ къ Царю и вліяніе на него.

Мнѣ говорилъ слѣдующее мой товарищъ по Пажескому корпусу и личный другъ, тогда дворцовый комендантъ, генераль-адъютантъ В. Н. Дедюлинъ: «Я избѣгалъ постоянно знакомства съ Григоріемъ Распутинымъ, даже уклонялся отъ него, потому что этотъ грязный мужикъ былъ мнѣ органически противенъ. Однажды послѣ обѣда Государь меня спросилъ: «Почему вы, В. Н., упорно избѣгаете встрѣчи и знакомства съ Григоріемъ Ефимычемъ?» Я чистосердечно ему отвѣтилъ, что онъ мнѣ въ высшей степени антипатиченъ, что его репутація далеко нечистоплотная и что мнѣ, какъ вѣрноподданному, больно видѣть близость этого проходимца къ священной Особѣ моего Государя. «Напрасно вы такъ думаете, — отвѣтилъ мнѣ государь, — онъ хорошій, простой, религіозный русскій человѣкъ. Въ минуты сомнѣній и душевной тревоги я люблю съ нимъ бесѣдовать и послѣ такой бесѣды мнѣ всегда на душѣ дѣлается и легко, и спокойно».

Вотъ какое вліяніе черезъ Императрицу имѣлъ Распутинъ на Императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякіе честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя въ немъ доступное орудіе для проведенія личныхъ корыстныхъ цѣлей, — нечего. И въ этомъ обстоятельствѣ заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать при этомъ, что въ кружкѣ Распутина были весьма вліятельные сановники, какъ на примѣръ: Штюмеръ, оберъ-прокуроръ св. Синода Саблеръ, митрополитъ Питиримъ и др.

Какъ я уже сказалъ, разговоры о похожденияхъ Распутина перешли на страницы печати. Толки эти пока концентрировались въ столичной прессѣ, а провинція еще не ознакомилась съ ними и время упу-

*) Это клинической вопросъ.

щено не было. Разгорѣвшійся пожаръ возможно было легко потушить. Но вмѣсто того, чтобы понять весь ужасъ создавшагося положенія, чреватаго самыми мрачными послѣдствіями, вмѣсто того, чтобы дружно сплотившись, въ корнѣ пресѣчь возрастающую вокругъ царскаго престола грозную опасность, въ размѣрахъ и значеніи которой Императоръ и Императрица, очевидно, не отдавали себѣ отчета, высшіе государственные чины раздѣлились на два враждебныхъ лагеря — распутинцевъ и антираспутинцевъ. Къ сожалѣнію, была и третья группа сановниковъ — нейтральная, которая хотя и понимала положеніе и скорбѣла искренно о немъ, но, имѣя возможность противустоять бѣдѣ, изъ малодушія, а можетъ быть и личныхъ расчетовъ — упорно безмолствовала, не противясь злу. Къ группѣ, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: об. прокурора св. Синода В. К. Саблера, его товарища Даманскаго, законоучителя Царскихъ дѣтей протоіерея Васильева, генерала Воейкова, митрополита Питирима, гофмейстера Танѣева, его дочь г. Вырубову, Б. В. Штюрмера и многихъ имъ подобныхъ. Во главѣ второй группы стоялъ до своей смерти П. А. Столыпинъ, со своими сотоварищами министрами, митрополитъ петербургскій Антоній, сознавшій свою ошибку епископъ Гермогенъ и Феофанъ и многіе другіе. Ясно, что такое дѣленіе высшихъ сановныхъ лицъ только облегчало дѣйствіе распутинскихъ сторонниковъ. Пользуясь его вліяніемъ, послѣдніе просто устраняли своихъ противниковъ интригою и происками, очищая послѣдовательно всѣ препятствія на своемъ пути, усиливая этимъ значеніе и удѣльный вѣсъ своего предстателя. Нельзя забывать при этомъ, что постепенное возвышеніе и успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ сторонниковъ Распутина создавалъ соблазнъ для инако вѣрующихъ и случаи перебѣжки изъ антираспутинскаго лагеря въ распутинскій стали учащаться. Даже въ нейтральной группѣ чувствовалось колебаніе... Но несомнѣнно, что если бы высшіе слои русскаго общества дружно сплотились и Верховная власть встрѣтила серьезное, упорное сопротивление ненормальному положенію вещей, если бы Верховная власть увидала бы ясно, что мнѣніе о Распутинѣ одинаковое у всѣхъ, что ей не на кого опираться, — то отъ Распутина и его клики не осталось бы и слѣда. Если бы всѣ безъ исключенія болѣли душой за нарастающую угрозу Монарху, даже монархіи, и глубокой патріотизмъ, а не личный эгоизмъ былъ бы ихъ политическимъ символомъ вѣры, то не было бы двухъ мнѣній, двухъ лагерей, одинъ изъ которыхъ Верховная власть могла взять себѣ для опоры, пренебрегая неразумно другимъ, антираспутинскимъ, искренно преданнымъ Царю и Россіи. Распутинцы положили вмѣстѣ съ крайне правыми теченіями начало русской революціи, отчуждая Царя отъ народа и допуская умаленіе ореола Царскаго престола. Императоръ Николай II, видя расколъ мнѣній среди людей, его окружающихъ, и находясь подъ вліяніемъ своей августѣйшей супруги и не чувствуя иной опоры себѣ, не могъ по существу своему избрать иной путь на почвѣ антитезы распутинству. Вотъ почему я и позволилъ себѣ опредѣленно утверждать, что вина за начавшуюся разруху не можетъ быть отнесена исключительно на отвѣтственность Императора Николая II, но всею тяжестью должна лежать на той части правящихъ классовъ, которая,

одержимая исключительно честолюбіемъ, карьеризмомъ и преслѣдованіемъ личныхъ выгодъ, ослѣпленная этими побужденіями, забыла про громадную опасность для Царя и Россіи.

Какъ только Распутинъ почувствовалъ подъ собой твердую почву, онъ сталъ постепенно измѣнять свою тактику изъ пассивной въ агрессивную и наглѣлъ съ каждымъ днемъ, не видя препонъ своимъ изувѣрскимъ выходкамъ. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какъ быстро Распутинъ пріобрѣлъ послѣдователей и учениковъ среди общества. Послѣднихъ онъ имѣлъ значительный кругъ и преимущественно женщинъ, которыя льнули къ нему, какъ мухи къ меду.

Вотъ, что мнѣ рассказывали про силу внушенія, которою обладалъ Распутинъ. Одна дама, наслышавшись въ провинціи про вліяніе Распутина при Дворѣ, рѣшила поѣхать въ Петроградъ хлопотать черезъ него о повышеніи по службѣ своего горячо любимаго мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьянинкой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она добилась пріема у Распутина, но тотъ, выслушавъ ее сурово и властно, сказалъ ей: «Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мнѣ въ открытомъ платьѣ, съ голыми плечами. Да иначе ко мнѣ и не ѣзди». Причемъ пронизывалъ ее глазами, позволяя себѣ много лишняго въ обращеніи. Дама эта, возмущенная словами и обращеніемъ Распутина, покинула его съ твердымъ намѣреніемъ прекратить свои домогательства. Но вернувшись домой, она стала чувствовать въ себѣ непреодолимую тоску, сознавала, что она что-то непременно должна выполнить и на другой день добыла платье декольтэ и въ назначенный часъ была въ немъ у Распутина. Мужъ ея повышеніе получилъ въ послѣдствіи. Этотъ рассказъ документально точенъ.

Легко себѣ представить, какое отталкивающее впечатлѣніе производила эта женско-распутинская вакханалія на окружающую этихъ лицъ прислугу, для которой не существуетъ альковныхъ тайнъ, да и вообще на простолюдиновъ. Какое въ нихъ должно было подниматься презрѣніе къ «господамъ», предающихся цинично позорному разврату? Какими же соображеніями религіи и исканія высшей правды можно это оправдать? Ясно было всѣмъ, что только самыя низменныя цѣли руководили искателями покровительства Распутина и ничего другого. Характерно то, что на сѣрыхъ людей, обслуживающихъ прихоти этого развратника: — извозчиковъ, возившихъ его съ женщинами въ баню, баньщиковъ, отводившихъ ему банные номера, половыхъ въ трактирахъ, служащихъ ему во время его пьяныхъ оргій, городскихъ и агентовъ тайной полиціи, охранявшихъ драгоцѣнную его жизнь и мерзнувшихъ ночами на улицахъ для этой цѣли и т. д., Распутинъ вовсе не импонировалъ своею святостью, ибо вся повседневная, видимая его жизнь говорила совсѣмъ о другомъ. Ихъ сужденія сводились къ выраженію: «господа балуются». Но вѣдь Распутинъ находился въ приближеніи и подъ покровительствомъ высочайшихъ Особъ. Какіе же дѣлались отсюда выводы — судите сами.

Развертывающаяся безнравственность и цинизмъ Распутина открыли, наконецъ, глаза его первородному покровителю епископу Феофану на то, что такое въ сущности его дѣтище. Епископъ сталъ къ нему въ открытую оппозицію, старался убѣдить молодую Царицу, что

мнимый праведный старецъ не заслуживаетъ того вниманія и почета, которые ему оказываются, что присутствіе его компрометируетъ Дворъ и что онъ долженъ быть удаленъ,—но было уже поздно. Недостойный старецъ оказался сильнѣе праведнаго святителя. Борьба оказалась неравная. Епископъ Феофанъ былъ довольно быстро отрѣшенъ отъ званія царскаго духовника и отъ ректорства петербургской духовной Академіи и былъ переведенъ на епископскую кафедру въ Таврической епархіи въ Симферополь.

Распутинъ побѣдилъ и, почувствовавъ легкость своей побѣды, сознавъ окончательно силу своего вліянія, сталъ сначала истреблять лицъ, не поклонявшихся ему при высочайшемъ Дворѣ, а засимъ перенесъ этого рода дѣятельность въ ряды высшихъ духовныхъ іерарховъ, а позднѣе обратилъ свое вниманіе и на высшихъ государственныхъ дѣятелей и сановниковъ. Судьбу епископа Феофана раздѣлили и другой покровитель его епископъ Гермогенъ, тоже наконецъ убѣдившійся въ мнимой святости рекомендованнаго имъ сгоряча старца, но удаленіе или, вѣрнѣе, паденіе преосвященнаго Гермогена сопровождалось уже общественнымъ скандаломъ. Преосвященный Гермогенъ, не имѣвшій доступа ко Двору, рѣшилъ повести дѣло инымъ образомъ. Убѣдившись въ безнравственности Распутина и огромной опасности для Царской Семьи, которая грозила ей отъ близости этого проходимца, онъ вызвалъ послѣдняго къ себѣ и въ присутствіи іеромонаха Иліодора, войскового старшины Родіонова (автора небезызвѣстной книги «Наше Преступленіе»), келейника епископа и страника Мити — сталъ обличать всѣ его грязныя дѣла и увѣщевать его, убѣждая добровольно покаяться и уйти отъ Царскаго дома.

«Ты обманщикъ и лицемеръ, — говорилъ епископъ Гермогенъ Распутину (разсказъ привожу со словъ Родіонова), — ты изображаешь изъ себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошелъ, а теперь я вижу, какой ты есть на самомъ дѣлѣ, и вижу, что на мнѣ лежитъ грѣхъ — приближенія тебя къ царской Семьѣ. Ты позоришь ее своимъ присутствіемъ, своимъ поведеніемъ и своими разсказами ты порочишь имя Царицы, ты осмѣливаешься своими недостойными руками прикасаться къ ея священной Особѣ. Этого нельзя терпѣть дальше. Я заклинаю тебя именемъ Бога живого исчезнуть и не волновать русскій людъ своимъ присутствіемъ при царскомъ Дворѣ».

Распутинъ дерзко и нагло возражалъ негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутинъ, обозвавъ площадными словами преосвященнаго, наотрѣзъ отказался подчиниться требованію епископа и пригрозилъ ему, что раздѣляется съ нимъ по своему и раздавить его. Тогда выведенный изъ себя епископъ Гермогенъ воскликнулъ: «Такъ ты, грязный развратникъ, не хочешь подчиниться епископскому велѣнію, ты еще мнѣ грозишь. Такъ знай, что я, какъ епископъ, проклиная тебя!» При этихъ словахъ осатанѣвшій Распутинъ бросился съ поднятыми кулаками на владыку, причемъ, какъ разсказывалъ Родіоновъ, въ его лицѣ исчезло все человѣческое. Опасаясь, что въ припадкѣ ненависти Распутинъ покончитъ съ владыкой, Родіоновъ, выхвативъ шашку, поспѣшилъ съ остальными присут-

ствующими на выручку. Съ трудомъ удалось оттащить безумнаго отъ владыки, и Распутинъ, обладавшій большою физической силой, вырвался и бросился на утекъ. Его, однако, нагнали Иліодоръ, келейникъ и странникъ Митя и порядочно помяли. Все же Распутинъ вырвался и выскочилъ на улицу со словами: «Ну, погоди же ты, будешь меня помнить», что онъ и исполнилъ съ точностью, воспользовавшись слѣдующими привходящими обстоятельствами.

Мнѣ рассказывалъ епископъ, членъ Синода, что въ одномъ изъ секретныхъ засѣданій Синода об. прокуроръ Саблеръ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сторонниковъ Распутина, предложилъ Синоду рукоположить Распутина въ іереи. Св. Синодъ съ горячимъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и, несмотря на настояніе Саблера, указывавшаго на высокій источникъ этого предложенія, склонить ему на свою сторону Синодъ не удалось. При этомъ епископъ Гермогенъ произнесъ въ засѣданіи громовую рѣчь, избличая всю грязную жизнь и дѣятельность мнимаго святого старца. Конечно, Распутину это стало извѣстно черезъ Саблера.

Къ тому же времени относятся слѣдующія обстоятельства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, возбудила ходатайство объ учрежденіи первыхъ вѣковъ христіанства общества дьякониссъ. Эти общины полумонашескія имѣли въ древнія времена цѣлью молитвенныя собранія, устройство общежитій съ пріютами при нихъ, устройство пріютовъ для дѣтей и богадѣленъ, а также уходъ за больными и калѣками. Дѣло это было на разсмотрѣніи Синода приблизительно одновременно съ инцидентомъ по вопросу о рукоположеніи Распутина въ іереи. Въ засѣданіи Синода по этому вопросу возникли ожесточенныя пренія. Душою оппозиціи ходатайству великой княгини оказался тотъ же Гермогенъ. Возражая по существу ходатайства, онъ доказывалъ, что учрежденіе общинъ дьякониссъ противорѣчило бы каноническимъ правиламъ, ибо такія общины первыхъ вѣковъ христіанства были уничтожены постановленіемъ одного изъ вселенскихъ соборовъ.

Одновременно съ предложеніемъ великой княгини Саблеръ, видя, что Синодъ неумолимъ въ вопросѣ о рукоположеніи Распутина, придумалъ новую комбинацію. Онъ предложилъ возвести въ санъ епископа викарнаго Каргопольскаго, нѣкоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованнаго монаха, бывшаго до постриженія своего простымъ огородникомъ. Саблеръ рассчитывалъ, что этотъ послушный об. прокурору епископъ исполнитъ его волю и рукоположитъ Распутина въ священнической санъ. Надо отдать справедливость Синоду: онъ и противъ этого возсталъ единодушно и отвѣтилъ отказомъ. Но Саблеръ не смутился. Онъ объяснилъ іерархамъ, что лично онъ тутъ не причемъ и что это—воля лицъ, выше его стоявшихъ, и Синодъ заколебался. Первоприсутствующій въ Синодѣ петербургскій митрополитъ Антоній былъ такъ потрясенъ этой интригой, что послѣ засѣданія слегъ въ постель и проболѣлъ всю зиму, не принимая участія въ засѣданіяхъ Синода. Въ концѣ концовъ Саблеръ уломалъ таки большинство членовъ Синода: подъ предсѣдательствомъ епископа Сергія финляндскаго, который замѣщалъ митрополита Антонія, во-

прось о возведеніи Варнавы въ епископы былъ разрѣшенъ большинствомъ голосовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Епископъ Гермогенъ остался вѣренъ себѣ; онъ не унимался, громя и об. прокурора, и малодушныхъ членовъ Синода и наконецъ вызывающе покинулъ засѣданіе, заявивъ, что не желаетъ принимать никакого участія въ этомъ нечестивомъ дѣлѣ и грозя участникамъ постановленія церковной анафемой за отсутствіе въ нихъ ревности къ достоинству православной Церкви. По странной игрѣ судьбы всѣ эти интриги совпали по времени. Результатъ обличительной рѣчи епископа Гермогена былъ совсѣмъ неожиданный: послѣдовало Высочайшее повелѣніе, безотлагательно приказывавшее ему вернуться въ свою епархію съ исключеніемъ изъ числа членовъ Синода. Одновременно былъ высланъ изъ столицы и іеромонахъ Іліодоръ, бывшій совершенно не при чемъ въ рѣшеніи Синода. Этотъ остракизмъ въ отношеніи двухъ ярыхъ враговъ старца ясно показываетъ, кто руководилъ этимъ дѣйствіемъ и кто мстилъ и устранялъ со своего пути противниковъ.

Распутинъ съ образовавшимся уже тогда кружкомъ началъ проявлять себя. Однако, строптивый владыка Гермогенъ отказался подчиниться постигшей его опалѣ. Онъ написалъ Государю горячее искреннее письмо, умоляя его вырвать выросшія вокругъ трона плевелы, доказывая силою неопровержимыхъ доводовъ все малодушіе Синода и всю кривду возникшаго гнуснаго дѣла. Всей мощью своего краснорѣчія онъ молилъ Императора побережь себя, Наслѣдника и всю царскую Семью отъ того ужаснаго вреда, который имъ приносится, требовалъ суда епископовъ надъ собой, который только и можетъ по каноническимъ правиламъ отстранить его отъ участія въ Синодѣ. Письмо это осталось безъ отвѣта, но об. прокуроръ Саблеръ увѣдомилъ епископа Гермогена, что за послушаніе Царскому приказу онъ ссылается на покой въ Жировецкій монастырь и, если не уйдетъ туда добровольно, то будетъ высланъ силой. Владыка серьезно заболѣлъ, но оправившись, смирился, подчинился приказу и добровольно отправился въ ссылку.

Іеромонахъ Іліодоръ, однако, иначе использовалъ свою высылку, поднявъ по этому поводу шумиху вокругъ своего имени. Онъ помѣщалъ, гдѣ могъ, откровенныя интервью, прямо указывая на Распутина, какъ на инициатора и вдохновителя всего происшедшаго. Затѣмъ онъ таинственно исчезъ, отправившись въ Саратовъ пѣшкомъ. Корреспонденты гнались за нимъ по пятамъ, описывая это путешествіе, превратившееся такимъ образомъ въ триумфальное шествіе. Въ концѣ концовъ Іліодоръ былъ арестованъ и водворенъ въ предназначенное ему мѣсто ссылки. Общественный скандалъ получился изрядный. Выраженія сочувствій летѣли къ епископу Гермогену со всѣхъ сторонъ и возмущеніе было всеобщее. Я помню хорошо, какъ членъ Г. Думы В. М. Пуришкевичъ въ то время пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ въ возбужденномъ состояніи и съ ужасомъ и тоской въ голосъ говорилъ мнѣ: «Куда мы идемъ? Послѣдній оплотъ нашъ стараются разрушить — Св. православную Церковь. Была революція, посягавшая на Верховную власть, хотѣли поколебать ея авторитетъ и опрокинуть ее, — но это не удалось. Армія оказалась вѣрной долгу, — и ее явно пропагандируютъ. Въ довершеніе темныя силы взялись за послѣднюю на-

дежду Россіи, за Церковь. И ужаснѣе всего то, что это какъ бы исходить съ высоты престола Царскаго. Какой то проходимецъ, хлысть, грязный неграмотный мужикъ играетъ святителями нашими. Въ какую пропасть насъ ведутъ? Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину, Распутина»... А вѣдь Пуришкевичъ принадлежалъ къ крайне правому крылу Думы. Но онъ былъ честный убѣжденный человѣкъ, чуждый карьеризма и искательства и горячій патриотъ. На силу удалось мнѣ успокоить взволнованнаго депутата, убѣдивъ его, что не все пропало, что Дума еще можетъ сказать свое слово и быть можетъ Верховная власть внемлетъ голосу народныхъ избранниковъ.

Характерно при этомъ, что Императоръ Николай II лично ничего не имѣлъ против сосланнаго владыки. Послѣдній, по прибытіи на свое новое мѣстожительство, прислалъ ко мнѣ своего секретаря съ письмомъ, въ которомъ призывалъ меня къ исполненію моего долга въ томъ отношеніи, чтобы я раскрылъ всю правду Царю и со своей стороны предостерегъ бы Его Величество отъ надвигающейся опасности.

Въ одномъ изъ ближайшихъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ я доложилъ всю подноготную инцидента въ св. Синодѣ и просилъ смягчить участь невинно пострадавшаго владыки. Государь отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я ничего не имѣю противъ епископа Гермогена. Считаю его честнымъ, правдивымъ архипастыремъ и прямодушнымъ человѣкомъ, способнымъ стойко и безстрашно отстаивать правду и непоколебимымъ въ служеніи истинѣ и достоинству православной Церкви. Онъ будетъ скоро возвращенъ. Но я не могъ не подвергнуть его наказанію, такъ какъ онъ открыто отказался подчиниться моему повелѣнію».

Но прощеніе все же не послѣдовало. Вѣроятно иныя воздѣйствія оказались сильнѣе и поколебали слабую волю Императора.

Для разслѣдованія дѣла Иліодора Государемъ былъ посланъ въ Царицынъ флигель-адъютантъ Мандрыка. Попутно онъ узналъ многое и о преступной дѣятельности Распутина. Вернувшись въ Петербургъ, Мандрыка, какъ честный человѣкъ, рѣшилъ довести обо всемъ до свѣдѣнія Государя и въ присутствіи Императрицы, сильно волнуясь (онъ такъ волновался, что ему сдѣлалось дурно, и Государь самъ приносилъ ему стаканъ воды), рассказалъ, что онъ узналъ о хлыстовской дѣятельности Распутина въ Царицынѣ. Это подтверждаетъ, что въ сущности Государь не былъ въ невѣдѣніи относительно Распутина.

Общественная совѣсть была возмущена и требовала правды. Въ печати появились мельчайшія подробности этого дѣла. Газеты платили большіе штрафы въ цензуру, но все же статьи свои помѣщали. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стороны ни подходитъ къ этому дѣлу, правда все же останется на сторонѣ Гермогена. Какое преступленіе совершилъ онъ въ сущности, что навлекъ столь жестокою кару. Какъ человѣкъ безъ страха и упрека онъ считалъ долгомъ высказаться прямо и честно, согласно велѣнію своей пастырской совѣсти, онъ смѣло и не боясь никакихъ возмездій боролся за правое дѣло, отстаивая высокое достоинство Церкви. Гдѣ же составъ его преступленія? И все же онъ палъ въ угоду низкихъ проходимцевъ.

Вотъ какое могучее вліяніе уже тогда въ концѣ 1911 года имѣлъ

Распутинъ и его кружокъ. Могло ли русское общество оставаться спокойнымъ равнодушнымъ зрителемъ происходящаго? Но кто же боролся противъ развивающагося зла?

II

П. А. Столыпинъ о Распутинѣ. Инцидентъ съ нянюшкой Царскихъ дѣтей. Опала петербургскаго митрополита Антонія. Запросъ о Распутинѣ въ Г. Думѣ. Разговоръ съ вдовствующей Императрицей о Распутинѣ.

Возвращаясь нѣсколько назадъ, а именно къ 1908—1910 г. г., я долженъ сказать, что предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ уже тогда былъ не мало озабоченъ неожиданнымъ и послѣдовательно упорнымъ возрастаніемъ значенія и вліянія Распутина при Императорскомъ Дворѣ. На той же точкѣ зрѣнія стояли и оберъ-прокуроры св. Синода за время премьерства Столыпина—П. П. Извольскій и Лукьяновъ. Столыпинъ неоднократно указывалъ Императору Николаю II на гибельныя послѣдствія, могущія произойти отъ близости къ Царской Четѣ несомнѣннаго сектанта. Но Распутинъ въ періодъ 1905—1909 г. держалъ себя сравнительно въ тѣни, подготавливая себѣ твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастающую свою силу, этотъ изувѣръ мало по малу распоясывается. Походженія эротическаго характера дѣлаются все наглѣе и отвратительнѣе, число его жертвъ все увеличивается и захватывается имъ все большій кругъ послѣдователей и поклонницъ. Въ виду такого обстоятельства тогдашній об. Прокуроръ св. Синода Лукьяновъ совместно съ предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ предприняли обслѣдованіе документальныхъ данныхъ, имѣвшихся въ наличности о Распутинѣ, чтобы пролить свѣтъ на загадочную и неясную еще тогда личность этого проходимца. Истина не замедлила вылиться во всемъ своемъ неприглядномъ видѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ секретныя дѣла архива Синода, об. прокурору Лукьянову было легко приступить къ расшифровкѣ личности «великаго старца». Документы, на основаніи которыхъ это обслѣдованіе производилось, были впоследствии въ моемъ обзорѣ и изученіи. Результаты обслѣдованія оказались довольно убѣдительными и на основаніи этого обильнаго слѣдственнаго матерьяла предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ былъ составленъ исчерпывающій всеподданнѣйшій докладъ, приведшій, однако, къ совершенно неожиданному результату. Императоръ Николай II внимательно выслушалъ докладъ премьера, не принялъ однако по немъ опредѣленнаго рѣшенія, но поручилъ Столыпину вызвать къ себѣ Распутина и лично убѣдиться въ томъ, каковъ онъ есть человекъ. Объ этомъ поворотѣ дѣла мнѣ лично говорилъ при моемъ докладѣ о томъ же дѣлѣ Государь Императоръ Николай II. Отъ самого Столыпина я слышалъ, что онъ дѣйствительно вызывалъ къ себѣ Распутина. Послѣдній немедленно, войдя въ кабинетъ министра, сталъ испытывать надъ нимъ силу своего гипнотическаго свойства: «Онъ бѣгалъ по мнѣ своими бѣлесоватыми глазами,—говорилъ Столыпинъ,—произносилъ какія то загадочныя и безсвязныя изрѣченія изъ Священнаго Писанія, какъ то необычайно водилъ

руками, и я чувствовалъ, что во мнѣ пробуждается неопределимое отвращеніе къ этой гадинѣ, сидящей противъ меня. Но я понималъ, что въ этомъ человѣкѣ большая сила гипноза и что онъ на меня производитъ какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатлѣніе. Преодолевъ себя, я прикрикнулъ на него и, сказавъ ему прямо, что на основаніи документальныхъ данныхъ онъ у меня въ рукахъ и я могу его раздавить въ прахъ, предавъ суду по всей строгости законовъ о сектантахъ, въ виду чего рѣзко приказалъ ему немедленно, безотлагательно и притомъ добровольно покинуть Петербургъ и вернуться въ свое село и больше сюда не появляться».

Это было въ началѣ 1911 года. Премьеръ оказался сильнѣе гипнотизера, который понялъ, что дѣло грозило принять крайне невыгодный для него оборотъ и, дѣйствительно, очень быстро и неожиданно исчезъ съ петербургскаго горизонта и долгое время на немъ не появлялся. Но надо при этомъ замѣтить, что если на такого желѣзной воли человѣка, какимъ былъ по существу своему Столыпинъ, Григорій Распутинъ все же оказывалъ скрытой въ немъ силой гипноза извѣстное вліяніе, то какой же силы вліяніе могло быть на натурахъ, менѣе крѣпкихъ нервами и самообладаніемъ.

Однако, несмотря на кажущееся безмолвное согласіе Государя на изгнаніе Распутина по настоянію Столыпина, дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ. Въ скоромъ времени послѣ отъѣзда «старца» въ родное село, слѣдомъ за нимъ отправилась одна изъ приближенныхъ къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ дамъ А. А. Вырубова и съ нею онъ вернулся, но не въ Петербургъ, а въ Кіевъ, куда прибыла Царская Семья на торжества введенія земскихъ учрежденій въ юго-западномъ краѣ. Надо при этомъ помнить, что положеніе Столыпина сильно колебалось въ это время при Дворѣ. Законъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ, принятый въ г. Думѣ, былъ отклоненъ въ Г. Совѣтѣ. П. А. Столыпинъ заявилъ Государю Императору, что онъ выходитъ въ отставку. Но состоялся компромиссъ, въ силу котораго законодательныя палаты были распущены на три дня и въ это время законъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ былъ обнародованъ по 87 ст., въ точной редакціи принятаго Г. Думой законопроекта и П. А. Столыпинъ взялъ свою отставку обратно. Негодованію членовъ Г. Совѣта не было границъ, но и въ придворныхъ кругахъ поднялась по этому поводу усиленная агитація противъ предсѣдателя совѣта министровъ.

Много было толковъ въ обществѣ о томъ, что уже сформировавшийся тогда кружокъ Распутина принималъ въ этой кампаніи дѣятельное участіе. Какъ бы то ни было, но фактъ поѣздки Вырубовой въ с. Покровское, очевидно, за Распутинымъ до нѣкоторой степени подтверждалъ эти разговоры. Определенно уже говорилось тогда, что Распутинъ успѣлъ убѣдить Царскую Чету въ томъ, что пока онъ при ней въ наличности, никакого несчастья ни съ ней, ни въ особенности съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ случиться не можетъ. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая въ своемъ сынѣ, дрожащая за него постоянно, въ силу своего мистическаго настроенія вполне подчинилась этимъ внушеніямъ ловкаго гипнотизера. Ей казалось,

что она обязана принимать всѣ мѣры, не брезгать ничѣмъ, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемаго сына. Поэтому въ ея міровоззрѣніи естественно сложилось твердое убѣжденіе, что Распутинъ долженъ находиться неотлучно при Царской Семьѣ и въ Кіевѣ, гдѣ предстоялъ рядъ торжествъ и многочисленныя появленія Царственной Четы среди народа. Во всякомъ случаѣ Распутинъ былъ привезенъ Вырубовой въ Кіевъ, а затѣмъ отправился вслѣдъ за Императорской Фамиліей въ Крымъ, въ Ливадію, гдѣ жилъ въ Ялтѣ въ гостинницѣ «Эдинбургъ», но подъ именемъ Никонова. Когда это обстоятельство дошло до свѣдѣнія тогдашняго градоначальника города Ялты генерала Думбадзе, этотъ честный человѣкъ немедленно выслалъ Никонова (Распутина) изъ Ялты административнымъ порядкомъ, не считаясь съ опасностью для своей карьеры. По возвращеніи Царской Семьи въ Петербургъ Распутинъ былъ уже тамъ и вновь занялъ прежнюю позицію при Дворѣ.

Такимъ образомъ кажущаяся побѣда Столыпина и об. прокурора Лукьянова была лишь временной имъ уступкой и все вошло въ прежнюю колею. Въ Кіевѣ во время торжествъ Столыпинъ былъ предательски убитъ во время параднаго спектакля и на его мѣсто былъ назначенъ Коковцевъ. Лукьяновъ понялъ, что ему безъ Столыпина не сохранить своего поста, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ В. К. Саблеромъ, убѣжденнымъ сторонникомъ Распутина, при которомъ уже и разыгрались всѣ, описанные мною выше, инциденты въ Синодѣ, окончившіеся опалой еп. Гермогена и Иліодора.

Послѣдовательныя политическія побѣды все болѣе и болѣе окрылили Распутина и онъ закусилъ удила.

Стало извѣстно, что онъ соблазнилъ нянюшку царскихъ дѣтей, воспитанницу императорскаго воспитательнаго дома. Мнѣ извѣстно, что въ этомъ она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своимъ соблазнителемъ въ баню, потомъ одумалась, поняла свой глубокій грѣхъ и во всемъ призналась молодой Императрицѣ, умоляя ее не вѣрить Распутину, защитить дѣтей отъ его ужаснаго вліянія, называя его «дьяволомъ». Нянюшка эта, однако, вскорѣ была объявлена ненормальной, нервно больной и ее отправили для излѣченія на Кавказъ. Побывавъ у лѣчившагося тамъ митрополита Антонія, она чистосердечно призналась ему въ своемъ грѣхѣ и обрисовала во всѣхъ подробностяхъ преступную дѣятельность Распутина въ царскомъ дворцѣ, умоляя владыку митрополита спасти изъ когтей этого «чорта» Наслѣдника Цесаревича.

Вернувшись въ началѣ 1911 года въ Петербургъ, митрополитъ Антоній, испросивъ всеподданнѣйшій докладъ, подробно доложилъ Императору о всемъ ему извѣстномъ. Государь съ неудовольствіемъ возразилъ ему, что эти дѣла его, митрополита, не касаются, такъ какъ эти дѣла его семейныя. Митрополитъ имѣлъ твердость отвѣтить: «Нѣтъ, Государь, это не семейное дѣло только, но дѣло всей Россіи. Наслѣдникъ Цесаревичъ не только вашъ сынъ, но нашъ будущій повелитель и принадлежитъ всей Россіи». Когда же Царь вновь остановилъ

владыку, сказавъ, что онъ не позволить, чтобы кто либо касался того, что происходитъ въ его дворцѣ, митрополитъ, волнуясь, отвѣтилъ: «Слушаю, Государь, но да позволено будетъ мнѣ думать, что русскій Царь долженъ жить въ хрустальномъ дворцѣ, доступномъ взорамъ его подданныхъ».

Государь сухо отпустилъ митрополита, съ которымъ вскорѣ послѣ этого сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ уже не оправился.

Очевидно вліяніе Распутина крѣпло, а число его апологетовъ росло. Къ нему уже начали обращаться за помощью и покровительствомъ со всѣхъ сторонъ. У него завелось нѣсколько секретарей, онъ, какъ высокопоставленное лицо, имѣлъ пріемные часы и сдѣлался даже малодоступнымъ. Явиться передъ его ясные очи сдѣлалось уже дѣломъ довольно сложнымъ: записывались въ очереди и все же шли со всякаго рода возможными и невозможными просьбами въ полномъ убѣжденіи, что «всемогущій» старецъ все сдѣлаетъ. Повидимому, и Распутинъ убѣдилъ себя въ томъ же. По крайней мѣрѣ еще предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, а впоследствии другіе высшія должностныя лица стали получать отъ него безграмотно написанныя записки въ довольно императивной редакціи на «ты» — «помоги такому-то» или «сдѣлай то, что проситъ такой-то», «я его знаю, онъ хорошій человѣкъ».

Къ сожалѣнію, надо сказать, что отказъ эти домогательства встрѣчали рѣдко. Лично я одинъ разъ тоже получилъ такую записку, но, конечно, ничего не сдѣлалъ по ней и послѣ принятыхъ мною довольно суровыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, этого больше не повторялось. Просители, видя, что заступничество Распутина помогаетъ, рассказывали о немъ другимъ и слава его росла. Пріѣзжали даже специально изъ далекой провинціи ходатайствовать о помощи пресловутаго Григорія Ефимовича.

И такъ, безграмотный, безнравственный, развратный мужикъ, сектантъ, человѣкъ порочный, явился, какъ бы въ роли всесильнаго временщика, котораго, къ сожалѣнію, часть общества поддерживала и окружила организованнымъ кружкомъ. Что хорошаго могло сулить Россіи такое мрачное явленіе? Какъ назвать психологію тѣхъ, кто являлись апологетами «старца», какъ не низкопробнымъ карьеризмомъ, сервизмомъ низкой марки, корыстью и преслѣдованіемъ узкихъ личныхъ выгодъ. Этимъ людямъ не было дѣла до величія и ореола Верховной власти, основы которой явно ими колебались. Имъ не было никакого дѣла и до Россіи.

Въ это время въ силу исключительнаго положенія, занятого Распутинымъ, вокругъ него стали образовываться темные дѣловые кружки сомнительнаго финансоваго свойства, чаявшіе черезъ вліятельнаго «старца» втихомолку обдѣлать свои дѣлишки и было фактически извѣстно, что своихъ цѣлей эти люди достигали. Г. Дума, конечно, не могла остаться въ сторонѣ отъ всѣхъ толковъ о значеніи для государства создавагося соблазна. Среди членовъ Думы царило не малое безпокойство. Но Г. Дума была въ извѣстной степени бессильна что либо предпринять для успокоенія общества по самому существу круга

своей дѣятельности. Наконецъ члены Думы до нельзя опасались гласнаго признанія съ думской кафедры, что проходимецъ и хлысть является какъ бы въ исключительной роли царскаго совѣтника и взялъ такую силу, что цѣлое законодательное учрежденіе оказалось вынужденнымъ вступить съ нимъ въ борьбу. Къ прискорбію, однако, избѣжать этого не удалось. Воздерживаясь до поры до времени отъ вмѣшательства въ дѣло Распутина, члены Г. Думы, тѣмъ не менѣе, не могли не быть озабочены все возрастающимъ его вліяніемъ.

Если бы дѣло ограничивалось исключительно увлеченіемъ Императрицы Александры Феодоровны воображаемымъ даромъ пророчества этого человѣка и гипнотической его силой, облегчавшей ей нервное страданіе и умѣрившей ея страхи и опасенія за свою семью, въ особенности за жизнь Наслѣдника, — то, конечно, это особой тревоги возбудить бы не могло. Но Распутинъ, завладѣвъ неограниченнымъ довѣріемъ Царской Семьи, организовалъ (или вокругъ него были другими организованы) плотно спаянный кружокъ единомышленниковъ, который сначала преслѣдовалъ личныя цѣли, а засимъ мало по малу сталъ вмѣшиваться сначала въ церковныя, а затѣмъ весьма основательно и въ государственныя дѣла, устраняя популярныхъ дѣятелей и замѣняя ихъ своими ставленниками. Наконецъ, подросталъ Наслѣдникъ престола. Всѣмъ было извѣстно, что Распутинъ вмѣшивается въ интимныя семейныя дѣла Царской Семьи и, не безъ основанія, являлось опасеніе, что постоянная проповѣдь сектантства можетъ оказать вліяніе на впечатлительную дѣтскую душу и что этою проповѣдью Наслѣдникъ престола можетъ быть соращенъ изъ лона православной Церкви, а фанатическая проповѣдь изувѣра мало по малу привьетъ его міросозерцанію вредный мистицизмъ и можетъ сдѣлать изъ него въ будущемъ нервнаго и неуравновѣшеннаго человѣка. Наконецъ, близость къ царскому престолу завѣдомо безнравственнаго и развратнаго, безграмотнаго мужика, слава о безобразныхъ похожденияхъ котораго гремѣла, очевидно, способна была въ корнѣ подорвать высокое чувство уваженія и почитанія Верховной власти. Были темныя слухи о томъ, что именно это и входило въ планъ вдохновителей распутинскаго кружка, причемъ дѣло, якобы, не обходилось безъ зарубежныхъ вліяній изъ другихъ странъ. По крайней мѣрѣ, когда я собиралъ матерьялъ для предстоящаго мнѣ всеподданнѣйшаго доклада, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ. Въ нихъ говорилось; что на масонскомъ съѣздѣ въ Брюсселѣ, кажется въ 1909 или 1910 г., проводилась мысль, что Распутинъ удобное орудіе для проведенія въ Россіи лозунговъ партій и что подъ разлагающимъ его вліяніемъ династія не продолжится болѣе двухъ лѣтъ. Видя и оцѣнивая общее настроеніе, я понялъ, что предсѣдателю Г. Думы не избѣжать подробнаго доклада Государю о наростающихъ общественныхъ настроеніяхъ. Событія, однако, развернулись быстрѣе, чѣмъ я думалъ.

Когда въ концѣ 1910 года разыгралось нашумѣвшее по всей Россіи дѣло епископа Гермогена и Иліодора, приватъ-доцентъ московской духовной Академіи Новоселовъ, специалистъ по дѣламъ сектантства, выпустилъ въ свѣтъ брошюру, въ которой онъ шагъ за шагомъ слѣдя за дѣятельностью Распутина, документально изобличаетъ его въ хлы-

ствовствѣ. Новоселовъ рѣзко обвинялъ въ своемъ трудѣ высшую церковную іерархію въ попустительствѣ сектантству. Брошюра эта была немедленно изъята изъ продажи, конфискована и за выдержки изъ нея въ горячей статьѣ того же автора, помѣщенной имъ въ газетѣ «Голосъ Москвы», газета заплатила большой штрафъ и номеръ былъ полиціей конфискованъ. Эти репрессіи имѣли, однако, обратное дѣйствіе: брошюра Новоселова и номеръ газеты въ уцѣлѣвшихъ экземплярахъ стали покупаться за баснословныя деньги, а въ газетахъ всѣхъ направленій появлялись статьи о Распутинѣ и незаконной конфискаціи брошюры; печатались во всеобщее свѣдѣніе письма его бывшихъ жертвъ, прилагались фотографіи, гдѣ онъ изображенъ въ кругу своихъ послѣдователей. И чѣмъ больше усердствовала цензура и полиція, тѣмъ болѣе писали и платили штрафы. Дѣло епископа Гермогена не могло не возбудить волненія среди членовъ Г. Думы, а появившаяся брошюра Новоселова и начавшаяся газетная кампанія только подлили масла въ огонь. Въ виду такихъ обстоятельствъ я рѣшилъ безотлагательно испросить всеподданнѣйшій докладъ. Но совершенно неожиданно для меня безъ предварительныхъ со мной переговоровъ нѣкоторыми членами Думы былъ предъявленъ запросъ по поводу незаконныхъ дѣйствій предержавшихъ властей по конфискаціи брошюры Новоселова и номера газеты «Голосъ Москвы».

На основаніи Наказа Г. Думы я не имѣлъ права не поставить на обсужденіе запросъ, внесенный въ порядкѣ спѣшности. Но такъ какъ можно было ожидать и по поводу обсужденія спѣшности его большого скандала въ Думѣ, я предварительно собралъ лидеровъ отдѣльныхъ думскихъ фракцій. Я старался убѣдить перваго, подписавшаго запросъ, А. И. Гучкова обождать съ запросомъ въ цѣляхъ охраны Верховной власти отъ страстнаго осужденія во время преній. Мнѣ казалось, что еще не настало время выносить всѣ мрачныя явленія на судъ общества и страны, что подобное широкое преданіе дѣла всеобщей гласности преждевременно. Я находилъ, что было бы цѣлесообразнѣе и осторожнѣе, имѣя въ рукахъ обильный матерьялъ, попытаться путемъ доклада предсѣдателя Г. Думы ясно показать Государю Императору всю опасность для него же развертывающихся событій и добиться удаленія совсѣмъ отъ Двора вреднаго лжеучителя.

А. И. Гучковъ возразилъ на это, что общее настроеніе до нельзя повышенное и задержка запроса умѣренныхъ партій повлечетъ къ тому, что таковой будетъ предъявленъ социалистами, которые не посядутъ внести такіе мотивы, которые не разрядятъ, но еще сгустятъ атмосферу. При предъявленіи же запроса центральными партіями можно достигнуть соглашенія и скандала въ Думѣ избѣжать. Гучковъ полагалъ, что путемъ запроса въ настоящихъ обстоятельствахъ можно избѣжать обсужденія распутинства при разсмотрѣніи смѣты св. Синода: сейчасъ пренія могутъ ограничиться рамками дѣла еп. Гермогена и брошюры Новоселова, тогда какъ при обсужденіи смѣты св. Синода пренія развернутся во всю ширь. Мнѣніе Гучкова одержало верхъ и запросъ по вопросу о спѣшности былъ поставленъ на обсужденіе.

Надо отдать справедливость Г. Думѣ, что всѣ ея члены держали себя во время обсужденія запроса вполне корректно и никакого скан-

дала не произошло. Говорили по вопросу о спѣшности А. И. Гучковъ и В. Н. Львовъ. Спѣшность запроса была принята единогласно.

Здѣсь не лишнее упомянуть о томъ, какъ относилась государственная власть къ создавшемуся положенію.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда А. А. Макаровъ. Когда предъявленъ былъ запросъ по поводу конфискаціи брошюры Новоселова, я обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ сдѣлать распоряженіе о присылкѣ мнѣ экземпляра брошюры, въ виду необходимости изучать дѣло и знать, какъ вести пренія. Макаровъ отвѣтилъ, что у него брошюры Новоселова въ распоряженіи нѣтъ и что онъ, вообще, не видитъ надобности въ ея распространеніи. Меня такое отношеніе взорвало и я поѣхалъ къ нему лично. Макаровъ, очевидно, не ожидалъ моего пріѣзда. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, то къ немалому моему удивленію увидѣлъ на его письменномъ столѣ нѣсколько экземпляровъ брошюры Новоселова. Такимъ образомъ и такой порядочный человѣкъ, какъ Макаровъ, былъ не чуждъ извѣстной доли сервилизма во имя спасенія Распутина. Произошла бурная сцена между нами, послѣ чего я все же брошюру получилъ. Вотъ еще яркій примѣръ, какъ силенъ былъ Распутинъ, если государственная власть считала необходимымъ его защищать, вмѣсто того, чтобы заниматься болѣе важными государственными дѣлами.

Въ сущности запросъ вынесъ цѣликомъ дѣло на судъ общества. Статья въ «Голосѣ Москвы», за которую номеръ былъ конфискованъ, приведенная полностью въ текстѣ запроса, попала въ стенографическіе отчеты и была напечатана поэтому во всѣхъ газетахъ. Вотъ, что въ статьѣ этой говорилось: «Въ № 19 «Голоса Москвы» было помѣщено письмо въ редакцію, подъ заглавіемъ: «Голосъ православнаго мірянина», за подписью редактора-издателя «Религіозно - Философской Библіотеки» Михаила Новоселова слѣдующаго содержанія: «*Quo usque tandem!*». Эти негодующія слова невольно вырываются изъ груди православныхъ людей по адресу хитраго заговорщика противъ святыни Церкви государственной, растлителя чувствъ и тѣлесъ человѣческихъ — Григорія Распутина, дерзко прикрывающагося этой святыней Церковью. „*Quo usque*“ — этими словами вынуждаются со скорбью и съ горечью взывать къ Синоду чада русской Церкви православной, видя страшное попустительство высшаго церковнаго управленія по отношенію къ названному Григорію Распутину. Долго ли, въ самомъ дѣлѣ, Синодъ, передъ лицомъ котораго нѣсколько лѣтъ уже разыгрывается эта преступная комедія, будетъ безмолвствовать и бездѣйствовать? Почему безмолвствуетъ и бездѣйствуетъ онъ, когда Божеская заповѣдь блюсти стадо отъ волковъ, казалось, должна была съ неотразимой силой сказаться въ сердцахъ іерарховъ русскихъ, призванныхъ править словомъ Истины.

Почему молчатъ епископы, которымъ хорошо извѣстна дѣятельность наглаго обманщика и растлителя? Почему молчатъ и стражи Израилевы, когда въ письмахъ ко мнѣ нѣкоторые изъ нихъ откровенно называютъ этого лжеучителя — лжехлыстомъ, эротоманомъ, шарлатаномъ. Гдѣ его святѣйшество, если онъ по нерадѣнію или малодушеству не блюдетъ чистоты вѣры Церкви Божьей и попускаетъ

развратнаго хлыста творить дѣло тьмы подъ личиною свѣта? Гдѣ его правящая десница, если онъ пальцемъ не хочетъ шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкаго растлителя и еретика изъ ограда церковной? Быть можетъ, ему недостаточно извѣстна дѣятельность Григорія Распутина? Въ такомъ случаѣ прошу прощенія за негодующія дерзновенныя слова и почтительнѣйше прошу меня вызвать въ высшее церковное учрежденіе для представленія данныхъ, доказывающихъ истину моей оцѣнки хлыстовскаго оболъстителя».

Такимъ образомъ появленіемъ въ печати брошюры Новоселова и запроса въ Г. Думѣ по поводу ея конфискаціи, всѣ разговоры, слухи и свѣдѣнія о дѣятельности и значеніи при Высочайшемъ Дворѣ Григорія Распутина были поставлены на твердую почву документа и уже ни въ комъ не могло быть сомнѣній въ истинѣ циркулирующихъ о немъ слуховъ. Предъявленіемъ документальнаго запроса въ Г. Думѣ Верховная Власть была поставлена лицомъ къ лицу съ необходимостью рѣшить безотлагательно вопросъ: быть или не быть Распутину. Всякому было ясно, что борьба распутинскаго кружка съ Россіей должна была разрѣшиться побѣдой или пораженіемъ той или другой стороны. Силы, однако, были неравныя. На сторонѣ Распутина стояла волевая и властная Императрица Александра Феодоровна, имѣвшая подавляющее вліяніе на своего Августѣйшаго Супруга, и поддержанная придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочетъ. А въ лагерѣ пртивниковъ царила нерѣшительность, опасеніе энергичнымъ вмѣшательствомъ разгнѣвить верхи и отсутствовало объединеніе, потому что не помнили главнаго — блага Россіи.

Императоръ Николай II колебался и искалъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы поставили его въ положеніе, вынуждающее въ силу вещей удалить Распутина. Въ этотъ періодъ онъ еще смутно отдавалъ себѣ отчетъ о значеніи всѣхъ переживаемыхъ событій, но склонялся передъ болѣе сильной волей своей Августѣйшей Супруги.

Такимъ образомъ вся тяжесть борьбы легла на Г. Думу и это обстоятельство подало поводъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ обвинить ее въ революціонныхъ тенденціяхъ; на самомъ же дѣлѣ Дума боролась за неприкосновенность царскаго престижа.

Послѣ запроса въ Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ Коковцевъ былъ вызванъ къ Государю. Онъ мнѣ говорилъ, что Императрица Александра Феодоровна требовала непременно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ѣхать ли мнѣ съ докладомъ о Распутинѣ или нѣтъ, то послѣ запроса я уже безповоротнo рѣшилъ, что поѣду съ докладомъ и буду говорить съ Государемъ о Распутинѣ.

Я цѣлый мѣсяцъ собиралъ свѣдѣнія; помогали Гучковъ, Бадмаевъ, Родіоновъ, Гр. Сумароковъ, у котораго былъ агентъ, сообщавшій свѣдѣнія изъ заграницы. Черезъ кн. Юсупова же мы знали о томъ, что происходитъ во дворцѣ. Бадмаевъ сообщилъ о Гермогенѣ и Иліодорѣ въ связи съ Распутинымъ. Родіоновъ далъ подлинникъ письма Императрицы Александры Феодоровны къ Распутину, которое Иліодоръ вырвалъ у него во время свалки, когда они со служкой били его въ коридорѣ у Гермогена. Онъ же показывалъ и три письма великихъ княженъ: Ольги, Татьяны и Маріи.

Въ февралѣ 1912 года кн. Юсуповъ сказалъ мнѣ, что Императрица Марія Феодоровна очень взволновалась тѣмъ, что ей пришлось слышать о Распутинѣ и что, по его мнѣнію, слѣдовало бы мнѣ поѣхать ей все доложить.

Вскорѣ послѣ того ко мнѣ явился генераль Озеровъ, состоящій при Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, по ея порученію.

Онъ говорилъ, что Императрица Марія Феодоровна желала бы меня видѣть и все отъ меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него распрашивала, какъ онъ думаетъ, какой я человекъ и можетъ ли предсѣдатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсуповъ отвѣтилъ: «Это единственный человекъ, хорошо освѣдомленный, на котораго вполнѣ можно положиться, онъ вамъ скажетъ лишь святую правду».

Вся Царская фамилія съ трепетомъ ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутинѣ и какое впечатлѣніе произведетъ мой докладъ. В. к. Ольга Александровна говорила кн. В. М. Волконскому, что она очень надѣется, что предсѣдатель Думы будетъ говорить съ Государемъ.

За нѣсколько дней до моего доклада позвонилъ телефонъ и мнѣ сообщили, что Императрица Марія Феодоровна ждетъ меня на другой день въ одиннадцать часовъ утра. Я взялъ съ собой всѣ матерьялы и поѣхалъ. Немедленно былъ введенъ въ ея маленькій кабинетъ, гдѣ она уже ожидала. Императрица обратилась ко мнѣ со словами: «Не правда ли, вы предупреждены о мотивѣ нашего свиданія? Прежде всего я хочу, чтобы вы объяснили мнѣ причины и смыслъ запроса. Не правда ли, въ сущности цѣль была революціонная, почему же вы тогда этого не остановили?»*).

Я ей объяснилъ, что хотя я самъ былъ противъ запроса, но что я категорически долженъ отвергнуть, будто тутъ была какая нибудь революціонная цѣль. Напротивъ, это было необходимо для успокоенія умовъ. Толки слишкомъ далеко зашли, а мѣры правительства только увеличивали возмущеніе.

Она пожелала тогда осмотрѣть всѣ документы, которые у меня были. Я ей прочелъ выдержки изъ брошюры Новоселова и рассказалъ все что зналъ. Тутъ она мнѣ сказала, что она только недавно узнала о всей этой исторіи. Она, конечно, слышала о существованіи Распутина, но не придавала большого значенія.

«Нѣсколько дней тому назадъ одна особа мнѣ рассказала всѣ эти подробности и я была совершенно огорошена. Это ужасно, это ужасно», повторяла она.

«Я знаю, что есть письмо Иліодора къ Гермогену (у меня дѣйствительно была копія этого обличительнаго письма) и письмо Императрицы къ этому ужасному человеку. Покажите мнѣ, — сказала она.

Я сказалъ, что не могу этого сдѣлать. Она сперва требовала непременно, но потомъ положила свою руку на мою и сказала:

«Не правда ли, вы его уничтожите?»

«Да, ваше величество, я его уничтожу».

*) Разговоръ передается въ переводѣ съ французскаго, на которомъ происходилъ.

«Вы сдѣлаете очень хорошо».

Это письмо и по сейчасъ у меня: я вскорѣ узналъ, что копіи этого письма въ извращенномъ видѣ ходятъ по рукамъ, тогда я счелъ нужнымъ сохранить у себя подлинникъ.

Императрица сказала мнѣ:

«Я слышала, что вы имѣете намѣреніе говорить о Распутинѣ Государю. Не дѣлайте этого. Къ несчастью, онъ вамъ не повѣритъ и къ тому же это его сильно огорчитъ. Онъ такъ чистъ душой, что во зло не вѣритъ».

На это я отвѣтилъ Государынѣ, что я, къ сожалѣнію, не могу при докладѣ умолчать о такомъ важномъ дѣлѣ. Я обязанъ говорить, обязанъ довести до свѣденія моего Царя. Это дѣло слишкомъ серьезное и послѣдствія могутъ быть слишкомъ опасныя.

— Развѣ это зашло такъ далеко?

— Государыня, это вопросъ династіи. И мы, монархисты, больше не можемъ молчать. Я счастливъ, ваше величество, что вы предоставили мнѣ счастье видѣть васъ и вамъ говорить откровенно объ этомъ дѣлѣ. Вы меня видите крайне взволнованнымъ мыслью объ отвѣтственности, которая на мнѣ лежитъ. Я всеподданнѣйше позволяю себѣ просить васъ дать мнѣ ваше благословеніе.

Она посмотрѣла на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положивъ свою руку на мою:

— Господь да благословитъ васъ.

Я уже уходилъ, когда она сдѣлала нѣсколько шаговъ и сказала:

— Но не дѣлайте ему слишкомъ больно.

Впослѣдствіи я узналъ отъ князя Юсупова, что послѣ моего доклада Государю Императору Императрица Марія Феодоровна поѣхала къ Государю и объяснила: «Или я, или Распутинъ», что она уѣдетъ, если Распутинъ будетъ здѣсь.

Когда я вернулся домой, ко мнѣ пріѣхалъ князь В. М. Волконскій, кн. Ф. Ф. и З. Н. Юсуповы и тутъ же князь мнѣ сказалъ: «Мы отыгрались отъ большой интриги».

Оказывается, что въ придворныхъ кругахъ старались всячески помѣшать разговору Императрицы М. Ф. со мной, и когда это не удалось, В. Н. Коковцевъ поѣхалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, чтобы черезъ нее уговорить меня не докладывать Государю. Между тѣмъ у меня уже все было готово для доклада и я просилъ меня принять.

III

Аудиенція по дѣлу о Распутинѣ. Докладъ о Распутинѣ. Документы о Распутинѣ. Разговоръ съ царскимъ духовникомъ. Отказъ въ Аудиенціи.

Я отлично отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что докладъ председателя Г. Думы не дастъ достаточныхъ результатовъ, ибо не дастъ той почвы Государю, стоя твердо на которой, онъ неопровержимо могъ бы сказать: *non possumus*, отвергая всякую защиту развратнаго временщика. Надо было добиться коллективнаго доклада, дабы ясно было, что не одна Дума, а всѣ слои общества видятъ глубину той пропасти, въ которую ведетъ Царя и Россію злой обманщикъ. Мнѣ каза-

лось, что соединенный докладъ предсѣдателей совѣта министровъ, Г. Думы и первоприсутствующаго въ св. Синодѣ митрополита, достигъ бы этой цѣли, доказавъ, что вся страна возмущается близостью къ престолу наглого проходимца и его вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, что совѣсть народная не спокойна и этимъ смущена. Къ сожалѣнію, попытка моя въ этомъ направленіи не имѣла успѣха. По тѣмъ или инымъ причинамъ указанные мною лица уклонились отъ совмѣстнаго со мной доклада. Пришлось ѣхать одному и взять всю отвѣтственность за послѣдствія на себя.

26 февраля Государь назначилъ мнѣ явиться въ шесть часовъ вечера. Утромъ въ этотъ день я ѣздилъ съ женой въ Казанскій соборъ и служилъ молебенъ. Докладъ мой продолжался въ кабинетѣ Государя около двухъ часовъ. Сперва я доложилъ текущія дѣла, коснулся положенія артиллерійскаго вѣдомства подъ управленіемъ в. к. Сергѣя Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа подъ сомнительнымъ управленіемъ графа Воронцова-Дашкова, а потомъ перешелъ къ главному.

— Ваше величество, — началъ я, — докладъ мой выйдетъ далеко за предѣлы обыкновенныхъ моихъ докладовъ. Если послѣдуетъ на то ваше высочайшее разрѣшеніе, я имѣю ввиду подробно и документально доложить вамъ о готовящейся разрухѣ, чреватой самыми гибельными послѣдствіями...

Государь взглянулъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я имѣю ввиду, — продолжалъ я, — старца Распутина и недопустимое его присутствіе при Дворѣ вашего величества. Всеподданнѣйше прошу васъ, Государь, угодно ли вамъ выслушать меня до конца или вы слушать меня не хотите, въ такомъ случаѣ я говорить не буду.

Опустивъ голову и не глядя на меня, Государь тихо сказалъ:

— Говорите...

— Ваше величество, присутствіе при Дворѣ въ интимной его обстановкѣ человѣка, столь опороченнаго, развратнаго и грязнаго, представляетъ изъ себя небывалое явленіе въ исторіи русскаго царствованія. Вліяніе, которое онъ оказываетъ на церковныя и государственныя дѣла, внушаетъ не малую тревогу рѣшительно во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппаратъ, начиная съ министровъ и кончая низшими чинами охранный полиціи. Распутинъ оружіе въ рукахъ враговъ Россіи, которые черезъ него подкапываются подъ Церковь и Монархію. Никакая революціонная пропаганда не могла бы сдѣлать того, что дѣлаетъ присутствіе Распутина. Всѣхъ пугаетъ близость его къ Царской Семьѣ. Это волнуетъ умы.

— Но отчего же такіе нападки на Распутина, — перебилъ Государь, — отчего его считаютъ вреднымъ?

— Ваше величество, всѣмъ извѣстно изъ газетъ и изъ рассказовъ о томъ, что благодаря Распутину въ Синодѣ произошелъ расколъ и что подъ его вліяніемъ перемѣщаются іерархи.

— Какіе? — спросилъ Государь.

— Исторія Гермогена всѣхъ глубоко оскорбила, какъ незаслуженное оскорбленіе іерарха. У Гермогена есть много приверженцевъ. Я

получилъ прошеніе ходатайствовать за него передъ вашимъ величествомъ, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошимъ человекомъ, — сказалъ Государь, — онъ будетъ скоро возвращенъ. Но я не могу не подвергнуть его наказанію, когда онъ открыто отказался подчиниться высочайшему повелѣнію.

— Ваше величество, по каноническимъ правиламъ іерарха судить собраніе іерарховъ. Преосвященный Гермогенъ былъ осужденъ по единоличному обвиненію оберъ-прокурора, по его докладу, — это нарушеніе каноническихъ правилъ.

Государь промолчалъ.

— Исторія Иліодора тоже произвела тяжелое впечатлѣніе. Послѣ разслѣдованія, назначеннаго вашимъ величествомъ, судъ надъ нимъ былъ годъ тому назадъ прекращенъ. Теперь онъ безъ всякаго суда заключенъ во Флорищеву Пустынь и это послѣ его открытаго выступленія противъ Распутина. Подобнымъ же образомъ пострадали: Феофанъ, который былъ лишенъ званія духовника Императрицы и перемѣщенъ въ Симферополь, и Антоній тобольскій, первый указавшій Синоду на Распутина, какъ на хлыста и потребовавшій суда надъ нимъ. Его перемѣстили въ Тверь. Всѣ, кто поднимаетъ голосъ противъ Распутина, преслѣдуются Синодомъ. Терпимо ли это, ваше величество? И могутъ ли православные люди молчать, видя развалъ православія? Можно понять всеобщее негодованіе, когда глаза всѣхъ раскрылись и всѣ узнали, что Распутинъ хлысть.

— Какія у васъ доказательства?

— Полиція прослѣдила, что онъ ходилъ съ женщинами въ баню, а вѣдь это изъ особенностей ихъ ученія.

— Такъ что жъ тутъ такого? У простолюдиновъ это принято.

— Нѣтъ, ваше величество, это не принято. Можетъ быть ходятъ мужъ съ женой, но то, что мы имѣемъ здѣсь — это развратъ. Позвольте прочесть вамъ во-первыхъ письма его жертвъ, которыя сперва попали въ ловушку, а затѣмъ раскаялись въ своемъ грѣхѣ. Вотъ письмо одного сибирскаго священника, адресованное нѣкоторымъ членамъ Думы (я не хотѣлъ сказать, что Гучкову), въ которомъ онъ умоляетъ довести до свѣдѣнія начальства о поведеніи Распутина, о развратной его жизни и о томъ, какіе слухи онъ распространяетъ о своемъ значеніи въ Петербургѣ и при Дворѣ. (Это письмо я прочелъ цѣликомъ).

Вотъ письмо, въ которомъ одна барыня кается, что Распутинъ ее совратилъ, нравственно изуродовалъ; отшатнулась отъ него, покаялась и послѣ этого она вдругъ видитъ, что Распутинъ выходитъ изъ бани съ ея двумя дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлеклась этимъ ученіемъ. Она сошла съ ума и теперь еще въ сумасшедшемъ домѣ. Провѣрьте, ваше величество...

— Я вамъ вѣрю.

Я прочелъ ему письма, выдержки изъ брошюры Новоселова, я указалъ ему на впечатлѣніе, которое произвело запрещеніе писать о Распутинѣ. Онъ не подходитъ подъ категорію лицъ, о которыхъ нельзя писать, онъ не высокопоставленное лицо, не принадлежитъ къ

Царской Фамиліи. Мы видимъ, что часто критикуютъ министровъ, предсѣдателей Думы и Совѣта, — для этого запрещенія нѣтъ, — а о Распутинѣ запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызываетъ мысль, что онъ близокъ къ Царской Семьѣ.

— Но отчего вы думаете, что онъ хлысть?

— Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: онъ специально занялся этимъ вопросомъ. Тамъ есть указаніе на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дѣло почему то было прекращено. Кромѣ того, извѣстно, что радѣнія приверженцевъ Распутина происходили на квартирѣ Сазонова, гдѣ Распутинъ жилъ. Позвольте вамъ показать вырѣзку изъ заграничной газеты, гдѣ сказано, что на съѣздѣ масоновъ въ Брюсселѣ говорили о Распутинѣ, какъ объ удобномъ орудіи въ ихъ рукахъ. Интрига эта въ связи съ послѣдующими обстоятельствами совершенно ясна. Дѣло идетъ не только о тронѣ и престижѣ Царской Семьи: вѣдь можетъ быть и серьезная опасность для Наслѣдника.

— Какъ? — произнесъ съ волненіемъ Государь.

— Ваше величество, вѣдь при Наслѣдникѣ нѣтъ серьезнаго отвѣтственного лица, при немъ деревенскій паренъ Деревенько—онъ можетъ быть очень хорошій человѣкъ, но это простой крестьянинъ — невѣжественные люди, вообще, склонны къ мистицизму. Что, если съ Наслѣдникомъ случится что нибудь? — Это всѣхъ волнуеть... Обаятельный ребенокъ, котораго всѣ такъ любятъ.

Государь, видимо, все время волновался. Онъ бралъ одну за другой папирасы и опять бросалъ.

Тогда я рѣшилъ подойти съ другой стороны и убѣдить Государя, что Распутинъ обманщикъ. Я показалъ ему фотографію Распутина съ наперснымъ крестомъ.

— Вы видите, ваше величество, Распутинъ не іерархъ; онъ здѣсь изображенъ какъ бы священникомъ.

Государь на это сказалъ:

— Да, ужъ это слишкомъ. Онъ не имѣетъ права надѣвать наперснаго креста.

— Ваше величество, это кощунство. Онъ, невѣжественный мужикъ, не можетъ надѣвать клобукъ и, кромѣ того, это дается при священствѣ. Вотъ другая фотографія, «хлыстовскій корабль», эта фотографія была въ «Огонькѣ», ее видѣла вся Россія. Вотъ Распутинъ, окруженный молодыми дѣвушками, а вотъ и мальчики, онъ среди нихъ. Вотъ Распутинъ съ двумя молодыми людьми: они держатъ доску и на ней текстъ хлыстовскій, а у Распутина въ рукахъ икона Божьей Матери хлыстовская. Корабль, ведущій къ повальному грѣху.

— Что это такое? — спросилъ Государь.

— Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вамъ представлю. Вотъ его фотографія, гдѣ Распутинъ съ двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущій къ спасенію». Вѣдь это соблазнъ. А запрещеніе писать о немъ невольно возбуждаетъ мысль, что Царь покровитель хлыстовъ. А если вспыхнетъ война? Гдѣ же престижъ царской власти? Многія лица, близко стоящія ко Двору, называются какъ приверженцы Распутина. Слухи о томъ, что высшее общество подпало

вліянію Распутина, какъ хлыста, даетъ поводъ пренебрежительно относиться къ этому обществу — это унижаетъ общество, унижаетъ Дворъ. Несмотря на запрещеніе писать о немъ, слухи и толки о Распутинѣ съ жадностью перепечатаются въ провинціальныхъ газетахъ.

— Читали ли вы докладъ Столыпина? — спросилъ меня Государь.

— Нѣтъ, я зналъ о немъ, но не читалъ.

— Я ему отказалъ, — сказалъ Государь.

— Жаль, — отвѣтилъ я, — всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованнымъ, мнѣ тяжело было говорить вамъ жестокою истину. Я молчать не могъ, не могъ скрывать опасности положенія и возможности страшныхъ послѣдствій. Я вѣрю, что Господь поставилъ меня посредникомъ между Царемъ и представителями народа, собранными по его Державной волѣ, и мой долгъ русскаго и вѣрноподданнаго сказать вамъ, Государь: враги хотятъ расшатать тронъ и Церковь и замарать дорогое для насъ имя Царя. Я всегда помню слова присяги: «О всякомъ же вредѣ и убыткѣ его величеству своевременно извѣщать и предотвращать тѣхъ». Умоляю васъ во имя всего святого для васъ, Россіи, для счастья вашего Наслѣдства прогоните отъ себя грязнаго проходимца, разсѣйте мрачныя опасенія вѣрныхъ трону людей...

— Его теперь здѣсь нѣтъ, — произнесъ Государь.

— Позвольте мнѣ всѣмъ говорить, что онъ не вернется?

Государь помолчалъ немного и сказалъ:

— Нѣтъ, я не могу вамъ этого обѣщать — вашимъ же словамъ вѣрю вполнѣ.

— Вѣрите ли вы, Государь, что возбуждившіе запросъ были движимы самыми вѣрноподданническими чувствами и преданностью къ престолу, что ихъ побудили къ тому тѣ же чувства, которыя заставили и меня вамъ докладывать?

— Въ вашемъ докладѣ я чувствовалъ искренность и вѣрю Думѣ, потому что вѣрю вамъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, остался ли доволенъ Государь моимъ докладомъ.

— Ваше величество, — сказалъ я, — я шелъ сюда, готовый понести кару въ случаѣ, если бы я имѣлъ несчастье разгнѣвать ваше величество. Если я превысилъ свои полномочія, скажите слово и я сниму съ себя званіе предсѣдателя Г. Думы. Я думалъ исполнить свой долгъ. Я считалъ своей прямой обязанностью довести все до вашего свѣдѣнія. Видя, какое волненіе вызываетъ это дѣло въ Думѣ, я не могъ молчать своему Государю.

— Я васъ благодарю. Вы поступили, какъ честный человѣкъ, какъ вѣрноподданный.

— Ваше величество, позвольте мнѣ просить у васъ въ знакъ особой милости ко мнѣ счастья быть представленнымъ наслѣднику Цесаревичу.

— Развѣ вы его не знаете?

— Я никогда его не видалъ.

Государь велѣлъ позвать Наслѣдника и я представился ему, какъ «самый большой и толстый человѣкъ въ Россіи», чѣмъ вызвалъ его

веселый смѣхъ. На мой вопросъ, удаченъ ли былъ наканунѣ сборъ въ пользу «колоса ржи» — этотъ удивительно симпатичный ребенокъ весь просіялъ и сказалъ: «Да, я одинъ собралъ пятьдесятъ рублей», это очень много.

Государь съ доброй улыбкой смотрѣлъ на сына и добавилъ:

— Онъ цѣлый день не разставался со своей кружкой.

Здѣсь Государь всталъ и, протянувъ руку, сказалъ: «До свиданія Михаилъ Владиміровичъ». И когда уходилъ, услышалъ громкій шопотъ Наслѣдника: «Кто это?» и отвѣтъ Государя: «Предсѣдатель Думы».

Наслѣдникъ выбѣжалъ за мной въ переднюю и все время смотрѣлъ въ стеклянную дверь. «Не простудитесь, — сказалъ я ему, — здѣсь дуетъ». Онъ закричалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, ничего». Рядомъ появился улыбающійся Деревенько и я обратилъ вниманіе на всѣхъ, выстроенныхъ въ шеренгу лакеевъ, солдатъ и казаковъ. Съ какой любовью они смотрѣли на Наслѣдника.

Характерно, что старшій камердинеръ Государя Чемодуровъ, провожая меня, сказалъ: «Ваше превосходительство, вы бы почаще приѣзжали къ намъ. У насъ мало кто бываетъ и мы ничего новаго не знаемъ».

Я былъ растроганъ довѣріемъ къ себѣ и терпѣніемъ, съ какимъ былъ выслушанъ до конца, особенно послѣ всѣхъ предупрежденій: «Онъ не будетъ слушать, онъ заупрямится, онъ разсердится и т. д.»

Когда я вернулся домой, у меня произошелъ интересный разговоръ съ управляющимъ собственной его Величества канцеляріей А. С. Танѣвымъ въ телефонъ:

— Михаилъ Владиміровичъ, скажите мнѣ, отчего меня хотятъ видѣть два члена Думы?

— Не могу вамъ сказать, ничего отъ нихъ не слышалъ.

— Я боюсь, что они по поводу Григорія.

— Какого Григорія?

— Да вы знаете... Григорія (заикаясь) Распутина.

— Что общаго между вами и Распутинымъ, какая связь?

— Такъ знаете... Я думалъ...

— Радъ, что вы сами признаете, что съ вами есть причина говорить объ этомъ мерзкомъ хлыстѣ. Я вамъ скажу, что если вы честный человѣкъ, вы должны его убрать изъ Царскаго — и вы знаете какъ.

— Я ничего не знаю.

— Нѣтъ, вы знаете и если не исполните своего долга честнаго человѣка, вся ненависть Россіи падетъ на вашу голову. Ваше имя всѣ связываютъ съ проклятіемъ Россіи — Распутинымъ.

— (Издаетъ какіе то звуки...) До свиданія...

Въ тотъ же вечеръ я поѣхалъ въ Думу и былъ моментально окруженъ депутатами, которымъ въ краткихъ словахъ сообщилъ содержаніе доклада и о милостивомъ отношеніи ко мнѣ Государя. На всѣхъ мой рассказъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Самымъ близкимъ же я передалъ все дословно.

28 февраля утромъ мнѣ изъ Царскаго Села позвонилъ по телефону дворцовый комендантъ генераль-адъютантъ В. Н. Дедюлинъ и просилъ заѣхать къ нему на городскую его квартиру. Съ Дедюлинымъ мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговоръ нашъ носилъ интимный характеръ.

Дедюлинъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Стало извѣстно, что послѣ твоего доклада Государь почти не прикасался къ дѣлу за обѣдомъ, былъ задумчивъ и сосредоточенъ. На докладѣ моемъ на другой день я позволилъ себѣ спросить его: «Ваше величество, у васъ съ докладомъ былъ Родзянко. Кажется онъ очень утомилъ васъ?» Государь отвѣтилъ: «Нѣтъ, нисколько не утомилъ. Видно, что Родзянко вѣрно-подданный человѣкъ, не боящійся говорить правду. Онъ сообщилъ мнѣ многое, чего я не зналъ. Вы съ нимъ товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы онъ произвелъ разслѣдованіе по дѣлу Распутина. Пусть онъ изъ Синода возьметъ всѣ секретныя дѣла по этому вопросу, хорошенько все разберетъ и мнѣ доложитъ. Но пусть объ этомъ пока никто не будетъ знать».

Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и вечеромъ того же дня собралъ Чл. Гос. Совѣта В. И. Карпова и депутатовъ Каменскаго, Шубинскаго и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали, какъ лучше поступить. На другой день я вызвалъ Даманскаго, товарища оберъ-прокурора, въ Думу съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ требуемое дѣло. Даманскій явился. Я рѣшилъ представиться ничего не знающимъ, чтобы лучше все выпытать отъ Даманскаго. Это очень ловко удалось. Онъ выболталъ все, что надо было знать. Стараясь убѣдить меня въ чистотѣ и святости Григорія, онъ сказалъ, что многія почтенныя и видныя лица уважаютъ старца и любятъ съ нимъ бесѣдовать; назвалъ много именъ и подтвердилъ многія данныя, переданныя мнѣ раньше разными людьми. Сказалъ, что Распутинъ живетъ у Сазонова, почтенную семью котораго онъ, Даманскій, знаетъ хорошо, что тамъ бываютъ: гофмейстеръ Танѣевъ, генеральша Орлова, «такой уважаемый человѣкъ», какъ епископъ Варнава, графиня Витте и многіе другіе. На все это я выражалъ удивленіе и поддакивалъ. Даманскій держалъ все время портфель въ рукахъ и доказывалъ мнѣ, что никакого значенія это дѣло не имѣетъ и не стоитъ его смотрѣть. Расписывая далѣе добродѣтели старца, Даманскій выражалъ негодованіе на всѣ сплетни и клевету, которыя распускаются всюду про него: «Говорятъ, что онъ хлыстъ, развратникъ и даже дошли до того, что будто бы Императрица Александра Феодоровна живетъ съ нимъ»...

Здѣсь я ударилъ кулакомъ по столу, всталъ во весь ростъ, сбросилъ наивный видъ, сдѣлалъ свирѣпое лицо и закричалъ такъ, чтобы рядомъ было слышно:

— Вы, милостивый государь, съ ума сошли? Какъ вы смѣете говорить при мнѣ подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!.. Я васъ слушать не желаю.

Мой гнѣвъ для него былъ такъ неожиданъ, что онъ поблѣднѣлъ, согнулъ спину и сталъ извиняться. Его грязная цѣль понятна: онъ вообразилъ, что одурачилъ меня, хотѣлъ вызвать меня на скользкій путь сплетни, услышать отъ меня какія нибудь сальныя подробности и пе-

редать кому слѣдуетъ. Онъ былъ увѣренъ, что я, удовольствуясь его объясненіями, дѣла совсѣмъ не возьму, и былъ пораженъ, когда я рѣшительнымъ жестомъ взялъ папку у него изъ рукъ, заперъ въ столъ и положилъ ключъ въ карманъ со словами: «По приказанію Государя Императора я подробно ознакомлюсь съ этимъ дѣломъ и васъ извѣщу».

Получивъ нужные документы, я немедленно засадилъ всю канцелярію, всѣхъ присяжныхъ переписчицъ за копированіе дѣла въ полномъ его объемѣ и вмѣстѣ съ начальникомъ Думской канцеляріи Я. В. Глинкой мы составили планъ работъ по столъ щекотливому дѣлу. На другой же день Даманскій по телефону потребовалъ отъ меня частной бесѣды у меня на квартирѣ. Я сразу понялъ, что здѣсь готовится подвохъ и отвѣтилъ ему, что въ служебныхъ дѣлахъ я не признаю частныхъ бесѣдъ и прошу его пожаловать въ три часа въ мой кабинетъ — въ Г. Думу и сразу же повѣсилъ трубку во избѣжаніе ненужныхъ объясненій.

Когда я пріѣхалъ въ Думу, то Даманскій былъ уже тамъ, но къ моему не малому удивленію его сопровождалъ протоіерей Александръ Васильевъ, законоучитель царскихъ дѣтей. Такое появленіе отца протоіерея меня не мало удивило и, догадываясь, что на меня готовится какой то натискъ, я рѣшилъ разъединить ихъ. Я рассадилъ ихъ по разнымъ кабинетамъ.

Первая моя бесѣда была съ Даманскимъ, который заявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ порученіе получить обратно все дѣло о Распутинѣ. Я выразилъ удивленіе такому требованію и сказалъ, что разъ состоялось Высочайшее повелѣніе по данному дѣлу, то оно можетъ быть отмѣнено только такимъ же путемъ — Высочайшимъ повелѣніемъ или словесно переданнымъ черезъ генераль-адъютанта или статсъ-секретаря, или же письменнымъ повелѣніемъ. Тогда Даманскій, нѣсколько волнуясь, путаясь и понизивъ голосъ, сталъ мнѣ объяснять, что Высочайшаго повелѣнія онъ не имѣетъ, но что это требуетъ одно очень высокопоставленное лицо.

— Кто же это, Саблеръ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, повыше, — махнувъ рукой, отвѣтилъ Даманскій.

— Да кто же? — сказалъ я, дѣлая удивленное лицо.

Помявшись немного, Даманскій отвѣчалъ:

— Императрица Александра Феодоровна.

— Въ такомъ случаѣ передайте ея Величеству, что она такая же подданная своего августѣйшаго Супруга, какъ и я, и что оба мы обязаны въ точности исполнять его повелѣніе. А потому я ея желанія исполнить не могу.

— Какъ, — воскликнулъ недоумѣнно Даманскій, — я долженъ ей это передать? Но вѣдь она этого хочетъ.

— Къ сожалѣнію, — отвѣтилъ я, — я ея желанія, всетаки, исполнить не могу, — и въ виду попытокъ Даманскаго убѣдить меня, я прекратилъ съ нимъ разговоръ.

Затѣмъ я вызвалъ отца Васильева. Онъ передалъ мнѣ, что Императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мнѣ свое мнѣніе о старцѣ:

— Это вполне богобоязненный и вѣрующій человекъ, безвредный и даже скорѣе полезный для Царской Семьи.

— Какая же его роль особенно по отношенію къ дѣтямъ въ Царской Семьѣ?

— Онъ съ дѣтьми бесѣдуетъ о Богѣ, о вѣрѣ.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мнѣ это говорите, вы, православный священникъ, законоучитель царскихъ дѣтей. Вы допускаете, чтобы невѣжественный, глупый мужикъ говорилъ съ ними о вѣрѣ, допускаете, чтобы его вредный гипнозъ вліялъ на дѣтскія души? Вы видите роль и значеніе въ семьѣ этого невѣжественнаго сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измѣна вашему сану и присягѣ. Вы все знаете и изъ угодливости молчите, когда Богъ вамъ далъ власть, какъ служителю Алтаря, открыто бороться за вѣру. Значитъ, вы сами сектантъ и участвуете въ сатанинскомъ замыслѣ враговъ Царя и Россіи— забросать грязью престолъ и Церковь...

Несчастный священникъ былъ страшно пораженъ моими словами, блѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Никто никогда не говорилъ со мной такъ, какъ вы. Ваши слова открыли мнѣ глаза. Скажите, что я долженъ дѣлать?

— Идите и скажите отъ моего имени Царицѣ, что если она не хочетъ губить мужа и сына и расшатать престолъ, она должна навсегда прогнать отъ себя этого грязнаго хлыста. Положеніе серьезное: никакая революціонная пропаганда не могла бы сдѣлать болѣе вреда монархіи и болѣе уронить достоинство Царскаго дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду — крестъ, который вы носите на груди, сожжетъ вамъ душу и сердце.

Онъ потомъ говорилъ Волконскому: «Я трепещущій вышелъ отъ предсѣдателя и почувствовалъ, сколько въ его словахъ силы и истины».

Впослѣдствіи мнѣ сообщили, что священникъ Васильевъ все передалъ Императрицѣ въ исковерканномъ видѣ, еще болѣе возстановивъ ее противъ меня. Онъ поддерживалъ ее въ увлеченіи Распутинымъ и, однимъ словомъ, игралъ все ту же двойственную роль.

Отъ Гучкова я узналъ, что всѣ приверженцы Распутина заботились, смущенные моимъ продолжительнымъ докладомъ у Государя и рѣшили выписать Распутина.

Кн. З. Н. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина такъ подѣйствовала на Императрицу, что она захворала и легла въ постель. Интересенъ фактъ, что послѣ запроса въ Думѣ Императрица написала З. Ю. отчаянное письмо на восьми страницахъ, гдѣ она жаловалась на клевету и несправедливыя нападки на нихъ: «Насъ не любятъ и стараются намъ повредить. Этотъ запросъ — революціонный актъ». Она въ этомъ письмѣ писала столько жалобъ на ихъ ужасное положеніе, что Юсуповой стало жалко Царицу и она передала въ телефонъ, что собирается придти къ Царицѣ на другой день. Но, вѣроятно, происками Вырубовой ей сказали, что Императрица больна и никого не принимаетъ.

Только 9 марта 1912 года ей удалось быть у Императрицы. Это уже было послѣ рѣчи Гучкова по поводу смѣты Синода, гдѣ онъ упоминалъ о Распутинѣ.

Кн. З. Н. Юсупова серьезно и убѣдительно говорила, подтверждая мои слова Государю, но со стороны Императрицы встрѣтила сильный отпоръ, возбужденіе и негодованіе. Она высказала свое неудовольствіе по поводу моего доклада Государю и особенно сердилась на мой отказъ вернуть дѣло о Распутинѣ: «По какому праву онъ задерживаетъ дѣло и не хочетъ его вернуть».

Кн. З. Юсупова убѣждала ее вѣрить словамъ предсѣдателя Думы: «Это честный и вѣрный человѣкъ».

— Нѣтъ, вы не знаете, что онъ сказалъ отцу Васильеву, Родзянко и Гучкова мало повѣсить.

Кн. З. Н. Юсупова въ порывѣ негодованія сказала:

— Какъ вы можете говорить подобныя вещи. Благодарите Бога, что находятся еще честные люди, которые правду доводятъ до свѣдѣнія Государя. Распутинъ долженъ быть изгнанъ. Это хлысть, который злоупотребляетъ своимъ положеніемъ при васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, на него клеветаютъ, онъ святой человѣкъ.

Когда дѣла, переданныя Даманскимъ были изучены, во всей полнотѣ, раскрылась грязная эпопея этого вреднаго человѣка.

Первый доносъ, обвиняющій Распутина въ сектантствѣ хлыстовскаго толка, былъ сдѣланъ тобольскимъ уѣзднымъ исправникомъ тобольскому губернатору еще въ 1902 году на основаніи официального сообщенія мѣстнаго священника села Покровскаго. Губернаторъ przeprowadилъ все дѣло на распоряженіе мѣстнаго архіерея преосвященнаго Антонія. Послѣдній поручилъ сдѣлать дознаніе одному изъ миссіонеровъ епархіи. Миссіонеръ энергично взялся за дѣло. Онъ представилъ обширный докладъ, изобилующій документальными данными, сдѣлалъ обыскъ въ квартирѣ Распутина, произвелъ нѣсколько вымоковъ вещественныхъ доказательствъ и раскрылъ много бывшихъ неясными обстоятельствъ, несомнѣнно изобличающихъ принадлежность Распутина къ хлыстовству. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, указанные въ докладѣ, были до того безнравственны и противны, что безъ отвращенія нельзя было ихъ читать.

Получивъ докладъ миссіонера, епископъ Антоній поручилъ изучить его специалисту по сектантскимъ дѣламъ инспектору тобольской духовной семинаріи Березкину. Дѣло затянулось и во время его производства Распутинъ успѣлъ уѣхать въ Петербургъ и тамъ постепенно, какъ уже мною сообщено, втерся въ довѣріе ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и получилъ доступъ къ Высочайшему Двору. Между тѣмъ при обзорѣнн слѣдствія, произведеннаго весьма толково и обстоятельно Березкинымъ, подкрѣпленнаго свидѣтельскими показаніями, письмами, ссылками на догматы хлыстовскаго вѣроученія, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Распутинъ заправскій хлысть, притомъ высшаго полета, умѣлый пропагандистъ и растлитель душъ православнаго простодушнаго люда. Онъ имѣлъ по даннымъ слѣдствія несомнѣнную связь со многими пророками хлыстовства, между которыми игралъ не послѣднюю роль. Березкинъ въ сво-

емъ докладѣ тобольскому епископу заявилъ, что для него нѣтъ никакихъ сомнѣній въ сектантствѣ Распутина, но, считая, что дѣло должно быть направлено свѣтской власти для судебного преслѣдованія вреднаго еретика, Березкинъ полагалъ необходимымъ произвести нѣкоторыя дополнительныя изслѣдованія и засимъ уже передать дѣло прокурорскому надзору. Преосвященный Антоній тобольскій на основаніи такого заключенія предписалъ тобольской духовной консисторіи въ точности исполнить указанія Березкина и передать Григорія Ефимова Распутина въ распоряженіе судебной власти. Пока длилась эта процессуальная волокита, Распутинъ вернулся изъ Петербурга въ родное село. Но вернулся онъ оттуда съ значительными денежными средствами, началъ строить себѣ прекрасный домъ съ богатой обстановкой. Онъ хвастается уже открыто милостями членовъ Царскаго дома, показываетъ всѣмъ ихъ подарки: напимѣръ, богатый золотой крестъ на золотой цѣпи, медальонъ съ портретомъ Императрицы Александры Феодоровны, портреты высокопоставленныхъ лицъ съ соответствующими надписями, щеголяетъ въ богатыхъ собольихъ шубахъ, словомъ, изъ гонимаго сектанта преобразуется во вліятельное лицо, передъ которымъ многіе уже начинаютъ заискивать.

Послѣ резолюціи епископа о привлеченіи Распутина къ суду — дѣло заканчивается указомъ Синода о бытіи по Высочайшему повелѣнію преосвященному Антонію, епископу тобольскому, — архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ — т. е. перемѣщеніемъ епископа. Такъ и не состоялся судъ надъ еретикомъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ весьма компетентныхъ лицъ, что во избѣжаніе излишняго скандала тобольскому епископу предложили на выборъ: или прекратить начатое противъ Распутина дѣло и ѣхать съ повышеніемъ въ архіепископы въ Тверь, или же удалиться на покой. Онъ избралъ первый вариантъ и дѣло Распутина заглохло.

Изучивъ всесторонне и обстоятельно все порученное мнѣ дѣло, я составилъ сжатый докладъ и 8 марта 1912 года послалъ Государю свою просьбу о приѣмѣ меня для доклада ему во исполненіе возложеннаго на меня Высочайшаго порученія.

На мое ходатайство о всеподданнѣйшемъ докладѣ долго не было отвѣта. Мнѣ стало извѣстно, что Императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу съ документами въ рукахъ. Наконецъ за нѣсколько дней до отъѣзда Царской Семьи въ Крымъ, предсѣдатель совѣта министровъ В. Н. Коковцевъ получилъ мое ходатайство о приѣмѣ, на которомъ Государь начерталъ: «Прошу В. Н. передать предсѣдателю Думы, что я его принять не могу и не вижу въ этомъ надобности, такъ какъ полторы недѣли тому назадъ я его принималъ. Кромѣ того, пренія по смѣтѣ Синода приняли неправильное направленіе, которое мнѣ не нравится. Прошу васъ и предсѣдателя Думы принять мѣры къ тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлѣли, читая эти строки, которыми былъ нанесенъ афронтъ Думѣ и оскорбленіе ея предсѣдателю, такъ какъ по основнымъ законамъ послѣдній сносится непосредственно съ верховной

властью. Здѣсь же передавалось порученіе черезъ премьера, который на это правъ не имѣлъ. Я объявилъ Коковцеву, что достоинство Думы оскорблено и мнѣ придется выйти въ отставку и снять съ себя придворное званіе. Получился бы конфликтъ между Думой и Царемъ, т. е. какъ бы революціонное направленіе Думы, что еще болѣе осложнило бы и безъ того тяжелое положеніе.

Тогда мы рѣшили слѣдующее: Коковцевъ долженъ ѣхать на слѣдующій день въ Царское, объяснить Государю неловкость его отвѣта и добиться или приѣма, или личного письма по адресу предсѣдателя Думы. Такъ и было сдѣлано. Коковцевъ хорошо исполнилъ порученіе, передалъ мои слова и желаніе выйти въ отставку и снять придворное званіе. На что Государь сказалъ:

— Я обижать его не хотѣлъ, напротивъ, я имъ очень доволенъ. Дума стала другая при немъ: ассигновали на флотъ и артиллерійское вѣдомство... Что же дѣлать?

Коковцевъ посовѣтовалъ написать собственноручное письмо и на другой день я получилъ его со слѣдующимъ содержаніемъ: «Не имѣя времени передъ отъѣздомъ въ Крымъ принять васъ, прошу доставить письменный докладъ».

Письмо я сохранилъ у себя.

Отъ Думы я скрылъ этотъ инцидентъ и сообщилъ только о собственноручномъ письмѣ съ просьбой прислать письменный докладъ.

И то многіе выражали негодованіе, что Государь принималъ Балашева, студентовъ-академиковъ, многихъ представлявшихся лицъ, а для предсѣдателя Думы времени не нашлось.

Я тотчасъ же принялся за составленіе письменнаго доклада, въ чемъ мнѣ особенно помогалъ В. И. Карповъ и начальникъ канцеляріи Думы Я. В. Глинка.

Докладъ вышелъ убѣдительный, въ особенности въ заключеніи, гдѣ говорилось о томъ, какія надо принять мѣры для успокоенія взволнованнаго общества и упорядоченія Церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать соборъ. Во время составленія доклада ко мнѣ отъ лица Гермогена явился Родіоновъ, чтобы передать, что онъ знаетъ о моемъ разговорѣ съ Царемъ въ защиту православія, что посылаетъ свое благословеніе, молится за меня и проситъ и впредь крѣпко стоять за вѣру православную.

Распутинъ между тѣмъ опять явился въ Петербургъ и, какъ сообщали газеты, былъ встрѣченъ сборищемъ своихъ приверженцевъ на квартирѣ госпожи Головиной. Этотъ разъ по пятамъ за нимъ слѣдила полиція и корреспонденты. Друзья Распутина доставили его въ Царское, но, несмотря на ихъ старанія до Императрицы онъ допущенъ не былъ. На шестой недѣлѣ Великаго поста Царская Фамилія уѣхала въ Крымъ. Вырубова умудрилась посадить Распутина въ свитскій поѣздъ въ купѣ князя Туманова. Кто то доложилъ объ этомъ Государю. Государь страшно разсердился, что его ослушались, велѣлъ остановить поѣздъ на станціи Тосно, высадить Распутина и съ агентомъ тайной полиціи отправить въ тобольскую губернію.

Итакъ, мои слова достигли желаемого результата. Съ тѣхъ поръ Распутинъ при Дворѣ нѣкоторое время не появляется. Онъ приѣз-

жаеть въ Петербургъ на два дня, оставаться дольше онъ не смѣеть. Директоръ департамента полиціи жаловался мнѣ:

«Онъ такъ мнѣ надоѣлъ. За нимъ надо слѣдить — онъ прямо съ вокзала отправляется въ баню съ двумя какими нибудь барынями».

Я увѣренъ, что Императрица, конечно, моего вмѣшательства не простила. О судьбѣ моего доклада я ничего не зналъ: ни отвѣта, ни возраженія. Читалъ ли его Государь — я свѣдѣній не имѣлъ. Говорили, впрочемъ, что Государь читалъ въ Крыму докладъ вмѣстѣ съ герцогомъ Гессенскимъ.

IV

Пріемъ членовъ Думы и недовольство Царя. Послѣдствія пріема. Бородинскія торжества. Выборная кампанія въ IV Думу. Аудіенція Родзянки, переизбраннаго въ Предсѣдателя.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1912 года въ Москвѣ на освященіи памятника Александру III Государь былъ со мной холоденъ, тогда какъ вся Царская Семья демонстративно выражала мнѣ вниманіе.

Весной, передъ окончаніемъ работъ Думы, многіе члены, какъ правые, такъ и октябристы, а главнымъ образомъ крестьяне всѣхъ партій, выражали желаніе представиться Государю. Въ этомъ я видѣлъ побужденія самыя искреннія и благородныя, а также и проявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ. Я энергично началъ черезъ предсѣдателя совѣта министровъ Коковцева хлопотать объ этомъ. Государь отнесся подозрительно къ этому заявленію и сперва наотрѣзъ отказался принять членовъ Думы, вѣроятно подъ вліяніемъ Императрицы, которая присутствовала при разговорѣ съ Коковцевымъ и все время повторяла, что это совершенно лишнее. Съ другой стороны велись переговоры съ барономъ Фредериксомъ, министромъ Высочайшаго Двора, съ просьбой о томъ же. Только послѣ того, какъ Коковцевъ и Фредериксъ объявили, что они выходятъ въ отставку, если Дума не будетъ принята, Государь, нехотя, на это согласился. Извѣстіе было встрѣчено радостно и вѣхали въ приподнятомъ хорошемъ настроеніи. И велико было разочарованіе и оскорбленіе, когда на пріемѣ Государь недовольнымъ тономъ высказалъ только слова осужденія и неудовольствія по поводу «слишкомъ страстныхъ, недовольно спокойныхъ преній по разнымъ вопросамъ». Патріотическія же заслуги: ассигнованіе на флотъ, работы по земельной реформѣ и многія другія, какъ Холмщина, западное земство, Финляндія — ничего не было упомянуто Царемъ и впечатлѣніе получилось, что Государь Думой недоволенъ, сердитъ на нее. И всѣ поняли, что тому причиной распутинское дѣло и вліяніе Императрицы. Въ официальномъ сообщеніи въ печати слова Государя были очень смягчены. Но всѣ мы, пережившіе эти минуты, помнимъ, какая была у всѣхъ на душѣ горькая обида за незаслуженное оскорбленіе.

Послѣдними словами Государя было напоминаніе объ ассигнованіи на церковно-приходскія школы, причемъ онъ выразилъ надежду, что ассигнованіе на дѣло, близкое сердцу его покойнаго родителя, будетъ принято Думой.

Мы всё были какъ въ воду опущенные, и насколько всё вѣхали туда съ радужными надеждами, настолько теперь всё предавались мрачнымъ мыслямъ.

На другой день настроеніе въ Думѣ было подавленное и когда я черезъ лидеровъ и вліятельныхъ членовъ старался узнать, какого результата можетъ достигнуть голосованіе объ ассигнованіи на церковно-приходскія школы, всё категорически (кромѣ нѣсколькихъ крайнихъ правыхъ) заявили, что вопросъ этотъ будетъ проваленъ. Говорили о томъ даже націоналисты, что Государь насъ не цѣнитъ: «Онъ съ нами, Богъ знаетъ, какъ обращается. Саблеръ и Распутинъ дороже насъ...» и т. д.

Мое положеніе было очень затруднительное: ставить на голосованіе вопросъ, о которомъ упоминалъ Государь, зная, что онъ непременно провалится — было невозможно. Это значило бы создать конфликтъ между Государемъ и Думой и закончить сессію демонстраціей противъ его желанія. Я рѣшилъ снять вопросъ съ повѣстки, чтобы весь одіумъ этого инцидента палъ только на меня, а не на Думу. Правые, особенно духовенство, очень возмутились такимъ моимъ рѣшеніемъ. Не разобравъ дѣла, подняли крикъ и объявили, что они на прощаніе устроятъ колоссальный скандалъ. Когда я шель председательствовать, мнѣ пришлось окружить себя думскими приставами, чтобы избѣжать какой нибудь непріятной выходки со стороны духовенства. Во время перерыва я вызвалъ епископа Евлогія къ себѣ въ кабинетъ, объяснилъ ему, что меня побудило поступить такъ. Онъ увидѣлъ свою ошибку, извинялся, такъ же какъ и многіе правые, выражавшіе сперва свое негодованіе.

Во время пребыванія моего лѣтомъ за границей въ Наугеймѣ я прочелъ въ газетахъ и узналъ изъ письма члена Думы Ковзана, что роспускъ Думы предполагается за три дня до Бородинскихъ торжествъ, назначенныхъ на 26 августа, такъ что народные представители не будутъ участвовать на торжествахъ. Зная, какое непріятное впечатленіе произведетъ это распоряженіе, я тотчасъ написалъ Коковцеву письмо съ усердной просьбой, во что бы то ни стало, убѣдить Государя на распускать Думы до 26 августа. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отвѣтъ, что Дума будетъ распущена 30 августа. Вернувшись въ Петербургъ, я сейчасъ же поѣхалъ въ Думу, гдѣ засталъ человѣкъ двадцать депутатовъ; среди нихъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, съѣхавшихся въ надеждѣ получить билетъ для присутствія на торжествахъ. Разочарованіе ихъ было велико, когда, прочитавши церемоніаль, они увидѣли, что мѣсто для членовъ Думы не назначено ни на Бородинскомъ полѣ, ни въ Москвѣ. Ознакомившись съ церемоніаломъ, я обратилъ вниманіе на то, что хотя председатель Думы всюду поставленъ наравнѣ съ председателемъ г. Совѣта, — члены обѣихъ палатъ не уравниены. Члены г. Совѣта имѣютъ мѣсто на торжествахъ, члены Думы, даже товарищи председателя — нигдѣ не упомянуты.

Меня такое отношеніе къ народному представительству крайне возмутило и мое первое движеніе было отказаться отъ участія въ торжествахъ. Но меня убѣдили члены Думы, особенно изъ крестьянъ,

которые говорили: «Если не мы, такъ хотя бы предсѣдатель долженъ быть на этой великой годовщинѣ славы народной».

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній я рѣшилъ на слѣдующее: 26 августа ѣхать на Бородино и уклониться отъ другихъ церемоній. Причину своего отсутствія въ Москвѣ я объяснилъ Коковцеву и церемоніймейстеру барону Корфу. Послѣдній далъ мнѣ довольно характерный отвѣтъ: «Члены Думы не имѣютъ приѣзда ко Двору», на что я возразилъ: «Это торжество народное, а не придворное, и не церемоніймейстеры спасли Россію, а народъ».

На Бородинскомъ полѣ Государь, проходя очень близко отъ меня, мелькомъ взглянулъ въ мою сторону и не отвѣтилъ мнѣ на поклонъ. Я понялъ, что причина его неблаговоленія ко мнѣ была снятіе съ повѣстки ассигнованія на церковно-приходскія школы и опять таки докладъ по Распутинскому дѣлу.

Послѣ Бородинскаго торжества повидимому было рѣшено въ правительственныхъ сферахъ принять самыя рѣзкія мѣры, чтобы при предстоящихъ выборахъ въ четвертую г. Думу прошли исключительно элементы, способные оказать слѣпую поддержку правительству. Въ этихъ цѣляхъ были использованы всевозможныя мѣры для «разъясненія» нежелательныхъ и непокорныхъ элементовъ.

Меня переизбрали въ предсѣдатели Г. Думы. Въ глупомъ положеніи оказались правые и націоналисты. Въ видѣ протеста противъ моего избранія они демонстративно вышли, желая показать, что не хотятъ слушать рѣчь предсѣдателя, который прошелъ лѣвыми голосами (кадеты клали за меня, благодаря этому я получилъ большинство. Соціалисты и трудовики, какъ всегда, уклонились отъ выборовъ). Часть правыхъ однако не совсѣмъ была послушна своимъ лидерамъ — они столпились у дверей, когда революціонная, по ихъ понятіямъ, часть Думы рукоплескала словамъ о выздоровленіи Наслѣдника, а они стояли молча. Даже самыя лѣвые депутаты, какъ бы на зло имъ, кричали и аплодировали, какъ можно громче. Сконфуженные правые говорили потомъ, что если бы они знали, какая будетъ рѣчь, они конечно бы остались.

Всѣ газеты подхватили это происшествіе. Правая печать молчала.

Тотчасъ послѣ своего избранія я испросилъ аудіенцію у Государя. Государь встрѣтилъ меня съ нѣкоторымъ волненіемъ, причемъ, вопреки обычаю, приѣмъ происходилъ стоя и продолжался всего двадцать минутъ.

Я сказалъ:

— Честь имѣю явиться, какъ вновь избранный предсѣдатель Г. Думы.

— Да, скажите, какъ это скоро случилось... — со смущеніемъ началъ Государь. — Я съ удовольствіемъ, Михаилъ Владиміровичъ, узналъ о вашемъ избраніи. Благодарю васъ за вашу прекрасную рѣчь. Такъ долженъ думать и чувствовать каждый русскій человѣкъ. Но отчего вы нашъ строй называете конституціоннымъ?

— Государь, вамъ угодно было великодушно призвать къ участию въ законодательныхъ работахъ представителей народа. Это участие есть конституція и я не счелъ возможнымъ, хотя бы единымъ словомъ, идти противъ Державной воли вашего величества.

— Да, да, я теперь васъ понимаю. Но объясните мнѣ, почему ушли отъ вашей рѣчи правые и націоналисты? Какъ это было неумѣстно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патриотическую рѣчь.

— Государь, они ждали другихъ словъ и, такъ сказать, авансомъ хотѣли протестовать и не участвовать въ «революціонныхъ выступленіяхъ», но смѣю васъ увѣрить, что несмотря на рядъ несправедливостей, которыя позволило себѣ правительство во время избирательной кампаніи, — въ Г. Думѣ или по крайней мѣрѣ въ ея большинствѣ революціоннаго настроенія нѣтъ. Моя рѣчь является вѣрнымъ отраженіемъ мыслей и чувствъ, царящихъ среди членовъ Думы. Такимъ образомъ уходомъ во время моей рѣчи націоналисты и правые поставили себя въ оппозиціонное положеніе: они не приняли участія въ воодушевленномъ порывѣ Думы, когда я предложилъ выразить вашему величеству чувство радости по поводу выздоровленія Наслѣдника Цесаревича, чѣмъ и были наказаны за свою безтактность.

— Императрица и я мы были очень тронуты вашими словами и я прошу васъ передать Думѣ нашу благодарность.

Черезъ два дня послѣ приѣма я получилъ отъ министра Двора барона Фредерикса бумагу слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ. По всеподданнѣйшему докладу на ходатайство члена Г. Думы въ должности егермейстера Балашева отъ имени группы депутатовъ о счастья представится Государю Императору, послѣдовало принципиальное согласіе Его Императорскаго Величества на приѣмъ членовъ Думы IV созыва по примѣру 1907 и 1908 г.г.

Сообщая вамъ о таковой Высочайшей волѣ, прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ списки тѣхъ изъ членовъ Г. Думы, которые заявили о желаніи имѣть счастье быть принятыми Его Императорскимъ Величествомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

Баронъ Фредериксъ.

27 ноября 1912 г.».

Оказалось, что націоналисты и правые, желая передъ Государемъ оправдать свое странное поведеніе, рѣшили просить представленія помимо предсѣдателя, какъ группа «вѣрноподданныхъ правыхъ». Государю это, видимо, не понравилось и онъ, не отвѣчая ничего Балашеву, направилъ отвѣтъ прямо предсѣдателю Думы.

Депутаты стали записываться на приѣмъ. Самъ я поѣхалъ къ барону Фредериксу узнать, пожелаетъ ли Государь принять кадетъ. Баронъ мнѣ сказалъ, что Государь приметъ всѣхъ, кто захочетъ явиться, даже социалистовъ. Многие кадеты хотѣли ѣхать и въ ихъ фракціи

рѣшено было представить каждому свободу дѣйствія. Я очень старался склонить къ поѣздкѣ наибольшее число депутатовъ. Я долго уговаривалъ Милюкова (разговоръ происходилъ въ коридорѣ Маринскаго театра на представленіи «Юдифи» съ Шаляпинымъ), но Милюковъ отказывался и подъ конецъ сказалъ: «Я боюсь, что видъ мой вызоветъ у Государя Императора слишкомъ непріятныя воспоминанія». Онъ, очевидно, намекалъ на выборгское воззваніе.

Такъ Милюковъ и не поѣхалъ, но было, всетаки, двадцать шесть кадетовъ, сорокъ четыре прогрессиста, поляки, бѣлорусско-литовское коло, мусульмане и безпартійные, всего отъ оппозиціи восемьдесятъ семь человѣкъ, а всѣхъ депутатовъ было триста семьдесятъ четыре изъ четыреста сорока человѣкъ общаго состава. Это знаменательно, такъ какъ до сихъ поръ ѣздило меньше, а кадеты ни разу на приѣмъ, вообще, не ѣздили.

Государь встрѣтилъ депутатовъ очень любезно. Подаль руку предсѣдателю и сталъ обходить депутатовъ, которые стояли по губерніямъ. Церемоніймейстеръ баронъ Корфъ называлъ ихъ по фамиліямъ, но Государь его остановилъ: «Мнѣ будетъ представлять депутатовъ предсѣдатель Думы, не безпокойтесь, баронъ». Съ каждымъ Государь о чемъ нибудь говорилъ, а съ правыми былъ даже какъ будто холоднѣе, чѣмъ съ другими.

Депутатъ Хвостовъ явился съ большимъ бантомъ союза русскаго народа, что даже не по этикету, такъ какъ нельзя на мундиръ надѣвать самодѣльные ордена и украшенія. Государь его спросилъ: «Что это за значекъ?», Хвостовъ отвѣтилъ: «Это знакъ принадлежности къ союзу русскаго народа».

Государь, отходя, тихо сказалъ, пожавъ плечами: «Странно». Послѣ чего Хвостовъ снялъ свой значекъ.

Когда Государь обошелъ всѣхъ, правые двинулись впередъ, чтобы его окружать, но Государь прошелъ въ центръ толпы и сказалъ нѣсколько словъ съ пожеланіями дружной и плодотворной работы и пожелалъ всѣмъ счастливо встрѣтить праздники.

V

Торжество по случаю 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Изгнаніе Распутина изъ собора. Радко Дмитріевъ въ Петербургѣ.

Въ Думѣ начали упорно говорить, что Распутинъ опять появился въ Петербургѣ. Я получилъ бумагу изъ Царицына со многими подписями, въ которой просили принять мѣры и сообщали, что жителямъ Царицына извѣстно, будто Распутинъ находится у В. К. Саблера и снова бываетъ при дворѣ. Я послалъ эту бумагу Саблеру съ письмомъ, прося дать этимъ лицамъ исчерпывающій отвѣтъ. Саблеръ отвѣтилъ письменно довольно непріятнымъ тономъ, что Распутинъ онъ не видалъ и съ нимъ ничего общаго не имѣетъ. Вслѣдъ за его письмомъ ко мнѣ оффиціально пріѣхалъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ и заявилъ, что Государю Императору извѣстно, будто въ Думѣ готовятъ опять запросъ по поводу Распутина и что предсѣдатель этотъ запросъ поддерживаетъ. Государь поручилъ Маклакову

передать, что это ему не нравится и онъ не желаетъ, чтобы вопросъ о Распутинѣ вновь поднимался въ Думѣ. Я отвѣтилъ Маклакову, что ничего подобнаго нѣтъ, а что вѣроятно донесъ объ этомъ Саблеръ и рассказалъ ему о письмѣ изъ Царицына. Въ скоромъ времени на обѣдѣ у Коковцева я встрѣтился съ Саблеромъ и высказалъ ему свое негодование по поводу того, что онъ позволилъ себѣ извратить жалобу царицынскихъ гражданъ на присутствіе Распутина въ домѣ оберъ-прокурора Синода. Саблеръ былъ чрезвычайно сконфуженъ и въ замѣшательствѣ завѣрялъ, что я не такъ его понялъ. Съ своей стороны я предупредилъ Саблера, что буду имѣть всеподданнѣйшій докладъ по этому дѣлу. При первомъ же докладѣ я представилъ дѣло въ такомъ видѣ:

«Бю вашему величеству челомъ на оберъ-прокурора св. Синода въ томъ, что онъ преднамѣренно ввелъ васъ въ заблужденіе относительно петиціи царицынскихъ гражданъ, покрытой чуть ли не пятьюстами подписей. Разъ жалоба касалась дѣйствій оберъ-прокурора, то въдь нормальный порядокъ требуетъ, чтобы это дѣло было передано первоисточнику, т. е. самому оберъ-прокурору — напрасно онъ на это жаловался вашему величеству. Что же касается второй стадіи дѣла, переданной мнѣ по высочайшему повелѣнію Н. А. Маклаковымъ, то здѣсь уже сплошной вымыселъ. Настроеніе Думы совершенно не вѣрно истолковано: о Распутинѣ разговоры въ Думѣ затихли, никакихъ запросовъ о немъ не предполагается дѣлать и поэтому я считаю, что г. оберъ-прокуроръ св. Синода просто наклеветалъ на меня, въ какихъ цѣляхъ — мнѣ, конечно, не извѣстно».

Государь, внимательно выслушавъ мой докладъ, вполне согласился съ моими доводами.

На томъ же докладѣ я воспользовался милостивымъ расположеніемъ Государя и доложилъ ему дѣло о священникѣ Дмитріевѣ.

Священникъ Дмитріевъ, членъ Г. Думы III созыва, за свою принадлежность къ партіи октябристовъ, послѣ окончанія сессіи подвергся преслѣдованіямъ екатеринославскаго архіерея Агапита. Послѣдній лишилъ его мѣста, отстранилъ его отъ преподаванія въ гимназіи. Несчастный священникъ остался безъ куска хлѣба, на рукахъ бывшихъ прихожанъ, которые содержали его изъ милости, и терпѣлъ преслѣдованія. Я ходатайствовалъ о возстановленіи священника Дмитріева во всѣхъ правахъ. Государь записалъ это все въ книжку, обѣщалъ удовлетворить ходатайство, что дѣйствительно и совершилось.

Несмотря на то, что при докладѣ пришлось затронуть щекотливый вопросъ о Распутинѣ, аудіенція окончилась милостиво и, когда я попросилъ позволенія при Романовскихъ торжествахъ сказать привѣтственное слово, его Величество разрѣшилъ мнѣ это *).

Торжества назначены были въ февралѣ. Въ то время въ Думѣ стали ходить слухи, будто Государственный Совѣтъ намѣревается преподнести Императорской семьѣ икону. Провѣривъ этотъ слухъ, члены Думы рѣшили, что и они не должны отстать отъ Г. Совѣта.

*) Никакихъ рѣчей на этихъ торжествахъ, согласно церемоніалу, не должно было быть.

Я собралъ сеньоренъ-конвентъ, на которомъ согласились, что Дума должна преподнести икону Царской семьѣ. Былъ командированъ Щепкинъ, секретарь предсѣдателя Думы, въ Москву къ профессору Остроухову, который указалъ на чудный, рѣдкій старинный образъ. Тотъ же Остроуховъ предложилъ купить старинный платъ, на которомъ изображена встрѣча Михаиломъ Феодоровичемъ своего отца Филарета Никитича, въѣзжающаго въ Москву. Платъ этотъ длиной въ двадцать четыре аршина изъ бѣлаго холста, по которому шелками вышиты процессіи бояръ и боярынь въ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ костюмахъ, рынды съ оружіемъ, Филаретъ, выходящій изъ колымаги, крестьяне съ хлѣбомъ-солью, Михаилъ Феодоровичъ, простирающійся ницъ передъ отцомъ; вдали Москва, Кремль и купола церквей, а надъ всѣмъ этимъ Пресвятая Троица и ангелы, трубящіе славу. Купили подъ старинный рисунокъ парчу и сдѣлали два футляра. Они перевязывались длинными золотыми шнурами, на концахъ которыхъ висѣли старинные орлы съ драгоценными камнями и золотыя кисти. Все вышло очень красиво и подходило къ случаю. Дума одобрила и согласилась пополнить излишекъ истраченной суммы.

Въ день открытія Романовскихъ торжествъ, которыя начались съ литургіи и молебна въ Казанскомъ соборѣ, которые совершалъ патріархъ Антиохійскій въ облаченіи, пожалованномъ ему Государемъ, мнѣ сообщили, что Г. Дума отведено неподходящее ея достоинству мѣсто. Дѣйствительно, оказалось, что Г. Дума была поставлена далеко сзади не только Г. Совѣта, но и Сената. Если Романовскія торжества должны были носить характеръ народнаго празднества, то нельзя было забывать, что въ 1613 году народъ въ лицѣ земскаго собора, а не группа сановниковъ избрала Царемъ Михаила Феодоровича Романова.

Я указалъ на это оберъ-церемоніймейстерамъ барону Корфу и графу Толстому и послѣ непріятнаго спора добился того, что Сенатъ долженъ былъ уступить намъ свое мѣсто и былъ отодвинутъ значительно вглубь собора. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я вышелъ на паперть отдохнуть, такъ какъ до пріѣзда членовъ Думы было достаточно времени. Долженъ оговориться: чтобы упрочить «занятую позицію», я оцѣпилъ мѣста депутатовъ наличнымъ составомъ приставовъ Г. Думы. Не прошло и десяти минутъ, какъ за мной прибѣжалъ взволнованный старшій приставъ баронъ Ферзенъ и доложилъ, что не смотря на протесты его и его помощника, какой то человекъ въ крестьянскомъ платьѣ и съ крестомъ на груди всталъ впереди Г. Думы и не хочетъ уходить. Догадавшись, въ чемъ дѣло, я направился въ соборъ къ нашимъ мѣстамъ и тамъ, дѣйствительно, засталъ описанное барономъ Ферзеномъ лицо. Это былъ — Распутинъ. Одѣтъ онъ былъ въ великолѣпную темно-малиноваго цвѣта шелковую рубашку косоворотку, въ высокихъ лаковыхъ сапогахъ, въ черныхъ суконныхъ шароварахъ и такой же черной поддевкѣ. Поверхъ платья у него былъ наперсный крестъ на золотой художественной цѣпочкѣ. Подойдя къ нему вплотную, я внушительнымъ шопотомъ спросилъ его: «Ты зачѣмъ здѣсь?» Онъ на меня бросилъ нахальный взглядъ и отвѣчалъ: «А тебѣ какое дѣло?»

«Если ты будешь со мною говорить на «ты», то я тебя сейчас же за бороду выведу изъ собора. Развѣ ты не знаешь, что я предсѣдатель Г. Думы».

Распутинъ повернулся ко мнѣ лицомъ и началъ бѣгать по мнѣ глазами: сначала по лицу, потомъ въ области сердца, а потомъ опять взглянулъ мнѣ въ глаза. Такъ продолжалось нѣсколько мгновений.

Лично я совершенно не подверженъ дѣйствию гипноза, испыталъ это много разъ, но здѣсь я встрѣтилъ непонятную мнѣ силу огромнаго дѣйствія. Я почувствовалъ накипающую во мнѣ чисто животную злобу, кровь отхлынула мнѣ къ сердцу и я сознавалъ, что я мало по малу прихожу въ состояніе подлиннаго бѣшенства.

Я въ свою очередь началъ прямо смотрѣть въ глаза Распутину и, говоря безъ каламбуровъ, чувствовалъ, что мои глаза вылѣзаютъ изъ орбитъ. Вѣроятно, у меня оказался довольно страшный видъ, потому что Распутинъ началъ какъ то ежиться и спрашивалъ: «Что вамъ нужно отъ меня?»

«Чтобы ты сейчасъ убрался отсюда, гадкій еретикъ, тебѣ въ этомъ святомъ домѣ нѣтъ мѣста».

Распутинъ нахально отвѣчалъ: «Я приглашенъ сюда по желанію лицъ болѣе высокыхъ, чѣмъ вы» — и вытащилъ при этомъ пригласительный билетъ.

«Ты извѣстный обманщикъ, — возразилъ я, — вѣрить твоимъ словамъ нельзя. Уходи сейчасъ вонъ, тебѣ здѣсь не мѣсто»...

Распутинъ искоса взглянулъ на меня, звучно опустилсѣ на колѣни и началъ бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнулъ его въ бокъ и сказалъ: «Довольно ломаться. Если ты сейчасъ не уберешься отсюда, то я своимъ приставамъ прикажу тебя вынести на рукахъ».

Съ глубокимъ вздохомъ и со словами: «О, Господи, прости его грѣхъ», Распутинъ тяжело поднялся на ноги и, метнувъ на меня злобный взглядъ, направилсѣ къ выходу. Я проводилъ его до западныхъ дверей, гдѣ выѣздной казакъ подаль ему великолѣпную соболью шубу, усадилъ его въ автомобиль и Распутинъ благополучно уѣхалъ.

Этотъ эпизодъ былъ рассказанъ гораздо позже лѣтомъ 1913 года самимъ Распутинымъ члену Думы Ковалевскому, который случайно ѣхалъ съ нимъ въ одномъ поѣздѣ. Распутинъ началъ съ того, что бранилъ меня и спрашивалъ, за что члены Думы любятъ своего предсѣдателя, а потомъ сказалъ: «Онъ не хорошій человекъ. Вы знаете, что онъ сдѣлалъ во время торжествъ? Онъ меня даже изъ Казанскаго собора выгналъ, а не спросилъ, что самъ Царь сказалъ мнѣ, чтобы я тамъ былъ».

Ковалевскій, рассказывая мнѣ объ этой встрѣчѣ, добавилъ: «Я, признаться, не вѣрилъ вамъ, думалъ, что вы прихвастнули, когда говорили, что выгнали его изъ храма».

На поздравленіи во дворцѣ, гдѣ присутствовала вся Дума, я сказалъ свое привѣтственное слово и поднесъ икону и платъ, который держали развернутымъ за мной товарищи предсѣдателя. Особенно же

знаменательно казалось то, что никто не говорилъ привѣтствій, такъ какъ официально было заявлено, что рѣчей не будетъ*).

Балканская война съ Турціей была въ полномъ разгарѣ. Въ Думѣ съ большимъ вниманіемъ и воодушевленіемъ слѣдили за геройской борьбой славянъ за свободу. Сочувствіе къ нимъ было полное. Оно росло одновременно съ негодованіемъ на промахи нашей дипломатіи и въ особенности на министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, который, по мнѣнію Думскихъ круговъ, заставлялъ Россію играть ничтожную роль въ международныхъ событіяхъ. Чувство всеобщаго недовольства и національной обиды кромѣ Думы высказывалось и въ газетахъ всѣхъ направленій.

Въ мартѣ 1913 года въ Петербургъ пріѣхалъ болгарскій герой этой войны Радко Дмитріевъ и предсѣдатель болгарскаго народнаго собранія. Ихъ встрѣчали славянскія общества, толпа молодежи, многіе члены Думы и устроили имъ овацію на вокзалѣ. Кажется, на другой день ихъ пріѣзда получено было извѣстіе, что Адрианополь взятъ. Въ Думѣ это произвело огромное впечатлѣніе. Засѣданіе было прервано, начали кричать «ура», потребовали молебна и послали нѣкоторыхъ депутатовъ привезти въ Думу Радко Дмитріева, Данева и болгарскаго посланника Бобчева.

Когда они пріѣхали, ихъ поднимали на «ура», обнимали, цѣлова-

*) Рѣчь Родзянки: „Тому назадъ три вѣка, когда казалось, что русскому царству насталь конецъ, вѣлніемъ Небеснаго Промысла и Божьимъ благословеніемъ былъ призванъ на царство единодушнымъ голосомъ народа Державный предокъ вашъ Михайль Феодоровичъ Романовъ.

Вдохновенный единеніемъ со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ, подъ сѣнью святой православной Церкви, русскій народъ грудью защитилъ родную землю отъ дерзновенныхъ на нее вражскихъ посягательствъ. Великъ былъ тогда Царскій подвигъ — великъ и сегодняшній торжественный день.

Три вѣка славнаго царствованія Дома Романовыхъ свидѣлствуютъ, что подъ скипетромъ деожавныхъ преемниковъ перваго Царя нынѣ царствующаго Дома, святая Русь стойко пережила всѣ посылаемая ей испытанія, росла, крѣпла, ширилась и достигла современнаго своего величія.

Любвеобильное сердце русскихъ Царей всегда радостно билось радостями и успѣхомъ отечества и преисполнялось тяжелой скорбью въ годину бѣдствій и смуть. Благо російскаго Государя было народнымъ благомъ, печаль его была народной печалью и русскій народъ, какъ триста лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, благоговѣнно чтитъ и беззавѣтно любитъ своего Царя. Великій Государь, обширны царственныя труды и заботы ваши о благѣ народа и неустанно ваше о немъ попеченіе. Вѣря, какъ и встарь, что могущество Родины въ тѣсномъ единеніи Царя со своимъ народомъ, вѣря въ его государственный разумъ, вы призвали къ законодательному строительству людей, избранныхъ отъ населенія. И народные избранники, члены Г. Думы, одушевленные Монаршимъ довѣріемъ, безгранично счастливы лично повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшія поздравленія по случаю высокознаменательнаго праздника русскаго государства.

Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя какъ благословеніе народное, какъ видимый знакъ тѣхъ горячихъ молитвъ, которыя сегодня возносятся во всѣхъ уголкахъ Россіи о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и всей Царствующей Семьи.

Да благословитъ васъ Всевышній, да сохранитъ Онъ подъ небеснымъ Покровомъ своего Помазанника на счастье и радость всей русской земли“.

ли. Воодушевление было полное, всеобщее, безъ различія партій, забыли и личные счеты, пожимали руки и поздравляли другъ друга съ общеславянской радостью. Славяне были тронуты до слезъ. Молебень служили священники, члены Думы, въ Екатерининскомъ залѣ. Хоръ составилъ изъ депутатовъ подъ моимъ управленіемъ. Пѣли гимнъ и «Шуми Марица». Въ самый разгаръ этого энтузіазма я былъ вызванъ къ телефону предсѣдателемъ совѣта министровъ Коковцевымъ:

— Что у васъ дѣлается въ Думѣ? Нельзя ли прекратить эти манифестаціи.

Я отвѣтилъ:

— Это невозможно, подъемъ народнаго чувства остановить нельзя. Но зачѣмъ вамъ это нужно?

— Помилуйте, Михаилъ Владиміровичъ, это можетъ не понравиться Австріи и создать непріятныя осложненія.

— Попробуйте, пріѣзжайте и постарайтесь остановить это воодушевление сами. Я не могу...

Оказалось, что дѣйствительно о манифестаціи узнали въ австрійскомъ посольствѣ и сдѣлали представленіе предсѣдателю совѣта министровъ.

На другой день у меня былъ большой обѣдъ съ болгарскими гостями: Бобчевымъ, Даневымъ и Радко Дмитріевымъ и раутъ, къ которому собралось 60 членовъ Думы, лидеры всѣхъ партій, бюро фракціи октябристовъ и видные октябристы. Вечеръ прошелъ очень оживленно. Всѣ окружили Радко Дмитріева, который охотно рассказывалъ про войну и положеніе дѣлъ на Балканахъ. Всѣхъ поразилъ тактъ и спокойствіе славянъ: они ни слова, ни намека не сказали о нашей дипломатіи и даже не очень возмущались Австріей, хотя не скрывали, что ей не довѣряютъ.

За обѣдомъ я сказалъ имъ приблизительно слѣдующее:

«Я поднимаю бокалъ за геройскіе славянскіе народы, которые удивили весь міръ своей необычайной побѣдоносной войной. Всѣ мы слѣдимъ съ напряженіемъ за геройскимъ шествіемъ во имя креста и свободы. Но съ такимъ же напряженіемъ и волненіемъ ждемъ мы окончанія этой войны. Вѣдь мало окончить побѣдоносно войну. Въ ея благополучномъ исходѣ я ни минуты не сомнѣваюсь, видя геройство вождей братскихъ намъ войскъ и безграничную отвагу ея воиновъ. Сомнѣній быть не можетъ. Турція будетъ побѣждена. Однако, результаты всякой кампаніи оцѣниваются въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности не успѣшными и блестящими военными дѣйствіями, но успѣшнымъ завершеніемъ войны, мирнымъ договоромъ. По этому поводу позвольте вамъ отъ имени вашей старшей сестры Россіи дать добрый совѣтъ: храните миръ между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослѣпятъ васъ ратныя побѣды и да не возбудятъ онѣ между вами опасной и нежелательной ревности къ содѣянному подвигамъ. Нѣтъ ничего опаснѣе этого пути. Поэтому мы, ваши братья, ликующіе о бранныхъ побѣдахъ славянства, молимъ васъ всѣ силы ума и воли напредъ для предупрежденія междуусобныхъ трений, опасныхъ для достиженія блестящаго конца войны. Я провозглашаю гром-

кую здравицу за побѣдоносныхъ братьевъ-славянъ, въ дружномъ союзѣ отважно побѣждающихъ общаго врага, и за то, чтобы ихъ братское сердечное единеніе росло и крѣпло и послужило основаніемъ и для дальнѣйшаго сплоченія братско-славянской семьи».

Переглянувшись съ другими, Радко Дмитріевъ всталъ и отвѣтилъ слѣдующее: «Вы правильно называете насъ младшими братьями. Славянскіе народы всегда съ уваженіемъ, съ братской любовью смотрѣли на Россію, отъ которой ждали нравственной поддержки и помощи. Благодаря великодушію русскихъ братьевъ, славяне были вызваны къ исторической жизни и они никогда не могутъ забыть всѣхъ великихъ благодѣяній, которыя на нихъ сыпала великая Россія. Теперь, въ нашей первой самостоятельной борьбѣ съ исконнымъ врагомъ, мы съ вѣрой и упованіемъ смотримъ на старшаго брата и просимъ, чтобы онъ отстранилъ всѣ чуждыя, вредныя вліянія. Россія должна оказать намъ содѣйствіе тѣмъ, чтобы своею мощной рукою предотвратить всякую возможность возникновенія недоразумѣній между славянами. Мощною же рукою она должна пресѣчь эти недоразумѣнія, если бы онѣ возникли. Только великая Россія имѣетъ право вмѣшиваться и только Россіи подчинятся славянскіе народы».

Сказалъ онъ это глубоко взволнованнымъ голосомъ. Послѣ обѣда, бесѣдуя, славяне говорили: «Вы не представляете себѣ, какъ велико обаяніе Россіи на Балканахъ, съ какимъ довѣріемъ и съ какой надеждой славяне смотрятъ на Россію, какъ боятся ее въ Европѣ. Теперь или никогда Россія должна себя показать». На это пришлось имъ отвѣтить: «Вы видите отношеніе къ вамъ общества и печати, вы видѣли энтузіазмъ народныхъ представителей, а дальше мы ничего сказать не можемъ, ни за что поручиться».

Радко Дмитріевъ отозвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ: «Я пріѣхалъ съ секретной миссіей повергнуть къ стопамъ Его Величества Константинополь. Какъ мнѣ быть, какъ говорить съ Государемъ?»

Я отвѣтилъ ему:

— Говорите ему прямо. Онъ любитъ правду и это, во всякомъ случаѣ, будетъ вѣрнѣе. Я со своей стороны полагаю, что до вашего представленія Государю было бы полезно мнѣ испросить спеціальнѣйшій докладъ.

Радко Дмитріевъ благодарилъ и просилъ это исполнить.

Хотѣлось вѣрить и вѣрилось, что Россія скажетъ твердое слово, побѣдно двинется на югъ и поддержитъ славянскіе народы. Какъ оказалось потомъ, все это были пустыя надежды.

16 марта по поводу паденія Адрианополя происходили славянскія манифестаціи на улицахъ. Славянское общество устроило торжественную обѣдню съ шереметьевскими пѣвчими въ храмѣ Воскресенья. При выходѣ Радко Дмитріевъ былъ поднятъ на «ура». Огромная толпа вышла на Невскій проспектъ съ пѣніемъ «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица». Потомъ направилась къ болгарскому посольству. Бобчевъ вышелъ на балконъ и сказалъ рѣчь, которую закончилъ словами: «Да здравствуетъ великая Россія». Толпа отвѣтила болгарскимъ и русскимъ гимнами. Затѣмъ толпа, еще возросшая, отправилась къ сербскому посольству. Сербскій посолъ тоже вышелъ на балконъ, но не

успѣлъ онъ сказать нѣсколько словъ, какъ налетѣли конные городо-
вые и начали избивать толпу. Никакія указанія на то, что толпа мир-
ная и поетъ «Боже, Царя храни», не помогали. Полиція, очевидно, по-
лучившая опредѣленное приказаніе, усердно дѣлала свое дѣло. Осо-
бенно она охраняла министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, около
дома котораго было два эскадрона конныхъ жандармовъ, и австрій-
ское посольство, къ которому толпа и не думала направляться. Да и
состояла толпа изъ серьезныхъ и благонамѣренныхъ людей: были
офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники. Говорятъ даже, что
полиція избила какого то сенатора.

Въ тотъ же день происходилъ обѣдъ у министра иностранныхъ
дѣлъ Сазонова.

— Входя къ вамъ, я былъ пріятно пораженъ, — сказалъ я Сазо-
нову, — я счастливъ видѣть, что наша дипломатія наконецъ стоитъ на
правильной почвѣ.

— Почему? — удивился Сазоновъ.

— Вы начали вооружаться на помощь славянамъ: у васъ во дворѣ
два эскадрона солдатъ.

На другой день въ Думѣ былъ запросъ по поводу избіенія поли-
ціей манифестантовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ далъ
совершенно неудовлетворительное объясненіе въ извиненіе полиціи,
но два послѣдующіе дня повторили то же самое. Самъ градоначаль-
никъ Драчевскій пріѣхалъ въ автомобиль разгонять толпу, которая
пѣла: «Боже, Царя храни». Изъ толпы ему начали кричать: «Поютъ
гимнъ, извольте встать, встать». Онъ нехотя всталъ и приложилъ руку
къ козырьку. Настроеніе общества, все-таки, безпокоило министерство
и Сазоновъ рѣшилъ дать кое-какія объясненія. Онъ позвалъ членовъ
Думы на «чашку чая», причемъ раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи: пра-
выхъ и лѣвыхъ, и принялъ въ разные дни.

Разъясненій Сазоновъ въ сущности никакихъ не далъ и только
кадеты остались довольны и газета «Рѣчь» его расхвалила.

VI

Интриги правыхъ. Бойкотъ Думы. На открытіи памятника Столыпина. Епископъ Ага-
пий. Предупрежденія А. И. Гучкова.

Съ самага начала сессіи въ Думѣ сталъ чувствоваться разладъ.
Правительство было разочаровано, что несмотря на всѣ старанія при
выборахъ, Дума вышла не такого направленія, какъ оно ожидало. На-
дѣялись на большинство правыхъ, этого не оказалось и даже прези-
діумъ былъ избранъ лѣвымъ большинствомъ. Чѣмъ дальше шли со-
бытія, тѣмъ болѣе враждебнымъ становилось правительство по отно-
шенію къ Думѣ. Славянскія манифестаціи, критика дѣйствій прави-
тельства, строгая отповѣдь Думы Сухомлинову по поводу незаконнаго
измѣненія устава Военно-медицинской Академіи, который даже Се-
натъ отказался распубликовать, — все это раздражало и стали но-
ситься упорные слухи о желаніи правительства «разогнать» Думу.
Князь Мещерскій (издатель крайняго праваго органа «Гражданинъ»)

писалъ громоносныя статьи противъ Думы и ея предсѣдателя. Всѣ знали, что его «Гражданинъ» единственная газета, которую читаетъ Государь, и можно было думать, что курсъ политики зависитъ отъ вліянія этого оплаченнаго публициста. Все это очень удручало членовъ Думы. Со стороны правительства видно было желаніе, если не активными дѣйствіями, то хотя бы изморомъ убить Думу. Несмотря на громкія обѣщанія внести новые законопроекты, правительство упорно ничего не дѣлало и на долю Думы оставались только запросы и бюджетъ. Причемъ даже справки, необходимыя для бюджетной комиссіи, и тѣ задерживались министерствами. Члены Думы праваго крыла, обиженные тѣмъ, что они оказались въ меньшинствѣ, и не гласно поддерживаемые правительствомъ, стали интриговать противъ большинства Думы. Они собрались на засѣданіе соединенныхъ монархическихъ организацій, на повѣсткѣ котораго первымъ номеромъ стояло о необходимости разгона IV-ой Думы. Это они старались сдѣлать тайно, но, конечно, все стало извѣстно, а повѣстка цѣликомъ была напечатана въ «Вечернемъ Времени» и въ другихъ газетахъ. Отсутствие крѣпкаго сплоченнаго большинства въ самой Думѣ, неопредѣленное положеніе, волнующее ожиданіе отпуска, бесплодная работа — на важнѣйшіе запросы и законопроекты не было отклика въ правительствѣ, — все это не могло не отражаться на настроеніи Думы.

На Страстной недѣлѣ я поѣхалъ съ докладомъ къ Государю. Встрѣченъ былъ, какъ всегда, любезно, но долженъ былъ сообщить много непріятныхъ фактовъ. По поводу устава военно-медицинской академіи и запроса Думы указалъ на незаконность дѣйствій военнаго министра Сухомлинова, который отвѣтственность своего поступка свалилъ на Высочайшую власть.

Я сказалъ:

— Вамъ неправильно доложили дѣло, Ваше Величество, давъ вамъ подписать утвержденіе устава въ порядкѣ верховнаго управленія, тогда какъ по закону онъ долженъ былъ пройти черезъ законодательныя палаты.

Государь на это ничего не отвѣтилъ.

По поводу дѣйствій полиціи во время манифестаціи я сказалъ объ оскорбленномъ народномъ чувствѣ и всеобщемъ недовольствѣ, которое не скоро забудется. Государь какъ будто бы соглашался, находя дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ неосторожными.

Я сказалъ также и о внѣшней политикѣ, о недовольствѣ всѣхъ тѣмъ, что русская дипломатія своей нерѣшительностью заставляетъ играть Россію унижительную роль. Я совѣтовалъ дѣйствовать рѣшительно. Съ одной стороны двинуть войска на Эрзерумъ, съ другой идти на Константинополь. Я нѣсколько разъ повторялъ:

— Ваше Величество, время еще не упущено. Надо воспользо-ваться всеобщимъ подъемомъ, проливы должны быть наши. Война будетъ встрѣчена съ радостью и подниметъ престижъ власти.

Государь упорно молчалъ.

Говоря объ административномъ произволѣ, я рассказалъ подробно фактъ преданія суду предсѣдателя черниговской губернской управы Савицкаго, всѣми уважаемаго земскаго дѣятеля, за побѣгъ полити-

ческаго арестанта. Его предалъ суду Н. А. Маклаковъ, въ бытность свою черниговскимъ губернаторомъ. Цѣль этого преданія суду болѣе чѣмъ ясна, такъ какъ по закону лица, находящіяся подъ слѣдствіемъ или судомъ, лишены какъ активныхъ, такъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ, а бывший тогда губернаторомъ Маклаковъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Савицкимъ. Предлогъ для преданія суду не можетъ считаться основательнымъ, такъ какъ былъ только побѣгъ изъ земской больницы политическаго арестанта. Если виноватымъ оказался не завѣдующій палатой врачъ, а предсѣдатель управы, то по преемственности власти такимъ же образомъ можно считать виновникомъ сначала губернатора, а затѣмъ и министра, тѣмъ болѣе, что это тотъ же Маклаковъ, который былъ тогда губернаторомъ.

Государь на это замѣтилъ:

— Да, вы правы.

Подъ конецъ сессіи Думы произошелъ небольшой инцидентъ, самъ по себѣ не важный, но чреватый послѣдствіями. Марковъ 2-ой по поводу смѣты министерства финансовъ вздумалъ сказать: «Красть чельзя». Предсѣдательствовавшій князь Волконскій не нашелся его своевременно остановить, а министръ финансовъ Коковцевъ принялъ оскорбленіе на свой счетъ и объявилъ, что Дума вся виновата, если не реагировала на слова депутата, и должна извиниться передъ правительствомъ и что «пока это не будетъ исполнено предсѣдателемъ Думы, министры не будутъ посѣщать Думу».

Дума рѣшила, что она не отвѣтственна за слова одного депутата и я никакихъ извиненій приносить не намѣревался. Все это, и рѣзкія слова праваго депутата по отношенію къ правительству, и неожиданная обидчивость министровъ — похоже было на провокацію. Сначала надъ этимъ смѣялись, но потомъ создалось невозможное положеніе; вслѣдствіе отсутствія министровъ работа въ комиссіяхъ совершенно затормозилась. Для разъясненія по бюджету пріѣзжали даже не товарищи министровъ, а какіе то дѣлопроизводители и предсѣдатель бюджетной комиссіи Алексѣенко отказывался ихъ выслушивать.

При докладѣ въ концѣ іюня 1913 года въ Петергофѣ послѣ роспуска Думы я опять говорилъ Государю о внѣшней политикѣ, настаивалъ на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а потомъ сказалъ о министрахъ:

— Ваше Величество, министры не являются въ Думу, не желаютъ принимать участія въ законодательной работѣ. Вѣдь это можетъ породить въ народѣ нѣсколько озорную мысль.

— Какую?

Да ту, что можно и безъ нихъ обойтись.

На это Государь сказалъ:

— Къ осени они одумаются.

Осенью 1913 года мы отправились въ Кіевъ на торжество открытія памятника П. А. Столыпину. Характерно при этомъ, что элементы,

относившіеся враждебно или недоброжелательно къ Думѣ, вообще и въ частности къ ея предсѣдателю, воспользовались этой поѣздкой, чтобы высказать свое отрицательное къ нимъ отношеніе. Такъ напримѣръ, мнѣ было предоставлено въ официальномъ поѣздѣ самое неудобное отдѣленіе. По пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ никто меня не встрѣтилъ, квартиры отведено не было и мѣстный губернаторъ позволилъ себѣ нѣсколько неудобныхъ и даже рѣзкихъ выходокъ. Съ другой стороны широкіе общественные круги наперерывъ старались оказать представителямъ Думы подобающее вниманіе.

На закладкѣ зданія губернской земской управы у меня произошелъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ слѣдующій разговоръ. Я подошелъ къ Коковцеву, который стоялъ въ сторонѣ, и сказалъ ему:

— Ну что же, Владиміръ Николаевичъ, вы кончите бойкотъ Думы? Есть надежда, что вы осенью будете въ Думѣ.

— Пока Дума не извинится — всѣ мы рѣшили туда не ѣздить.

— Я долженъ вамъ сказать, что на моемъ послѣднемъ докладѣ Государь выразилъ надежду, что вы одумаетесь къ осени.

Черезъ нѣсколько дней въ газетѣ «Русское Слово» появился этотъ разговоръ съ явнымъ желаніемъ выставить меня въ карикатурномъ видѣ. Тутъ же было сказано, что Коковцевъ въ скоромъ времени ѣдетъ съ докладомъ въ Ливадію. Такъ какъ во время разговора съ Коковцевымъ никого рядомъ не было, я понялъ, что напечаталъ это самъ Коковцевъ. Цѣль его, вѣроятно, была та, чтобы отвезти эту вырѣзку Государю Императору и указать ему, какъ легко предсѣдатель Думы обращается со словами Государя Императора и даже позволяетъ себѣ печатать о нихъ въ довольно лѣвой газетѣ.

Прочитавъ эту замѣтку, я напечаталъ опроверженіе, въ которомъ сказалъ, что разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ и въ совершенно другихъ выраженіяхъ, а потому объ авторѣ этой замѣтки сомнѣній быть не можетъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ мнѣ былъ представленъ порядокъ рѣчей. Изъ членовъ Думы былъ назначенъ только Балашевъ. Поспѣшность, съ которой былъ представленъ этотъ списокъ, обнаруживала желаніе помѣшать мнѣ или кому нибудь другому говорить рѣчь. Оскорбленные октябристы рѣшили не говорить рѣчей и Гучковъ, возлагавшій вѣнокъ, молча до земли поклонился памятнику. Это краснорѣчивое молчаніе какъ то еще больше выражало чувство скорби по поводу смерти Столыпина.

Послѣ кіевскихъ торжествъ вмѣстѣ съ членами Думы, которые ѣхали осматривать пороги, въ связи съ предстоящей ассигновкой на шлюзование Днѣпра, я пріѣхалъ на пароходѣ въ Екатеринославъ.

Населеніе при остановкахъ парохода привѣтствовало своихъ избранниковъ членовъ Г. Думы. Такъ напримѣръ, въ Кременчугѣ чуть ли не весь городъ пришелъ къ пристани. Городской Голова принесъ хлѣбъ-соль и сказалъ прочувствованную рѣчь. Такія встрѣчи устраивались даже въ селахъ, а представители сельскихъ обществъ привѣтствовали путешественниковъ безхитростными, но очень задушевными рѣчами.

На раутѣ у екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства князя Урусова у меня произошелъ интересный разговоръ съ архіепископомъ Агапитомъ*).

При выборахъ въ IV Думу Агапоть принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи противъ октябристовъ, а послѣ выборовъ съ амвона произнесъ обличительную рѣчь, въ которой сказалъ:

— Кого выбираете? Октябрей хриstopродавцевъ!

На раутѣ я естественно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, но Агапоть самъ подошелъ и сказалъ:

— Позвольте, Михаилъ Владиміровичъ, васъ благословить въ знакъ примиренія. Я знаю, что вы на меня сердитесь.

— Нѣтъ, владыко, отъ васъ благословенія не приму. Вы меня жестоко оскорбили во время выборовъ, а послѣ называли насъ даже «хриstopродавцами».

— Не васъ, не лично васъ, Михаилъ Владиміровичъ, — вставилъ Агапоть, прижимая руки къ груди.

— Это безразлично: меня или тѣхъ, за кого я стою. Вы оскорбили октябристовъ, значитъ, и меня. Хотя я, быть можетъ, болѣе православный, чѣмъ многіе изъ вашихъ священниковъ, особенно тѣхъ неучей, которымъ вы такъ щедро раздаете приходы. Вспомните, когда я пріѣхалъ въ Екатеринославъ въ прошломъ году, я явился тотчасъ же къ вамъ, уважая вашъ санъ. Право, вы сдѣлали бы гораздо лучше, если бы бросили заниматься политикой. Ваше мѣсто въ церкви и вы должны любовью привлекать ея членовъ, какъ добрый пастырь, а не сѣять раздоры обличительными рѣчами и указаніями священникамъ, кого они должны выбирать. Оставьте священниковъ быть пастырями. Чего вы этимъ достигли? Вы уничтожили послѣднее уваженіе, которое было къ сану священника.

— Простите, Михаилъ Владиміровичъ, — сказалъ смущенный Агапоть.

— Вы можете говорить «простите», но я забыть не могу. Я не искалъ съ вами встрѣчи, вы сами подошли ко мнѣ. Я сдерживалъ то, что во мнѣ накупѣло, но теперь я молчать не могу. Я долженъ вамъ высказать все мое негодованіе. Вспомните, что вы говорили мнѣ, когда я къ вамъ явился. Я не просилъ вашей поддержки, вы сами увѣряли меня, что вы считаете октябристовъ надежными православными людьми. Вы говорили мнѣ и всѣмъ постоянно, что я вашъ ставленникъ. А что же мы видимъ послѣ выборовъ? Вы не можете отрицать, что духовенство было использовано противъ насъ.

— Позвольте, Михаилъ Владиміровичъ, — попробовалъ вставить Агапоть.

Но я, сильно взволнованный, не далъ ему говорить.

— Никто васъ не заставлялъ высказывать свое мнѣніе. Зачѣмъ было кривить душой, зачѣмъ до выборовъ говорить одно, а дѣлать другое. Чего вы этимъ достигли? Вы только унизили свой санъ, а также и все духовенство въ глазахъ избирателей.

*) Этотъ епископъ впослѣдствіи въ дни революціи произнесъ на молебнѣ слово Петлюрѣ послѣ его вступленія въ Кіевъ передъ большевиками.

Тутъ подали шампанское и Агапить, взявъ бокаль, сказалъ:

— За ваше здоровье, Михайль Владиміровичъ, и за нашу слѣдующую болѣе дружескую встрѣчу.

— Я готовъ выпить за ваше здоровье, — сказалъ я, — а встрѣтимся мы должно быть на томъ свѣтѣ и я могу съ увѣренностью сказать, что за тѣ слова, которыя я вамъ сказалъ сегодня, я Богу не отвѣчу.

Мы чокнулись и я отошелъ.

Во время разговора Агапить производилъ впечатлѣніе провинившагося школьника, который старается какъ нибудь оправдаться передъ старшими. Объ разговорѣ узнали въ Екатеринославѣ. Большинство радовалось, что Агапиту «досталось» за его постыдную дѣятельность, нѣкоторые же осуждали меня.

На другой день я поѣхалъ къ князю Урусову извиниться, что рѣзко говорилъ съ его гостемъ въ его домѣ и очень былъ удивленъ услышать отъ него, что Агапить, уѣзжая, благодарилъ хозяина, особенно за то, что ему удалось «такъ хорошо поговорить съ Михаиломъ Владиміровичемъ».

Результатомъ этого разговора было то, что назначеніе въ епархіи малограмотныхъ священниковъ рѣзко пріостановилось и, вообще, всѣ замѣтили, что Агапить сталъ гораздо скромнѣе.

По открытіи Думы вновь возникъ вопросъ о забастовкѣ министровъ. Передъ открытіемъ я поѣхалъ къ Харитонову, государственному контролеру, и тотъ посоветовалъ на открытіе сессіи министровъ не приглашать, такъ какъ они все равно не придутъ и это создастъ новый поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ и сдѣлали. И министерская ложа блистала своей пустотой. Такое положеніе продолжалось недѣлю или двѣ. Наконецъ правительство поняло невыгодность своего положенія и сдѣлало шагъ къ примиренію. Министры рѣшили удовлетвориться извиненіемъ одного Маркова. Это дали понять Маркову и онъ 1 ноября въ думскомъ засѣданіи въ сжатой формѣ принесъ свои извиненія, которыя онъ читалъ по запискѣ. Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Дума сохранила свое достоинство, а министры стали еще менѣе популярны. Эта побѣда Думы особенно порадовала: передъ тѣмъ ходили слухи, что правительство хочетъ Думу разогнать и, такъ какъ объ этомъ много писалось въ «Гражданинѣ», можно было думать, что это состоится. Незадолго передъ тѣмъ Коковцевъ вернулся изъ заграницы, гдѣ онъ очень самоувѣренно заявилъ французскому корреспонденту, что «въ Россіи за сто верстъ отъ столицы и за тридцать верстъ отъ уѣздныхъ городовъ никто политикой не занимается». Это съ насмѣшкой подхватили газеты, а какъ бы въ противовѣсъ заявленію Коковцева, на съѣздѣ октябристовъ, который открылся 8 ноября въ Петербургѣ, Гучковъ въ блестящей рѣчи обрисовалъ внѣшнее и внутреннее положеніе политики Россіи. Онъ говорилъ о томъ, что надо одуматься, что Россія наканунѣ второй революціи и что положеніе очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведетъ Россію къ гибели. Въ сущности

рѣчь Гучкова, напечатанная не вполнѣ точно въ газетахъ, была антидинастическая, и октябристамъ, какъ лояльной партіи, не слѣдовало бы вставать на тотъ путь, на который ее толкалъ Гучковъ.

На съѣздѣ была принята слѣдующая резолюція по отношенію къ думской фракціи: «Парламентской фракціи союза 17 октября какъ его органу, наиболѣе вооруженному средствами воздѣйствій, надлежитъ взять на себя неуклонную борьбу съ вреднымъ и опаснымъ направлениемъ правительственной политики и съ тѣми явленіями произвола и нарушенія закона, отъ которыхъ нынѣ такъ тяжело страдаетъ русская жизнь. Въ парламентской фракціи должны быть использованы въ полной мѣрѣ всѣ законные способы парламентской борьбы; какъ то: свобода трибуны, право запросовъ, отклоненіе законопроектовъ и отказъ въ кредитахъ».

На правительство эта резолюція произвела сильное впечатлѣніе до смѣшного. На другой же день были Думѣ представлены всѣ матерьялы, которыхъ нельзя было добиться отъ разныхъ вѣдомствъ въ теченіе года.

Подоспѣло время выборовъ въ президіумъ. Близкіе люди меня уговаривали не идти въ предсѣдатели:

— Все равно Царь васъ не хочетъ слушать. Въ Думѣ большинства нѣтъ, положеніе шаткое, только безконечная трепка нервовъ.

Но, къ сожалѣнію, обстоятельства такъ слагались, что отказаться было нельзя. Другого кандидата даже и не предлагали. Наконецъ, сочетаніе политическихъ конъюнктуръ было таково, что послѣ моей вступительной рѣчи отказъ былъ бы равносильнъ отказу отъ намѣченной цѣли — программы и поэтому былъ бы равносильнъ сдачѣ безъ боя позицій. Инициаторъ политическаго курса при открытіи Думы уподобился бы капитану, бѣжавшему съ своего корабля. Въ силу этихъ соображеній я долженъ былъ согласиться и былъ избранъ огромнымъ большинствомъ — 272 противъ 70, лучше всѣхъ предыдущихъ разовъ. Я сказалъ рѣчь, которая хотя и была встрѣчена аплодисментами, понравилась меньше прошлогодней, и самъ я находилъ ее слабѣе и, главное, безцвѣтнѣе. Я колебался, надо ли, вообще, говорить рѣчь и повторять ли то, что было сказано въ прошломъ году. Послѣ выборовъ президіума въ партіи октябристовъ начался разладъ: правое крыло на первомъ фракціонномъ засѣданіи подъ давлениемъ правительства стало оспаривать резолюцію съѣзда октябристовъ, даже порицало эту резолюцію. Среднее крыло рѣшило, что оно принимаетъ ее къ свѣдѣнію, а лѣвое требовало принятія къ руководству. Лѣвые октябристы подъ давлениемъ Гучкова устраивали районныя совѣщанія, центръ не принималъ въ нихъ участія. Они заявили, что не примыкаютъ къ правымъ октябристамъ и въ то же время не желаютъ слѣпо подчиняться указаніямъ Гучкова. Произошелъ расколъ. Я созвалъ совѣщаніе и постарался склеить партію, но это не удалось. Лѣвые вышли изъ фракціи въ числѣ 22 человекъ. Главные: Сергѣй Шидловскій, Хомяковъ, Звегинцевъ, Годневъ и др. Было собрано второе совѣщаніе на квартирѣ, чтобы спасти положеніе. Савичъ, Николай Шидловскій, Алексѣенко и я рѣшили создать новую партію, подъ названіемъ «земцевъ-октябристовъ». Въ партіи приняли рѣшеніе от-

межеваться отъ правыхъ октябристовъ. Когда это узнали въ Думѣ, явилась масса желающихъ, и скоро въ нашей группѣ было 50 членовъ, а за время рождественскихъ каникулъ записалось до 70. Этимъ счастливымъ исходомъ было создано вновь большинство партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость стать во главѣ этой партіи энергичному человѣку. Бывшій предсѣдатель фракціи въ началѣ раскола не сумѣлъ сплотить партію и, когда все разразилось, поспѣшилъ уйти. Я сталъ подумывать о томъ, чтобы уйти изъ предсѣдателей Думы и стать во главѣ новой партіи.

VII

Аудиенція 22/XII 1913 г. Споръ о покупкѣ дреднаутовъ за границей. Встрѣча эскадры адмирала Битти. Гавань въ Ганге.

По возвращеніи Царя изъ Крыма, я послалъ заявленіе о желаніи быть принятымъ для доклада и 22 декабря 1913 года былъ принятъ Царемъ. Необходимо было указать Царю на отсутствіе планомѣрности въ дѣйствіяхъ правительства: незадолго передъ тѣмъ въ Г. Совѣтѣ Коковцевъ защищалъ одинъ законопроектъ, въ то время, какъ Маклаковъ далъ тайное распоряженіе его провалить. Большая часть членовъ Г. Совѣта по назначенію не явилась на засѣданіе, а другая часть голосовала противъ законопроекта и къ большому удивленію Коковцева, который ничего не подозрѣвалъ, законопроектъ этотъ провалился. Надо было обратить на это вниманіе Государя и на ближайшемъ докладѣ я обратился къ нему съ такими словами:

— Ваше величество, позвольте вамъ доложить, что у насъ нѣтъ правительства.

— Какъ нѣтъ правительства?

— Мы привыкли думать такъ, что верховная власть въ управленіи часть своей власти делегируетъ министрамъ и членамъ Г. Совѣта по назначенію. Послѣдніе исполняютъ волю правительства и отстаиваютъ ее въ законодательномъ учрежденіи. Такъ привыкли думать мы, члены нижней Палаты. Что же мы видимъ? Въ прошлую сессію разсматривался законопроектъ о допущеніи польскаго языка въ школахъ въ Привислянскихъ губерніяхъ. Воля вашего императорскаго величества была, чтобы языкъ этотъ былъ допущенъ съ цѣлью улучшить положеніе поляковъ, сравнительно съ положеніемъ въ Австріи, и тѣмъ привлечь ихъ симпатіи на сторону Россіи.

— Да, это именно я имѣлъ въ виду, — отвѣтилъ Государь.

— Мы такъ и понимали тогда и въ этомъ смыслѣ и разработали этотъ законопроектъ въ Г. Думѣ. Теперь этотъ законопроектъ проходитъ въ Г. Совѣтѣ и представитель правительства въ своей рѣчи защищаетъ эту точку зрѣнія. Между тѣмъ члены Г. Совѣта по назначенію частью отсутствуютъ, частью голосуютъ противъ, и законопроектъ проваливается. Согласитесь, ваше величество, что члены правительства или не желаютъ исполнять вашей воли, или не даютъ себѣ труда ее понять. Населеніе не знаетъ, что дѣлать. Министры — каждый имѣютъ свое мнѣніе. Большой частью кабинетъ раздѣленъ на-

двое, Г. Совѣтъ — третье, Дума—четвертое, а вашего мнѣнія страна не знаетъ. Такъ нельзя продолжать, ваше величество, это не правительство, это анархія.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Я не могу вліять на свободу мнѣнія членамъ Г. Совѣта.

— Въ вашихъ рукахъ, ваше величество, списки назначенныхъ членовъ Г. Совѣта. Измѣните эти списки, назначьте болѣе либеральныхъ, согласныхъ съ вашимъ мнѣніемъ. Заставьте министровъ васъ слушаться.

Этотъ разговоръ не имѣлъ дѣйствія. Списки членовъ Г. Совѣта остались почти тѣ же и, если были измѣнены, то какъ разъ въ обратномъ направленіи.

На томъ же свиданіи я показалъ Государю двѣ вырѣзки: изъ «Колокола» — синодскаго оффиціоза и изъ «Вечерняго Времени». Въ «Колоколѣ» было написано приблизительно слѣдующее: «Благодаря святымъ старцамъ, направляющимъ внѣшнюю политику, мы избѣгли войны въ прошломъ году и должны благословить судьбу. Благодаря имъ, мы видимъ теперь назначеніе новыхъ іерарховъ и будемъ надѣяться, что и тутъ вліяніе старцевъ будетъ такъ же благотворно».

Въ «Вечернемъ Времени» была отвѣдь «Колоколу» въ томъ смыслѣ, что руководство высшей политикой принадлежитъ верховной власти «и мы напоминаемъ «Колоколу», — писали тамъ, — что ни о какихъ старцахъ рѣчи быть не можетъ. Руководство внѣшней политикой принадлежитъ верховной власти, а назначеніе іерарховъ тоже принадлежитъ Государю».

Прочитавъ, Государь сказалъ:

— Какіе старцы... О какихъ старцахъ здѣсь говорится?

→ Ваше величество, — отвѣтилъ я, — старецъ на Руси есть одинъ и вы знаете, кто онъ. Онъ составляетъ горе и отчаяніе всей Россіи.

Государь промолчалъ.

— Ваше величество, у меня есть еще важное сообщеніе — вопросъ государственной важности, который прямо не касается моего доклада, но который я очень хотѣлъ бы довести до вашего свѣденія.

— Я васъ прошу говорить.

Въ комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ стало извѣстно, что заводы Армстронга и Виккерса имѣютъ пять сверхъ-дреднаутовъ, готовыхъ для продажи, всѣ за сто двадцать милліоновъ. Цѣна каждому изъ нихъ на десять милліоновъ дешевле той, какую исчисляли въ Россіи. Если ихъ купить, получилась бы экономія въ пятьдесятъ милліоновъ. Дреднауты всѣ были очень хорошіе и уже готовы или почти готовы, а при постройкѣ въ Россіи подобныхъ имъ прошли бы года. Министерство почему то не хотѣло ихъ покупать. Въ Думѣ очень волновались и возлагали большія надежды на докладъ у Государя.

Государь сказалъ:

— Да, но какое значеніе имѣетъ покупка для Балтійскаго моря, если намъ надо усилить Черное. Не можемъ же мы перевезти ихъ туда.

— Если нѣмцы будутъ тревожить насъ въ Черномъ, мы будемъ тревожить ихъ съ сѣвера и при дипломатическихъ сношеніяхъ мы

всегда можемъ напомнить имъ, что мы сильнѣе ихъ въ Балтійскомъ морѣ.

— Да, вы правы, — сказалъ Государь, — помните, въ прошломъ году, когда вы мнѣ говорили про Балканскій вопросъ, вѣдь вы были правы. Тогда надо было дѣйствовать рѣшительнѣе, проливы были бы наши теперь.

— Ваше величество, время еще не упущено. Если мы купимъ эти дреднауты, мы будемъ сильнѣе Германіи и тогда строительство наше пойдетъ безъ форсировки, мы улучшимъ старые корабли и къ 1915 г будемъ обладать мощной эскадрой.

Государь, повидимому, заинтересовался, благодарилъ за сообщеніе и выразилъ желаніе непременно купить указанные корабли.

— Только не разрѣшайте обсуждать это морскому министерству, — сказалъ я при прощаніи. — Прикажите, ваше величество, прямо купить ихъ, потому что министерство будетъ противъ.

— Почему?

— Да потому, ваше величество, что отъ этой покупки ничего къ рукамъ не прилипнетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Ваше величество, не мнѣ вамъ объяснять. Вы лучше меня знаете...

— Да, это за ними водилось, я помню. Ну, а какъ же Дума, вѣдь она распушена. Придется эту покупку провести по 87 статьѣ, съ Думой выйдутъ непріятности.

— Ваше величество, я вамъ ручаюсь, что Дума будетъ только аплодировать.

На другой день морской министръ позвонилъ мнѣ по телефону:

— Что вы наговорили во время доклада? Зачѣмъ меня экстренно требуютъ въ Царское?

Я отклонилъ разговоръ по телефону и поѣхалъ къ Григоровичу самъ.

Мы два часа кричали другъ на друга, отстаивая каждый свою точку зрѣнія, не замѣчая даже присутствія матроса, подававшего чай.

Вскорѣ послѣ этого Государь приказалъ созвать особое совѣщаніе изъ министровъ и высшихъ чиновъ морского вѣдомства для обсужденія этой покупки. Совѣщаніе высказалось противъ покупки и дѣло было отложено. Тѣмъ временемъ Турція, субсидируемая Германіей, купила самый сильный дреднаутъ изъ этихъ пяти, тотъ, который какъ разъ подходилъ по типу къ имѣющимся у насъ. Два дреднаута усилиями Германіи были заводами изъяты изъ продажи, а на два послѣдніе заводы повысили цѣну. Въ то время какъ высшіе чины морского вѣдомства противились покупкѣ, рядовые офицеры то и дѣло спрашивали: «Скоро ли состоится покупка?» Нѣкоторые говорили: «Нашъ дѣдъ (морской министръ) дурить. Убѣдите вы его въ Думѣ».

Въ комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ очень волновались результатами этихъ переговоровъ и, когда Григоровичъ туда явился, его встрѣтили во всеоружіи. Я нарочно не пришелъ, чтобы онъ не думалъ, что комиссія дѣйствуетъ подъ давленіемъ председа-

теля, но о ходѣ переговоровъ меня все время извѣщали пристава Думы. Представители всѣхъ партій оказались одного мнѣнія и всѣ доводы Григоровича были разбиты съ цифрами въ рукахъ. Въ особенности же его уничтожило то, что трудовики и социалисты убѣждали въ выгоде этого шага. «Если тратить деньги на военные расходы, — говорили они, — то лучше сэкономить по 10 милліоновъ на каждомъ кораблѣ».

Григоровичу ничего не оставалось болѣе, какъ сказать, что онъ поддержитъ желаніе комиссіи передъ Государемъ. Эти слова его были покрыты бурными аплодисментами. Онъ сдержалъ свое слово. Когда передъ отъѣздомъ на Пасху я былъ снова у Государя, онъ сказалъ:

— Удивительно, морской министръ сперва былъ противъ этой покупки, говорилъ, что могутъ выйти непріятности съ Думой. Теперь, оказывается, что Дума за покупку и онъ самъ поддерживаетъ это мнѣніе.

Григоровичъ же просилъ передать мнѣ:

— Скажите предсѣдателю Думы, что два дреднаута будутъ куплены, и передайте также, что отъ этой покупки морскому министру не будетъ никакой личной выгоды.

Для покупки назначали адмирала Стеценко, на котораго указывала Дума, извѣстнаго своей неподкупной честностью.

Встрѣтивъ меня на свадьбѣ князя Феликса Юсупова, Григоровичъ сказалъ:

— Я надѣюсь, что теперь вы нами довольны.

Общее впечатлѣніе зимой 1913—1914 года было такое, точно высшее петербургское общество вдругъ прозрѣло. Всюду были разговоры о Распутинѣ и всѣхъ онъ волновалъ. То, что въ Думской средѣ говорилось два года назадъ, докатилось и до придворныхъ круговъ. Такіе люди, которые раньше строго молчали обо всемъ, даже извѣстномъ имъ въ Царской семьѣ, изъ чувства ли порядочности или просто уваженія къ своему Государю, говорили теперь, нѣкоторые со страхомъ, другіе съ отвращеніемъ, третьи съ улыбкой объ этомъ чело-вѣкѣ. Привожу здѣсь характерные рассказы о томъ, какимъ неограниченнымъ вліяніемъ пользовался Распутинъ. Однажды Наслѣднику оказалось необходимымъ сдѣлать небольшую операцію. Лейбъ-хирургъ Федоровъ, приготовивъ нужное въ операціонной комнатѣ Зимняго дворца, отправился звать Наслѣдника. Каковъ же былъ его ужасъ когда онъ увидѣлъ, что все приготовленное, тщательно дезинфекцированное имъ (бинты, перевязочный матерьялъ и т. д.) оказалось покрытымъ какой то грязной принадлежностью туалета. На вопросъ къ своему помощнику, что это значитъ, онъ получилъ отвѣтъ, что приходилъ Григорій Ефимовичъ, молился и крестился и покрылъ все приготовленное къ операціи своей одеждой. Федоровъ отправился къ Государю съ жалобой, но Государь отнесся довольно снисходительно.

Въ продолженіе весны вся сессія Думы прошла въ борьбѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Маклаковымъ, который, дѣлая рядъ не-

законныхъ распоряженій, назначилъ недостойныхъ лицъ въ губернаторы, а въ Царскомъ прибрѣталъ все большее вліяніе. По свѣдѣніямъ изъ придворныхъ сферъ онъ тамъ разыгрывалъ роль шута. Разказывалъ веселые анекдоты, передразнивалъ разныхъ лицъ, подражалъ звукамъ животныхъ; передъ великими княжнами изображалъ влюбленную пантеру, вообще, былъ тамъ свой человѣкъ, а въ обществѣ, какъ представитель власти, заслужилъ презрѣніе. Сессія Думы продолжалась очень долго, до самаго лѣта. Работа ея была значительно заторможена продолжавшимся бойкотомъ со стороны правительства.

Въ маѣ мѣсяцѣ члены комиссіи по оборонѣ отправились въ Ревель для осмотра работъ доковъ и укрѣпленій. Это совпало съ приѣздомъ въ Петербургъ англійской эскадры подъ командой адмирала Битти. Въ виду такого совпаденія и неизбѣжности посѣщенія членами Думы англійской эскадры въ Ревель, что носило бы характеръ почетной встрѣчи до приѣзда ихъ въ столицу, я испросилъ докладъ у Государя, чтобы освѣдомиться о его мнѣніи, какъ въ данномъ случаѣ надлежитъ Думѣ поступить.

Государь нашель, что намъ необходимо посѣтить эскадру въ Ревель и далъ свое разрѣшеніе на возможно предупредительныя и любезныя рѣчи. Имѣя Высочайшую санкцію, мы въ довольно большомъ составѣ, причемъ въ наличіи былъ весь президіумъ Думы, отправились на крейсерѣ «Богатырь» подъ конвоемъ миноносца «Генераль Кондратенко» въ Ревель и были встрѣчены салютами русской эскадры и англійской, причемъ адмиралъ Битти на броненосцѣ „Lion“ поднялъ русскій національный флагъ въ честь г. Думы. Немедленно же прибылъ флагъ-капитанъ адмирала съ приглашеніемъ къ завтраку на „Lion“. Я рѣшилъ свою привѣтственную рѣчь сказать по русски и просилъ переводить члена Думы Звегинцева.

Когда я окончилъ рѣчь, адмиралъ Битти обратился къ Звегинцеву съ просьбой быть переводчикомъ его отвѣта. На что, какъ было условлено, Звегинцевъ сказалъ: «Это вовсе не нужно, такъ какъ председатель Думы понимаетъ англійскую рѣчь и ею владѣеть».

На этотъ отвѣтъ адмиралъ Битти и всѣ присутствующіе командиры другихъ судовъ и офицеры протянули: «О, о, о...», затѣмъ дали понять, что они оцѣнили желаніе председателя Думы говорить англичанамъ, на языкѣ своей страны. Потомъ самые офицеры, показывая членамъ Думы свой великолѣпный корабль, говорили, что въ виду неизбѣжнаго союза съ Россіей пора англичанамъ изучать русскій языкъ.

Послѣ торжествъ на англійскихъ судахъ и осмотра ревельскихъ укрѣпленій, члены Думы предприняли поѣздку по шхерамъ съ заходомъ въ портъ Ганге, а англійская эскадра направилась въ Петербургъ.

Присутствіе въ Ревель цѣлой депутаціи отъ Г. Думы съ председателемъ произвело на англичанъ большое впечатлѣніе. Они поняли это какъ особую любезность по отношенію къ нимъ. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. Въ Германіи же это произвело переполохъ. Ее обезпокоилъ визитъ англичанъ, а тѣмъ болѣе присутствіе въ Ревель

народныхъ представителей. Можетъ быть это, а также прїѣздомъ французовъ, ускорили объявленіе войны. Говорятъ, Вильгельмъ скалъ: „Jetzt oder niemals“ *).

4 іюня 1914 года газеты принесли извѣстіе, что Распутинъ убитъ. Какая то уродливая безногая женщина подошла къ нему въ селѣ Покровскомъ Тобольской губерніи и «пырнула» ножемъ въ животъ. Распутинъ послалъ въ Царское телеграмму: «Кака то стерва пырнула меня въ животъ ножемъ». Это сдѣлала бывшая его поклонница. Она заявила, что хотѣла его убить за то, что онъ обманывалъ всѣхъ, за то, что онъ ложный пророкъ, что задумала это она сама и сообщниковъ не имѣетъ. Въ газетахъ писали, что благословилъ ее на это дѣло Іліодоръ, но она отрицала. Истеричная женщина на допросѣ то плакала, то была очень возбуждена. Газеты обрадовались случаю и опять начали писать о похожденияхъ Распутина; вспоминали все старое, забытое. Писали, что выѣхалъ лейбъ-хирургъ Федоровъ, что поѣхали изъ Петербурга поклонницы, въ томъ числѣ и Вырубова, что у Распутина началась агонія. Однако, ликованіе оказалось преждевременнымъ. Слѣдующія извѣстія были, что Распутинъ твердитъ: «Выживу, выживу». Ему дѣйствительно становилось лучше и писать о немъ прекратили.

Въ результатѣ онъ, все-таки, выжилъ.

Вниманіе было отвлечено прїѣздомъ къ намъ гостей дружественныхъ державъ, моряковъ — англичанъ и французовъ. Ихъ широко и гостепріимно принимали въ Петербургѣ и пока офицеровъ и матросовъ кормили обѣдами — дипломаты сговаривались и тройственное согласіе превратилось, повидимому, въ союзъ.

На возвратномъ пути изъ Ревеля группа членовъ Думы заѣхала по настоянію адмирала Эссена въ Ганге, портъ Финляндіи противъ Ревеля. Тамъ была устроена великолѣпно оборудованная гавань на случай большого десанта для нѣмцевъ. Финляндцы объяснили это, какъ сооруженіе для торговыхъ судовъ, и говорили, что истратили десять милліоновъ марокъ. Однако, при осмотрѣ становилось очевиднымъ, что все это было сооружено для десанта. Окружающіе же эту гавань выступы берега, на которыхъ еще Петръ Великій опредѣлилъ устроить форты, оставались не укрѣпленными.

Эссенъ просилъ объ этомъ доложить Государю, что я и сдѣлалъ въ своемъ докладѣ по окончаніи сессіи. Государь ничего объ этомъ не зналъ. Эссенъ говорилъ, что онъ во всякомъ случаѣ, если будетъ война, взорветъ всѣ эти сооруженія. Въ первый же день объявленія войны онъ это и сдѣлалъ.

VIII

Объявленіе войны. Непорядки въ Красномъ Крестѣ. На варшаво-вѣнскомъ вокзалѣ. Роль ген. Рененкампа. Сапоги для арміи и министръ Н. А. Маклаковъ. Государь во Львовѣ.

Австрійскій престолонаслѣдникъ, глава военной партіи, угнетатель славянъ въ Босніи и Герцоговинѣ, былъ убитъ 15 іюня въ Сараевѣ патриотомъ славяниномъ. Съ нимъ вмѣстѣ погибла и его жена. Ав-

*) Теперь или никогда.

стрія обвинила въ томъ сербское правительство. Послѣ ноть и ультиматумовъ вспыхнула война. Австрійцы перешли Дунай. Сербы покинули Бѣлградъ и отступили вглубь страны.

Послѣдніе дни передъ войной застали меня въ Наугеймѣ, гдѣ я лѣчилъся.

Вернувшись изъ заграницы, я узналъ, что наканунѣ нѣсколько разъ звонилъ по телефону военный министръ Сухомлиновъ и, осведомившись, что меня ожидаютъ въ Петербургѣ съ часа на часъ, просилъ немедленно ему позвонить, когда я приѣду. Я вызвалъ къ телефону военного министра. Генералъ Сухомлиновъ заявилъ, что ему необходимо видѣть меня немедленно, не взирая ни на какія обстоятельства, самъ же онъ приѣхать не можетъ, въ виду массы дѣла. Я тотчасъ же отправился и вотъ какой произошелъ разговоръ:

— Я вызвалъ васъ къ себѣ, — сказалъ Сухомлиновъ, — потому что нахожусь въ безвыходномъ положеніи. Представьте себѣ, ужасъ какой. Государь Императоръ внезапно заколебался и приказалъ приостановить мобилизацію военныхъ округовъ, назначенныхъ для дѣйствій противъ австрійцевъ. Чѣмъ объяснить такое рѣшеніе — я положительно не знаю. Въ случаѣ настойчиваго его повелѣнія положеніе можетъ стать катастрофическимъ. Всѣ карточки и мобилизаціонныя распоряженія уже разосланы на мѣста. Вернуть ихъ не представляется возможнымъ и всякая задержка въ дѣлѣ будетъ гибельна. Что дѣлать? Посовѣтуйте...

— Я долженъ вамъ доложить, — отвѣтилъ я министру, — что объявленіе намъ войны Германіей совершенно неизбежно и, если произойдетъ малѣйшее замедленіе, то германцы перейдутъ границу безъ сопротивленія. Проѣзжая черезъ Вержболово, я уже видѣлъ по всей границѣ кордонъ германекой кавалеріи, одѣтый въ защитный цвѣтъ и вполнѣ готовый къ военнымъ дѣйствіямъ. Все это вы безотлагательно должны довести до свѣдѣнія Государя.

— А я, наоборотъ, требую, чтобы вы, Михаилъ Владиміровичъ, немедленно испросили аудіенцію въ Петергофѣ и лично доложили объ этихъ обстоятельствахъ его Величеству.

— Я съ радостью готовъ это исполнить, но время не терпитъ, минуты терять нельзя, между тѣмъ процедура испрошенія доклада длительная. Надо ѣхать вамъ и немедленно.

— Но я уже нѣсколько разъ и по телефону, и лично объ этомъ говорилъ. Ясно, что онъ мнѣ не довѣряетъ. Я положительно теряюсь, что дѣлать?

Я посовѣтовалъ немедленно ѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову. Мы застали его собирающимся въ Петергофѣ. Повидимому, онъ ничего не зналъ о новыхъ настроеніяхъ Царя. Мы узнали Сазонова съ обстоятельствами дѣла. Приэтомъ я просилъ официально Сазонова передать Императору, что я, какъ глава народнаго представительства, категорически заявляю, что народъ русскій никогда не проститъ проволочку времени, которая вовлечетъ страну въ роковыя осложненія. Повидимому, докладъ министра иностранныхъ дѣлъ, подкрѣпленный вѣскими документами военного министра и предсѣдателя Думы, произвелъ надлежащее дѣйствіе и Государь Им-

ператоръ отказался отъ своихъ настроеній, преодолѣлъ ихъ и мобилизація не была остановлена и продолжала протекать въ нормальномъ порядкѣ.

Характерно здѣсь отмѣтить, что слухъ о пріостановкѣ мобилизаціи произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе среди войскъ петербургскаго гарнизона. Цѣлый рядъ офицеровъ посѣщали меня, требуя рѣшительнаго отвѣта: будетъ ли отсрочка мобилизаціи или нѣтъ, причемъ настроеніе ихъ къ верхамъ власти было далеко недружелюбное и отказъ отъ мобилизаціи несомнѣнно грозилъ бы довольно опасными осложненіями.

Въ Петербургѣ происходили непрерывныя манифестаціи. Обычно онѣ направлялись къ сербскому посольству, помѣщающемуся на Фурштатской улицѣ, противъ моей квартиры. Толпа ежедневно подходила и къ моему подъѣзду и требовала, чтобы я выходилъ. Я выходилъ на балконъ, а разъ вечеромъ, когда требованія были очень настойчивыми, пришлось сойти внизъ на улицу къ толпѣ съ нѣкоторыми бывшими у меня въ то время членами Думы. Меня просили встать на свободный автомобиль и сказать рѣчь.

Въ день манифеста о войнѣ съ Германіей огромная толпа собралась передъ Зимнимъ дворцомъ. Послѣ молебна о дарованіи побѣды Государь обратился съ нѣсколькими словами, которыя закончилъ торжественнымъ обѣщаніемъ, не кончатъ войны, пока хоть одна пядь русской земли будетъ занята непріателемъ. Громовое «ура» наполнило дворецъ и прокатилось отвѣтнымъ эхомъ въ толпѣ на площади. Послѣ молебствія Государь вышелъ на балконъ къ народу, за нимъ Императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающія къ ней улицы и когда она увидѣла Государя, ее словно пронизала электрическая искра и громовое «ура» огласило воздухъ. Флаги, плакаты съ надписями: «Да здравствуетъ Россія и славянство» склонились до земли и вся толпа, какъ одинъ человекъ, упала передъ Царемъ на колѣни. Государь хотѣлъ что то сказать, онъ поднялъ руку, передніе ряды зашикали, но шумъ толпы, несмолкавшее «ура», не дали ему говорить. Онъ опустилъ голову и стоялъ нѣкоторое время, охваченный торжественностью минуты единенія Царя со своимъ народомъ, потомъ повернулся и ушелъ въ покои.

Выйдя изъ дворца на площадь, мы смѣшались съ толпой. Шли рабочіе. Я остановилъ ихъ и спросилъ, какимъ образомъ они очутились здѣсь, когда незадолго передъ тѣмъ бастовали и чуть ли не съ оружіемъ въ рукахъ предъявляли экономическія и политическія требованія. Рабочіе отвѣтили: «То было наше семейное дѣло. Мы находили, что черезъ Думу реформы идутъ слишкомъ медленно. Но теперь дѣло касается всей Россіи. Мы пришли къ своему Царю какъ къ нашему знамени и мы пойдѣмъ съ нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

* * *

26 іюля 1914 года были созваны Г. Дума и Г. Совѣтъ. Передъ занятіями Государь принялъ ихъ въ Зимнемъ дворцѣ. Поѣхали всѣ, даже трудовики. Патріотическое чувство охватило всѣхъ и заставило

забыть партіи. Въ Николаевскомъ залѣ собрались всѣ министры и высшіе чины Двора, весь Г. Совѣтъ и Г. Дума.

Государь вошелъ съ главнокомандующимъ Великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и обратился со слѣдующими словами:

— Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ и Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ любви къ Родинѣ и преданности престолу, который какъ ураганъ пронесся по всей землѣ нашей, служить въ моихъ глазахъ, и думаю, и въ вашихъ — ручательствомъ въ томъ, что наша великая Матушка Россія доведетъ ниспосланную Богомъ войну до желаннаго конца. Въ этомъ же единомысленномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ братьевъ-славянъ. И въ нынѣшнюю минуту я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ такъ же крѣпко и неразрывно со всей Россіей. Увѣренъ, что вы всѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, поможете мнѣ перенести ниспосланные испытанія и что всѣ, начиная съ меня, исполнятъ свой долгъ до конца. Великъ Богъ земли Русской».

«Ура» пронеслось по залу.

Затѣмъ сказалъ рѣчь исполняющій обязанность предсѣдателя Г. Совѣта Голубевъ (Акимовъ былъ боленъ и вскорѣ умеръ). Послѣ него рѣчь говорилъ я:

— Ваше императорское величество, съ глубокимъ чувствомъ и гордостью вся Россія внимала словамъ русскаго Царя, призывающаго свой народъ къ полному съ нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ отечеству испытаній. Государь, Россія знаетъ, что воля и мысли ваши всегда были направлены къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда и что любвеобильное сердце ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой вамъ жизни вашихъ подданныхъ. Но пробилъ грозный часъ. Отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся историческихъ событій. Объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, — а честь народная намъ дороже жизни. Пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимою стѣной своего вѣнценоснаго вождя съ твердой вѣрой въ Небесный Промыселъ. Государь, настала пора грозной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность русской земли и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній, ни колебаній. Призванное къ государственной жизни по волѣ вашей народное представительство нынѣ предстало передъ вами. Г. Дума, отражающая въ себѣ единомысленный порывъ всѣхъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать вамъ, Государь, что народъ вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу отечества. Безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій Г. Дума отъ лица русской земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: «Держайте, Государь, русскій народъ»

съ вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено».

У Государя были слезы на глазахъ. Онъ отвѣтилъ:

— Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами патриотическія чувства, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ. Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха. Съ нами Богъ.

Государь перекрестился, за нимъ всѣ присутствующіе и запѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Подъемъ былъ необычайный. Великій князь Николай Николаевичъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ:

— Ну, Родзянко, теперь я тебѣ другъ по гробъ. Все для Думы сдѣлаю. Скажи, что надо.

Я воспользовался этимъ и попросилъ возобновить газету «Рѣчь», которую великій князь распорядился закрыть за антипатриотическія статьи противъ Сербіи.

— Милуковъ наглупилъ, — сказалъ я, — и самъ не радъ. Возьмите съ него слово и онъ измѣнитъ направленіе: А газеты теперь намъ такъ будутъ нужны.

На другой день «Рѣчь» была открыта и органъ Милукова во время войны поддерживалъ національное направленіе.

Послѣ приѣма во дворцѣ депутаты отправились въ Таврической дворецъ. Тамъ былъ сперва молебенъ, затѣмъ засѣданіе, на которомъ присутствовали всѣ министры и дипломаты дружественныхъ державъ. Хоры были набиты публикой*).

Послѣ предсѣдателя Думы говорилъ предсѣдатель Совѣта мини-

*) Рѣчь предсѣдателя Г. Думы: Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Г. Думу во имя единенія русскаго Царя съ вѣрнымъ ему народомъ. Г. Дума отвѣтила своему Государю на его призывъ на сегодняшнемъ высочайшемъ приѣмѣ. Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства. Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій, отрадно видѣть то величіе и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величавую силу русскаго духа. Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: „Руки прочь. Не дерзайте касаться нашей Святой Руси“. Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять. „Смотрите, — можемъ мы сказать, — вы думали, что насъ раздѣляютъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народы, населяющіе Россію, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда.

И не повѣситъ головы въ уныніи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему нереживать. Все вынесутъ его могучія плечи и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая, нераздѣльная Родина во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія. Г. г. члены Г. Думы! Въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идетъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный флотъ. Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья съ присущей имъ доблестью защищаютъ наше отечественное величіе. Помогите имъ Всевышній Господь, укрѣпите ихъ и защитите, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними нашими героями. Мы, оставшіеся дома, должны работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей и пусть въ арміи нашей знаютъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до нужды“.

стровъ Горемыкинъ, потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ. Ему устроили овацію, видимо сильно его взволновавшую. Онъ долго не могъ начать свою великолѣпную рѣчь. Говорять, ее написалъ князь Г. Н. Трубецкой.

Сазоновъ закончилъ рѣчь со слезами въ голосъ и опять его бурно привѣтствовала вся Дума, вставъ со своихъ мѣстъ.

За нимъ министръ финансовъ Баркъ доложилъ Думѣ о блестящемъ состояніи финансовъ. Хранившіеся въ Берлинѣ деньги были во время вывезены. Это заявленіе было встрѣчено большимъ одобреніемъ.

Послѣ министровъ говорили депутаты всѣхъ партій и національностей. Всѣ слились въ одномъ крикѣ: постоять за цѣлость и достоинство родины. Особенно сильна была рѣчь латыша, который заявилъ: «Непріятель въ каждой нашей хижинѣ найдетъ своего злѣйшаго врага, которому онъ можетъ отрубить голову, но и отъ умирающаго онъ услышитъ: «Да здравствуетъ Россія».

Въ день выступленія Преображенскаго полка у Преображенскаго Собора на площади днемъ былъ молебень для всего войска. Картина была величественная. Въ соборѣ не хватало мѣстъ и полкъ былъ выстроенъ на площади въ видѣ карре. Преображенцы выглядѣли молодцами. Когда полкъ проходилъ въ казармы, толпа передъ нимъ снимала шапки. На проводахъ на вокзалѣ каждый вагонъ встрѣчали криками «ура». Съ такимъ же подъемомъ провожали и другія части.

Послѣ историческаго засѣданія 26 іюля Дума была распущена.

Послѣ первыхъ боевъ начали приходить извѣстія съ фронта о возмутительной постановкѣ санитарнаго дѣла по доставкѣ раненыхъ съ фронта. Неразбериха была полная. Въ Москву приходили товарные поѣзда, гдѣ лежали раненые безъ соломы, часто безъ одежды, плохо перевязанные, не кормленные нѣсколько дней. Въ то же время изъ отрядовъ Елизаветинской общины моя жена, попечительница ея, получила извѣстія, что такіе поѣзда проходятъ мимо ихъ отряда и даже стоятъ на станціяхъ, а сестеръ въ вагоны не пускаютъ и стоятъ онѣ безъ дѣла не развернувшись. Между военнымъ вѣдомствомъ и вѣдомствомъ Краснаго Креста было соревнованіе. Каждое вѣдомство дѣйствовало самостоятельно и не было согласованности.

Всего хуже была подача первой помощи у военнаго вѣдомства: не было ни повозокъ, ни лошадей, ни перевязочныхъ средствъ, а между тѣмъ другія организациі впередъ не пускались. Не было другого выхода, какъ довести все это до свѣдѣнія в. к. Николая Николаевича. Я отправилъ ему письмо, въ которомъ указывалъ на слѣдующее: всеобщій патріотическій подъемъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ добровольныхъ санитарныхъ организаций. Но эти добровольныя организациі становятся какъ бы на дорогѣ пресловутымъ начинаніямъ военно-санитарнаго вѣдомства съ г. Евдокимовымъ во главѣ. Чувствуя, что добровольныя организациі значительнo выше по своимъ качествамъ, но не желая въ этомъ сознаться, онъ принимаетъ давно излюбленный приѣмъ проволочекъ, задержекъ и тормазовъ. Между тѣмъ

раненые ждать не могутъ, ихъ надо перевязывать и лѣчить, надо снабжать наступающія въ боевой линіи части войскъ летучими отрядами и перевязочными средствами. Терять времени невозможно. Такъ какъ соглашенія между военно-санитарнымъ вѣдомствомъ и добровольческими организаціями быть не можетъ, то необходимо возглавить всю санитарную часть арміи и тыла однимъ лицомъ съ диктаторскими правами, которому и поручить привести дѣло въ надлежащій порядокъ.

Одновременно я поѣхалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ на Елагинъ островъ и рассказалъ ей, какъ обстоитъ дѣло. Она пришла въ ужасъ.

— Скажите мнѣ, что же нужно сдѣлать? — спросила Императрица.

Я посоветовалъ послать телеграмму Николаю Николаевичу съ просьбой заставить начальника военно-санитарной части Евдокимова упорядочить дѣло и приказать ему допускать къ дѣлу организаціи Краснаго Креста, которыя онъ систематически отстранялъ отъ работы на фронтѣ. Императрица тотчасъ попросила отъ нея имени написать телеграмму. Въ результатѣ предпринятыхъ шаговъ была получена отъ в. к. Николая Николаевича телеграмма, а затѣмъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что вполне согласенъ съ предсѣдателемъ Думы и что приметъ мѣры. Вскорѣ послѣ этого Евдокимовъ былъ вызванъ въ Ставку, а затѣмъ верховнымъ начальникомъ санитарно-эвакуаціонной части былъ назначенъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ диктаторскими правами.

В. к. Николай Николаевичъ писалъ мнѣ, что на удаленіи Евдокимова онъ давно настаивалъ, но его не удалили, потому что онъ пользовался расположеніемъ Сухомлинова и Императрицы Александры Феодоровны, которые убѣдили Государя оставить его на мѣстѣ. Говорили, что Императрица Александра Феодоровна настаивала на этомъ только потому, что желала сдѣлать наперекоръ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Когда послѣ открытія военныхъ дѣйствій выяснилось, что молодая Императрица не у дѣль, былъ созванъ верховный совѣтъ исключительно въ тѣхъ видахъ, чтобы Александръ Феодоровнѣ дать видное положеніе въ общихъ работахъ для войны. Составъ совѣта получился чрезвычайно громоздкій. Предсѣдателемъ была Императрица, но предсѣдательствующій въ засѣданіяхъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ и поэтому въ веденіи дѣла получалась ни съ чѣмъ несообразная двойственность. Горемыкинъ старался угадать желаніе Императрицы, а Императрица въ сущности не знала, что ей надо дѣлать. Главный источникъ дѣятельности совѣта — денежные средства, какъ бы висѣли въ воздухѣ, потому что законныхъ ассигновокъ не имѣлось и средства должны были назначаться изъ военнаго фонда, который въ свою очередь находился въ распоряженіи совѣта министровъ.

Участники совѣта съ первыхъ же засѣданій поняли, что обсужденіе вопросовъ будетъ носить чисто платоническій характеръ и разрѣшеніе ихъ будетъ зависѣть въ концѣ концовъ отъ какихъ то другихъ

учрежденій при полной неясности и неизвѣстности какъ къ этимъ вопросамъ учрежденія будутъ относиться. Поэтому засѣданія носили чисто формальный характеръ, всѣхъ тяготили, а присутствіе Императрицы производило леденящее впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Варшаву въ ноябрѣ 1914 года приѣхалъ ко мнѣ уполномоченный земскаго союза Вырубовъ и предложилъ посѣтить варшаво-вѣнскій вокзалъ, гдѣ находилось около восемнадцати тысячъ раненыхъ въ бояхъ подъ Лодзью и Березинами. На вокзалѣ мы застали потрясающую картину: на перронахъ въ грязи, слякоти и холодѣ подъ дождемъ лежало на полу, даже безъ соломы, невѣроятное количество раненыхъ, которые оглашали воздухъ раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради Бога, прикажите перевязать насъ, мы пятый день не перевязаны». Надобно при этомъ сказать, что послѣ кровопролитныхъ боевъ эти раненые были привезены въ полномъ безпорядкѣ въ товарныхъ вагонахъ и брошены на варшаво-вѣнскомъ вокзалѣ безъ помощи. Единственныя медицинскія силы, которыя обслуживали этихъ несчастныхъ, были варшавскіе врачи, подкрѣпленные добровольными сестрами милосердія. Это былъ отрядъ польскаго общества въ составѣ около пятнадцати человѣкъ. Нельзя не отозваться съ восторгомъ о самоотверженной дѣятельности этихъ истинныхъ друзей человѣка. Я не помню ихъ фамилій, но отъ души желалъ бы, чтобы моя сердечная благодарность русскаго человѣка достигла до нихъ, какъ доказательство сердечнаго къ нимъ уваженія и восхищенія. Въ моментъ моего приѣзда на вокзалъ эти почтенные люди работали третьи сутки подрядъ безъ перерыва и отдыха. Глубоко возмущенный такимъ положеніемъ раненыхъ воиновъ, я немедленно вызвалъ по телеофну начальника санитарной части Данилова и уполномоченнаго по Красному Кресту генерала Волкова. Когда эти лица явились, то мы съ ними и Вырубовымъ стали обсуждать, какъ выйти изъ такого трагическаго и ужасающаго положенія. Генералъ Даниловъ, какъ и генералъ Волковъ, заявили категорически, что у нихъ никакихъ медицинскихъ силъ нѣтъ, а между тѣмъ при посѣщеніи мною одного лазарета Кр. Креста я видѣлъ совершенно свободныхъ отъ дѣла шесть врачей и около тридцати сестеръ милосердія. На мое указаніе, что они должны быть немедленно обращены въ дѣло, генералъ Даниловъ категорически заявилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ этотъ персоналъ предназначенъ для обслуживания формирующихся санитарныхъ поѣздовъ. И это говорилось, когда на перронѣ лежало около восемнадцати тысячъ страдальцевъ. Я потребовалъ отъ генерала Данилова, чтобы онъ немедленно озаботился формированіемъ поѣздовъ теплушекъ для эвакуаціи раненыхъ съ вокзала. Даниловъ заявилъ, что онъ сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ по распоряженію верховнаго начальника санитарной части раненые должны слѣдовать внутрь страны не иначе, какъ въ санитарныхъ поѣздахъ, которыхъ у него имѣется около восьми. Возмущенный такимъ бездушнымъ отношеніемъ къ участи измученныхъ людей, я пригрозилъ, что буду телеграфировать принцу Ольденбургскому о творя-

цемся безобразіи и буду требовать, чтобы начальствующія лица были преданы суду и отрѣшены отъ должности за преступное бездѣйствіе. Страхъ передъ принцемъ былъ такъ великъ, что угроза моя подѣйствовала и они энергично принялись за дѣло. Нашлись свободные врачи и сестры и въ теченіе 2—3 дней всѣ раненые были перевязаны и вывезены въ тылъ.

Вотъ какіе порядки царили въ военно-санитарномъ вѣдомствѣ во время боевыхъ дѣйствій.

Въ Варшавѣ я побывалъ у генерала Рузскаго. Главнокомандующій производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Удивительно скромный, почти застѣнчивый. Я въ разговорѣ назвалъ его народнымъ героемъ и сказалъ, что счелъ долгомъ явиться къ нему по пріѣздѣ въ Варшаву. Онъ страшно смутился, замахалъ руками: «Да что вы... причемъ тутъ я».

Изъ Варшавы я испросилъ у в. к. Николая Николаевича разрѣшенія пріѣхать въ Ставку. Мнѣ хотѣлось довести до свѣдѣнія Главнокомандующаго то, что я видѣлъ и слышалъ въ Варшавѣ. Генералъ Рузскій жаловался въ разговорѣ на недостатокъ въ снарядахъ и дурное обмундированіе; особенно плохо обстояло дѣло съ сапогами. На Карпатахъ солдаты сражались босикомъ и уполномоченный земскаго союза просилъ объ этомъ похлопотать. Рузскій говорилъ, что отсутствіе снарядовъ создаетъ чрезвычайно тяжелое положеніе: чтобы удержаться, приходится искусно маневрировать.

Госпитали и лазареты Кр. Креста, которые пришлось видѣть, оказались на высотѣ. Скверно было только въ военныхъ госпиталяхъ: тамъ постановка была небрежной, чувствовался недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ, а главное — не было согласованности между вѣдомствами. Чтобы дойти на фронтъ отъ военныхъ госпиталей до госпиталей Кр. Креста, иногда приходилось тащиться пѣшкомъ десять и больше верстъ, негдѣ было даже нанять телѣги, такъ какъ жители либо бѣжали, либо были разорены.

Принялъ великій князь меня любезно, сказалъ, что онъ долженъ ѣхать въ Брестъ на совѣтъ командующихъ арміями и предложилъ проѣхать туда съ нимъ. Мое предложеніе о приспособленіи арбъ, наложенныхъ сѣномъ, для перевозки раненыхъ встрѣтило полное сочувствіе и черезъ нѣсколько дней въ нашей губерніи уже шла реквизиція и арбы, и лошади поѣхали на фронтъ.

Вообще, великій князь очень охотно выслушивалъ все, что я говорилъ ему, а въ заключеніе просилъ пріѣзжать почаще и обо всемъ его освѣдомлять. Когда зашла рѣчь о Распутинѣ, я передалъ ему петроградскіе слухи. Говорили, что Распутинъ хотѣлъ пріѣхать въ Ставку и запросилъ телеграммой и будто-бы Николай Николаевичъ отвѣтилъ: «Пріѣзжай — повѣшу». На вопросъ, правда ли это, великій князь засмѣялся и сказалъ:

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

По его отвѣту было ясно, что что-то въ этомъ родѣ имѣло мѣсто.

Великій князь жаловался на пагубное вліяніе Императрицы Александры Феодоровны. Онъ откровенно говорилъ, что она всему очень мѣшаетъ. Въ Ставкѣ Государь бываетъ со всѣмъ согласенъ, а прі-

ѣхавъ къ ней, мѣняетъ свое рѣшеніе. Онъ сознавалъ, что Императрица его ненавидитъ и опредѣленно желаетъ его удаленія. Онъ говорилъ о Сухомлиновѣ, которому онъ не довѣряетъ и который старается вліять на рѣшеніе Государя. Великій князь сказалъ, что его вынуждаетъ къ временной остановкѣ военныхъ дѣйствій отсутствіе снарядовъ, а также недостача сапогъ для арміи.

— Вотъ вы имѣете вліяніе, — замѣтилъ великій князь, — вамъ довѣряютъ. Устройте мнѣ, какъ можно скорѣе, поставку сапогъ для арміи.

Я отвѣтилъ, что это можно устроить, если привлечь къ работѣ земства и общественныя организаціи. Въ особенности въ данномъ вопросѣ могутъ помочь губернскія земства. Матерьяла въ Россіи много, рабочихъ рукъ также, но въ одной губерніи кожи, а въ другой дратва, подметки, гвозди, а еще въ какой нибудь — дешевыя рабочія руки, кустари сапожники. Лучше всего было бы созвать съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и съ ихъ помощью наладить дѣло. Великій князь отнесся къ этому очень сочувственно.

Вернувшись въ Петроградъ, я былъ въ организаціонномъ комитетѣ Думы и спрашивалъ членовъ Думы, какъ по ихъ мнѣнію лучше наладить доставку сапогъ. Обсудивъ, рѣшили циркулярно запросить предсѣдателей управъ и городскихъ головъ. Это было скоро сдѣлано и сразу посыпались благопріятныя отвѣты. Такъ какъ возможно было ожидать противодѣйствія со стороны правительства къ созыву такого съѣзда, то я рѣшилъ объѣхать и поговорить съ нѣкоторыми министрами въ отдѣльности. Кривошеинъ, Сухомлиновъ и Горемыкинъ отнеслись къ идеѣ съѣзда сочувственно и обѣщали поддержать мое предложеніе въ совѣтѣ министровъ. Свиданіе же съ министромъ Маклаковымъ вышло весьма оригинальнымъ. На мое заявленіе, что главнокомандующій поручилъ спѣшно заняться поставкой сапогъ для арміи при посредствѣ земствъ и созвать для этого въ Петроградѣ предсѣдателей городскихъ и земскихъ управъ, Маклаковъ сказалъ:

— Да, да, то, что вы говорите, вполнѣ совпадаетъ съ имѣющимися агентурными свѣденіями.

— Съ какими свѣдѣніями?

— По моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ подъ видомъ съѣзда для нуждъ армій будутъ обсуждать политическое положеніе въ странѣ и требовать конституцію...

Это заявленіе министра было до того неожиданно и нелѣпо, что я даже привскочилъ въ креслѣ и рѣзко ему отвѣтилъ:

-- Вы съ ума сошли... Какое право вы имѣете такъ оскорблять меня. Чтобы я, предсѣдатель Г. Думы, прикрываясь въ такое время нуждами войны, сталъ созывать съѣздъ для поддержки какихъ то революціонныхъ проявленій. Кромѣ того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституція у насъ уже есть...

Маклаковъ, видимо, опѣшилъ и сталъ сглаживать:

— Вы, Михайлъ Владиміровичъ, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всякомъ случаѣ безъ совѣта министровъ я не могу дать разрѣшенія на такой съѣздъ и внесу этотъ вопросъ на ближайшее засѣданіе.

Я сообщилъ Маклакову, что нѣкоторые изъ министровъ обѣщали поддержать мое ходатайство и ушелъ отъ него возмущенный и разстроенный

О сѣздѣ были уже разговоры съ членами Думы и неофициально многіе изъ предсѣдателей управъ были уже извѣщены о желаніи главнокомандующаго привлечь земства къ работѣ на армію. Многіе тотчасъ же откликнулись. Прислали нужныя свѣденія, а нѣкоторые, не дожидаясь приглашенія, сами пріѣхали въ Петроградъ. Затѣмъ стали поступать отвѣты изъ земствъ, что заказы уже даны кустарямъ и мастерскимъ, скупаются кожи и что работа идетъ во всю. Одно изъ земствъ въ виду недостатка дубильныхъ веществъ послало своего человека въ Аргентину. Даже нѣкоторые изъ губернаторовъ и тѣ откликнулись и писали, что вполне сочувствуютъ привлеченію земствъ къ военнымъ поставкамъ. Министръ Маклаковъ и тутъ постарался мѣшать, какъ могъ. Онъ распорядился, чтобы заказы шли черезъ губернаторовъ, что возмутило общественные круги и затормозило дѣло. Въ то же время Маклаковъ издалъ знаменитый приказъ, въ которомъ запрещалось вывозить продукты изъ одной губерніи въ другую. Это уже совершенно стѣсняло и нарушало планъ использованія продуктовъ и возможностей различныхъ губерній. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Маклакова, въ которомъ предсѣдатель Думы извѣщался, что его предложеніе о созывѣ сѣзда совѣтомъ министровъ отклонено и что дѣло поставки сапогъ передано главному интенданту Шуваеву, который и долженъ входить въ сношенія съ земствами и городами. На другой же день является Шуваевъ и откровенно заявляетъ, что онъ не можетъ этимъ заняться, что никогда съ земствами дѣла не велъ и что, по его мнѣнію, земства не отнесутся съ достаточнымъ довѣріемъ къ интендантству и не станутъ съ нимъ непосредственно работать. Шуваевъ просилъ какъ нибудь помочь ему. Я откровенно ему отвѣтилъ, что разъ совѣтъ министровъ находитъ, что мнѣ нельзя поручать этого дѣла, мнѣ остается вовсе отъ него отказаться.

Вскорѣ послѣ этого у меня былъ Горемыкинъ для обсужденія вопросовъ о созывѣ Думы. Я напомнилъ ему въ разговорѣ о его обѣщаніи поддержать предложеніе о земскомъ сѣздѣ.

Какой сѣздъ? — удивился Горемыкинъ, — ничего такого мы вовсе не обсуждали въ совѣтѣ...

Я показалъ Горемыкину письмо Маклакова. Онъ прочелъ съ большимъ изумленіемъ и опять повторилъ, что вопросъ въ совѣтѣ министровъ вовсе не обсуждался, а про Маклакова онъ замѣтилъ: „Il a menti comme toujours“ *).

Несмотря на противодѣйствія правительства—земства продолжали работать. Шуваевъ получалъ готовые партіи сапогъ, а къ распоряженіямъ Маклакова относились съ презрѣніемъ и возмущеніемъ. Особенно раздражало всѣхъ запрещеніе вывозить изъ губерніи въ губернію. Благодаря этой мѣрѣ въ однихъ мѣстахъ получался избытокъ продуктовъ, а въ другомъ недостатокъ, а случалось и такъ, что помѣщики,

*) Оно солгалъ, какъ всегда.

имѣвшіе имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, не могли перевозить для по-сѣвовъ собственное зерно.

Когда я докладывалъ объ этихъ обстоятельствахъ Государю, онъ выслушалъ, но повидимому не обратилъ особаго вниманія. Я спросилъ Государя, какъ онъ смотритъ на мои посѣщенія Ставки, не находитъ ли онъ ихъ неумѣстными. Государь сказалъ, что онъ знаетъ, что великій князь очень цѣнитъ меня и что онъ лично будетъ радъ, если я буду чаще ѣздить въ Ставку. На этотъ разъ Государь былъ очень любезенъ. Я просилъ ускорить созывъ Думы и рассказалъ Государю содержаніе письма Маклакова и о его неосновательныхъ подозрѣніяхъ противъ земствъ.

Дума была созвана для обсужденія бюджета, но первое же засѣданіе вылилось въ историческую манифестацію, какъ и въ первые дни войны. Не приняли участія въ манифестаціи только крайніе лѣвые и странное молчаніе хранили прибалтійскіе и другіе думскіе нѣмцы. Незадолго до созыва Думы было арестовано нѣсколько социаль-демократовъ, въ томъ числѣ четыре члена Думы. Было обнаружено, что они пропагандировали противъ войны и даже найдены были документы, доказывающіе, что одинъ изъ нихъ открыто писалъ, что для Россіи было бы благомъ, если бы побѣдила Германія. Социаль-демократическая фракція собиралась по этому поводу внести запросъ правительству. Если бы они это сдѣлали, цѣльность засѣданія была бы нарушена и, вообще, это произвело бы нехорошее впечатлѣніе. Для запроса требовалось не менѣе тридцати подписей, а у лѣвыхъ такого количества депутатовъ не было и внесеніе запроса зависѣло отъ того, дадутъ ли подписи кадеты, какъ это они дѣлали во многихъ другихъ случаяхъ. Однако, кадеты подписей не дали и все обошлось благополучно. Милюковъ произнесъ прекрасную патріотическую рѣчь, упомянувъ о только что убитомъ на войнѣ членѣ ихъ партіи Колюбакинѣ, и сказалъ это такъ тепло, что память погибшаго Колюбакина почтила вставаніемъ не только вся Дума, но и члены правительства.

Послѣ предсѣдателя Думы говорили Горемыкинъ и Сазоновъ. Оба они указывали на то, что чаяніе побѣды переходитъ въ увѣренность, что мы прочно завоевали Галицію и убѣдились на дѣлѣ, что въ боевомъ отношеніи хорошо подготовлены къ войнѣ. Горемыкинъ упомянулъ, что жизнь выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ внутренняго характера, которыми придется заняться, однако, только послѣ войны. Военный министръ Сухомлиновъ заявилъ, что армія обезпечена боевымъ снаряженіемъ и что къ марту мѣсяцу снарядовъ и ружей будетъ въ избыткѣ. Такъ какъ съ фронта приходили извѣстія, что снарядовъ не хватаетъ, то слова военного министра и его категорическія заявленія многихъ успокоили.

Вскорѣ послѣ этого засѣданія, въ февралѣ появилось сообщеніе верховнаго главнокомандующаго о томъ, что повѣшенъ полковникъ Мясоѣдовъ съ соучастниками. Всѣмъ было извѣстно, что Мясоѣдовъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ и часто у него бываетъ. Первую нашу неудачу подъ Сольдау послѣ этого многие склонны были приписать участію въ катастрофѣ Мясоѣдова. Довѣріе къ Сухомлинову окончательно подрывалось, говорили даже объ из-

мѣнѣ. Непоколебимой оставалась только вѣра въ верховнаго главнокомандующаго в. к. Николая Николаевича. Въ связи съ повѣщеніемъ Мясоѣдова вспомнили о разоблаченіяхъ, которыя еще въ третьей Думѣ дѣлалъ Гучковъ, обвиняя Сухомлинова и Мясоѣдова. Гучковъ тогда указывалъ на несомнѣнную связь между Сухомлиновымъ и Мясоѣдовымъ и нѣкимъ Альтшуллеромъ, австрійскимъ тайнымъ агентомъ. Этотъ Альтшуллеръ вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ стоялъ во главѣ фирмы, черезъ которую при посредствѣ Сухомлинова дѣлались артиллерійскія поставки на армію. Роль Альтшуллера и Мясоѣдова вскрылъ генералъ Н. І. Ивановъ. Въ то же время Гучковъ ставилъ въ вину Сухомлинову, что онъ устроилъ тайный надзоръ за офицерами и поручилъ это Мясоѣдову. Несмотря, однако, на возрастающее возмущеніе противъ Сухомлинова, Государь продолжалъ выражать ему свое благоволеніе.

На фронтѣ въ теченіе зимы мы продвигались въ Галиціи. Съ неимоверными трудностями войска преодолевали Карпатскія горы и спускались въ Венгерскую долину. 9 марта палъ Перемышль. Безъ штурма, почти безъ боя. Генералъ Селивановъ, отчаявшійся взять Перемышль, собирался было снимать осаду, но неожиданно, чуть ли не въ тотъ же день когда хотѣли уходить, Перемышль сдался. Тамъ мы взяли 117 тысячъ плѣнныхъ. Оказалось, что въ крѣпости не хватало продовольствія и что славяне враждовали съ венграми. Кусманеку, коменданту крѣпости, запертые въ Перемышль солдаты грозили смертью. Онъ приказалъ дѣлать вылазку и идти на прорывъ. Послушалась только часть — венгерскіе полки. Попытка ихъ, однако, не удалась и большинство изъ нихъ бѣжало обратно въ крѣпость. Говорятъ, что Кусманекъ аэропланомъ запрашивалъ Вѣну и ему разрѣшили сдаться. Послѣ взятія Перемышля в. к. Николай Николаевичъ получилъ брилліантовую шпагу съ надписью: «За завоеваніе Червонной Руси».

Въ началѣ апрѣля, желая провѣрить свѣдѣнія, доходившія съ фронта до членовъ Думы, я рѣшилъ поѣхать въ Галицію. Мнѣ удалось побывать на фронтѣ до самаго Дунайца въ арміяхъ Радки Дмитріева, Лечицкаго и Брусилова. Вездѣ свѣдѣнія сходились на одномъ главномъ: что въ арміяхъ не хватаетъ снарядовъ. На это жаловался еще осенью 1914 года генералъ Рузскій. Когда я потомъ передалъ о разговорѣ съ Рузскимъ въ Ставкѣ, великій князь успокоилъ, заявивъ, что это временная заминка и что черезъ двѣ недѣли снаряды поступятъ въ большомъ количествѣ. Теперь повторялись тѣ же самыя жалобы. Генералы были въ отчаяніи и просили помочь. Поѣздку эту я совершилъ въ сопровожденіи моей жены, ея сестры и Я. В. Глинки, который велъ записи при объѣздѣ фронта. Въ поѣздѣ съ нами ѣхала в. к. Ксенія Александровна. На вокзалѣ во Львовѣ мы увидѣли группу какихъ то людей, штатскихъ, повидимому кого то ожидавшихъ.

Здѣсь же стоялъ и в. к. Александръ Михайловичъ, встрѣчавшій свою жену. Мы вышли изъ вагона, а когда группа штатскихъ приблизилась къ намъ, то мы естественно уступили мѣсто великокняжеской четѣ, предполагая, что это ихъ встрѣчаютъ. Произошло замѣша-

тельство. Затѣмъ изъ группы штатскихъ выдѣлился пожилой чело-
вѣкъ, обратившійся ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Оказалось, что это га-
лиційскіе общественные дѣятели во главѣ съ Дудыкевичемъ, явивші-
еся встрѣтить предсѣдателя русской Государственной Думы. (Упоми-
наю объ этой встрѣчѣ, потому что министръ Н. А. Маклаковъ умуд-
рился изобразить Государю и эту скромную встрѣчу и все мое пребы-
ваніе въ Галиціи въ совершенно превратномъ свѣтѣ).

Красивый веселый Львовъ, весь въ зелени, производилъ отрадное
впечатлѣніе. Чистыя улицы, оживленная толпа, русскіе военные и да-
же городовые на углахъ — все это не говорило о завоеванномъ краѣ.
Казалось, что мы у себя среди друзей, гдѣ незамѣтно враждебнаго от-
ношенія и гдѣ даже крестьяне по своей одеждѣ и говору напоминали
нашихъ хохловъ.

Перемышль — послѣднее слово военной науки, гдѣ природныя
условія дополнялись чудомъ фортификаціи: казалось, что взять его
было нельзя и только предательство Кусманека помогло сдачѣ крѣпо-
сти. Множество орудій стояли рядами по пути къ крѣпости и въ самой
крѣпости. Въ земскомъ союзѣ, гдѣ мы остановились, рассказывали
много интереснаго про первые дни «нашего» Перемышля. Населеніе
и войска въ немъ голодали, въ госпиталяхъ больныхъ оставляли безъ
помощи, а послѣ занятія крѣпости мы нашли большіе запасы муки,
картофеля и мяса. У Кусманека была прекрасная ферма изъ ста ко-
ровъ, которая перешла въ вѣдѣніе земскаго союза.

Вернувшись во Львовъ, мы узнали, что черезъ два дня ожидается
пріѣздъ Государя и в. к. Николая Николаевича. Имъ готовили торже-
ственную встрѣчу, строили арки, украшали городъ гирляндами и фла-
гами. Мнѣ это посѣщеніе казалось несвоевременнымъ и я въ душѣ
осуждалъ в. к. Николая Николаевича.

Въ день высочайшаго пріѣзда всѣ собрались во временномъ со-
борѣ. На улицахъ стояли шпалерами войска и толпы народа и «ура»
перекатывалось и усиливалось по мѣрѣ приближенія царскаго поѣзда.
Послѣ молебна архіепископъ Евлогій произнесъ трогательную рѣчь,
всѣ чувствовали себя умиленными и вѣрили въ нашу окончательную
побѣду. Въ тотъ же день былъ обѣдъ. Послѣ обѣда Государь подо-
шелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Думали ли вы, что когда нибудь встрѣтимся съ вами во Львовѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, я не думалъ и при настоящихъ усло-
віяхъ очень сожалею, что вы, Государь, рѣшились предпринять по-
ѣздку въ Галицію.

— Почему?

— Да потому, что недѣли черезъ три Львовъ вѣроятно будетъ
взятъ обратно нѣмцами и нашей арміи придется очистить занятія ею
позиціи.

— Вы, Михаилъ Владиміровичъ, всегда меня пугаете и говорите
непріятныя вещи.

— Я, ваше величество, не осмѣлился бы говорить неправду. Я былъ
на фронтѣ и удивляюсь верховному главнокомандующему, какъ онъ
допустилъ, чтобы вы пріѣхали сюда при теперешнемъ положеніи ве-
щей. Земля, на которую вступилъ русскій монархъ, не можетъ быть

дешево отдана обратно: на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не можемъ...

Послѣ обѣда Государь выходилъ на балконъ, говорилъ съ народомъ, упоминая о старыхъ исконныхъ русскихъ земляхъ. Толпа кричала «ура», дамы махали платками. На другой день Царь съ великимъ княземъ поѣхалъ въ Перемышль.

Черезъ недѣлю жена и сестра вернулись въ Петроградъ, а я съ сыномъ поѣхалъ по фронту и по учрежденіямъ Кр. Креста. Однако, не успѣли мы вернуться во Львовъ, какъ началось наше катастрофическое отступленіе. Подтвердилось то, что предсказывалъ мой сынъ и всѣ серьезные военные: недостатокъ снаряженія сводилъ на нѣтъ всѣ наши побѣды, всю пролитую кровь.

Сынъ Николай со своимъ отрядомъ, прикомандированный къ дивизіи Корнилова, былъ окруженъ, но, благодаря знанію мѣстности, выбрался и вывезъ до Сана не только отрядъ и раненыхъ, но и часть обозовъ и боевыхъ припасовъ. За это дѣло онъ получилъ Владимира съ мечами. Корниловъ не хотѣлъ оставить своей дивизіи, которая растянулась на двадцать верстъ; онъ настоялъ на томъ, чтобы санитарный отрядъ уходилъ, а самъ поѣхалъ къ отставшимъ полкамъ, былъ раненъ, окруженъ и съ частью дивизіи оказался въ плѣну.

IX

Въ Ставкѣ послѣ отступленія. Проектъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. На съѣздѣ промышленниковъ. Николай II и Н. Маклаковъ. Архангельскій портъ. В. К. Сергѣй Михайловичъ.

На возвратномъ пути изъ Галиціи я заѣхалъ въ Ставку, чтобы передать главнокомандующему свои впечатлѣнія. Великій князь показался мнѣ совершенно другимъ: насколько при поѣздкѣ онъ былъ умиленъ бодрымъ видомъ войскъ, устройствомъ тыла, санитаріей, интендантствомъ и увѣренностью всѣхъ въ побѣдѣ, настолько удручающе дѣйствовали на него недостатки команднаго состава, бездарность плановъ Иванова и главнымъ образомъ плохое снабженіе арміи патронами, снарядами и ружьями. Въ Ставкѣ настроеніе было подавленное. Великій князь сознавалъ, что планъ Иванова на Карпатахъ не удался. Радко Дмитріевъ былъ поставленъ въ тяжелыя условія. На пути его отступленія нигдѣ не было приготовлено укрѣпленныхъ позицій, отказъ прислать ему своевременно помощь (по общему голосу въ этомъ былъ виноватъ Владиміръ Драгоміровъ, враждовавшій съ Радко), растянутость фронта съ недостаточнымъ количествомъ войскъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ снарядовъ сдѣлали его положеніе безвыходнымъ. Третья армія должна была отступить за Санъ и отдать всю западную часть Галиціи, завоеванную цѣною столькихъ жертвъ.

Въ такія минуты было не до церемоній и я счелъ за необходимость говорить великому князю чистую правду.

— Ваше высочество, вы губите даромъ народъ и должны требовать отъ артиллерійскаго вѣдомства совершенно точный отчетъ, что

у него готово и въ какомъ количествѣ они могутъ давать вамъ снабженіе: до сихъ поръ всѣ ихъ обѣщанія не исполнены.

На это великій князь отвѣтилъ:

— Я ничего не могу добиться отъ артиллерійскаго вѣдомства. Мое положеніе, вообще, крайне затруднено: Государя возстанавливаютъ противъ меня.

Великій князь жаловался на вліяніе министра Маклакова, благодаря которому не удалась его попытка провѣрить дѣятельность казенныхъ заводовъ. Великій князь убѣдилъ Государя назначить Литвинова-Фалинскаго (директоръ департамента промышленности и старшій фабричный инспекторъ) обревизовать заводы, работавшіе на нужды войны. Государь въ Ставкѣ съ этимъ согласился и подписалъ назначеніе, но, пріѣхавъ въ Петроградъ, измѣнилъ свое рѣшеніе; Литвиновъ-Фалинскій былъ отставленъ безъ всякихъ объясненій.

Разговоръ съ великимъ княземъ былъ весьма продолжителенъ: я настойчиво доказывалъ ему, что при создавшемся положеніи на фронтѣ нельзя замалчивать и уступать, нельзя идти на компромиссы, надо все прямо и откровенно говорить Государю, настаивая до конца на своихъ предложеніяхъ. Кто, какъ не верховный главнокомандующій, можетъ не только говорить, но и требовать.

На это великій князь замѣтилъ:

— Ого, какъ вы сильно выражаетесь.

— Не сильно, ваше высочество, — отвѣчалъ я, — воюетъ весь народъ и весь народъ возстанетъ въ случаѣ неудачной войны, если онъ увидитъ, что всѣ принесенныя жертвы, вся пролитая кровь были напрасны. Народъ показалъ себя достойнымъ своей великой родины, зато царское правительство совсѣмъ недостойно Россіи. Прежде всего необходимо настоять на отставкѣ Маклакова и в. к. Сергѣя Михайловича, надо разогнать воровскую шайку артиллерійскаго вѣдомства, которая прикрывается именемъ великаго князя.

Говоря о своемъ безсиліи что нибудь сдѣлать съ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, верховный главнокомандующій упомянулъ, что онъ знаетъ объ участіи и вліяніи на артиллерійскія дѣла балерины Кшесинской, черезъ которую получали заказы различныя фирмы. Когда я замѣтилъ, что пора убрать наконецъ и Сухомлинова, великій князь отвѣтилъ:

— Въ этомъ я тоже безсиленъ: Сухомлиновъ за послѣднее время пользуется особымъ благоволеніемъ Государя.

Разговоръ этотъ оставлялъ очень тяжелое впечатлѣніе: великій князь недостаточно энергиченъ.

Прощаясь со мной, великій князь спросилъ, что можно сдѣлать, чтобы спасти положеніе. Я предложилъ свой старый проектъ, который давно имѣлъ въ умѣ — составить комитетъ изъ членовъ Думы, представителей отъ промышленности, отъ артиллерійскаго и другихъ военныхъ вѣдомствъ, съ широкими полномочіями вѣдать всѣ вопросы военного снаряженія. Великій князь ухватился за эту мысль съ радостью и обѣщалъ сказать Государю, котораго ожидалъ въ Ставкѣ. Послѣ великаго князя у меня былъ длинный разговоръ съ его приближенными: Янушкевичемъ и Даниловымъ. Оба они производили впе-

чатлѣніе полной растерянности и удрученности, оба понимали ужасъ положенія и повторяли одно и то же: «Вы одинъ можете спасти положеніе». Янушкевичъ даже со слезами на глазахъ откровенно говорилъ о нравственныхъ пыткахъ, которыя онъ переживаетъ, не будучи въ состояніи добиться нужнаго отъ артиллерійскаго вѣдомства и зная, въ какихъ нечестныхъ рукахъ оно находится.

Вернувшись въ Петроградъ, я пригласилъ Литвинова-Фалинскаго и заодно съ депутатами: Савичемъ, Протопоповымъ, Дмитрюковымъ мы обсуждали вопросъ о созданіи комитета. Литвиновъ и Савичъ сообщили о многочисленныхъ отказахъ вѣдомства заводамъ, предлагавшимъ использовать ихъ заказами на шрапнели, снаряды и прочее. Съ частными заводами не хотѣли имѣть дѣло, а казенные, благодаря отчаянной организаціи, производили пятую часть того, что могли производить. О нечестности и взяткахъ артиллерійскаго вѣдомства тогда открыто говорили въ столицѣ. Порядки вѣдомства бросались въ глаза даже обывателямъ: патронный заводъ на Литейномъ совершенно не охранялся, тоже было и на другихъ заводахъ, а взрывъ на пороховомъ заводѣ окончательно вселилъ недоувѣріе къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ вѣдомства. Во главѣ многихъ казенныхъ заводовъ все еще сидѣли германскіе подданные, которыхъ, благодаря покровительству министра Маклакова, нѣкоторыхъ великихъ княгинь и клики придворныхъ, нельзя было выслать. Измѣна чувствовалась во всемъ и ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить невѣроятныя событія, происходившія у всѣхъ на глазахъ. А тутъ еще было оглашено дѣло Мясоѣдова.

Собравъ подробныя данныя, я отправилъ письмо въ Ставку великому князю, еще разъ повторивъ то, что я ему говорилъ при свиданіи, подкрѣпляя на этотъ разъ свои доводы ссылками на факты и документы. Одновременно я описалъ ему всѣ ужасы, которые происходятъ въ арміи отъ недостатка въ снарядахъ, отъ нераспорядительности высшихъ военныхъ властей и главнымъ образомъ Сухомлинова. Государь поѣхалъ въ Ставку, а я получилъ отъ в. к. Николая Николаевича слѣдующую телеграмму: «Съ вашимъ проектомъ слѣдуетъ подождать». На слѣдующій день, однако, изъ Ставки пришла телеграмма, въ которой меня вызывали, и поручалось, чтобы я привезъ лицъ, коихъ сочту полезными. Поѣхали Литвиновъ-Фалинскій, Вышнеградскій и Путиловъ. Въ Ставкѣ я былъ принятъ Государемъ и съ полной откровенностью доказывалъ необходимость созыва комитета съ участіемъ общественныхъ дѣятелей, передалъ о возбужденіи умовъ въ тылу, о недоувѣрїи арміи къ тыловымъ военнымъ руководителямъ и о томъ, что это недоувѣріе неминуемо будетъ расти по мѣрѣ отхода войскъ. Государь былъ очень взволнованъ, блѣденъ, руки его дрожали. Повидимому, особенно сильное впечатлѣніе произвело на него, когда я, тоже волнуясь и еле сдерживая слезы, говорилъ ему о беззаветной любви и преданности въ войскахъ къ Царю и родинѣ, о ихъ готовности жертвовать собой и о спокойномъ, безъ всякой рисовки, исполненіи долга. Обрисовавъ положеніе на фронтѣ и въ странѣ, я просилъ Государя удалить Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. Въ то время, когда проливается кровь столькихъ людей, нельзя тер-

пѣтъ у власти людей, испытывающихъ общественное мнѣніе, «съ которыми вы все же должны считаться, ваше величество».

Государю показалась счастливой моя мысль объ учрежденіи Особого Совѣщанія и сразу же была намѣчена въ общихъ чертахъ его организація: въ составъ совѣщанія должны были войти представители банковъ, субсидировавшихъ заводы, представители промышленности, общественные дѣятели и представители законодательныхъ учреждений и военнаго вѣдомства. Первыми были призваны Литвиновъ-Фалинскій, Путиловъ, Вышнеградскій, банкиръ Утинъ, Гучковъ и другіе. Государь спросилъ:

— Кто же будетъ предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи?

Я отвѣтилъ, что предсѣдателемъ долженъ быть военный министръ, такъ какъ дѣло касается снабженія арміи. Другого выхода не было, такъ какъ если бы предсѣдателемъ не былъ назначенъ Сухомлиновъ, то Совѣщанію на каждомъ шагу ставили бы палки въ колеса.

Когда слухи о возникновеніи Совѣщанія, оффиціально еще не утвержденаго, дошли до военнаго министерства, тамъ, понятно, заволновались: Государю старались доказать, что возникновеніе Совѣщанія незаконно, что это какъ бы новое министерство, для чего нуженъ новый законъ и соблюденіе цѣлаго ряда формальностей, требующихъ времени. Къ счастью, интриги не удавались и Государь съ этими доводами не соглашался. Тогда ему стали доказывать, что во время роспуска палатъ предсѣдателя Думы не существуетъ и потому его участіе въ Совѣщаніи было бы незаконно, но Государь и на это не обратилъ вниманія. Учрежденіе Особого Совѣщанія должно было пройти черезъ совѣтъ министровъ и поступить на утвержденіе Государя для проведенія въ жизнь въ порядкѣ 87 статьи. Противъ учрежденія Совѣщанія особенно старались министры: Маклаковъ и Щегловитовъ. Маклаковъ, забѣгая ко всѣмъ близкимъ къ Царю, усиленно добивался быть принятымъ, но Царь его не принялъ, а передъ засѣданіемъ, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о Совѣщаніи, Царь вызвалъ къ себѣ Сухомлинова и сказалъ ему: «Передайте въ совѣтъ министровъ, что я очень сочувствую возникновенію этого Особого Совѣщанія и привѣтствую, что оно будетъ при участіи членовъ законодательныхъ палатъ».

Сухомлиновъ во время засѣданія передалъ слова Государя и Горемыкинъ, воспользовавшись этимъ, заявилъ: «Я думаю, что въ такомъ случаѣ намъ нечего долго обсуждать этотъ вопросъ: намъ остается только преклониться передъ волей Государя Императора».

При голосованіи Саблеръ и Щегловитовъ, сговорившись въ сторонѣ, подали голосъ за проектъ, противъ поднялся только одинъ Маклаковъ. (Говорили, что это было очень неприятно Государю). Проектъ былъ утвержденъ Государемъ и Особое Совѣщаніе по оборонѣ начало дѣйствовать.

Передъ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о совѣщаніи въ законодательномъ порядкѣ я счелъ себя обязаннымъ внести этотъ запросъ на обсужденіе членовъ Г. Думы. Въ концѣ мая былъ собранъ совѣтъ старѣйшинъ и я доложилъ имъ весь ходъ предшествовавшихъ событій и все то, что привело къ мысли о созданіи Совѣщанія. Харак-

терно отношеніе различныхъ партій къ этому вопросу. Правые, какъ и слѣдовало ожидать, хранили упорное молчаніе, націоналисты и октябристы горячо привѣтствовали всѣ предпринятыя мною шаги, а кадеты, устами своего лидера П. Н. Милюкова, совершенно неожиданно возстали противъ моей затѣи, доказывая, что всякое общеніе и совмѣстная работа съ военнымъ министерствомъ Сухомлинова явилась бы позорнымъ для Думы и поэтому они, кадеты, ни въ какомъ случаѣ участія во вновь образуемомъ Совѣщаніи не примутъ. Къ еще большому моему изумленію такое мнѣніе вызвало жестокой отпоръ со стороны Керенскаго. Съ горячностью и стремительностью онъ въ страстной рѣчи напалъ на Милюкова, доказывая всю нелѣпость его точки зрѣнія. «Кадеты, — говорилъ онъ, — всегда исходятъ изъ теоретическихкихъ соображеній и впадаютъ въ отвлеченность, отвергая всякое предложеніе, которое не совпадаетъ съ ихъ теоріей, хотя бы оно и было по существу полезнымъ. Я политическій противникъ предсѣдателя Г. Думы, но я вижу, что онъ болѣетъ о нашихъ неурядицахъ и болѣзненно ищетъ пути для исправленія ужасающихъ дефектовъ военной организациі. Мы, трудовики, вполне сочувствуемъ его стремленіямъ, одобряемъ его и поддерживаемъ».

Выслушавъ мнѣнія своихъ сотоварищей, я поставилъ вопросъ о довѣрїи и мои дѣйствія единогласно были одобрены. Впослѣдствїи стоило большого труда уломать кадетовъ принять участіе въ Совѣщаніи; крайняя лѣвая отказалась отъ участія, говоря, что единственный мотивъ ихъ отказа заключается въ томъ, что къ нимъ, какъ къ лѣвымъ, члены правительства будутъ относиться съ предубѣжденіемъ и подозрѣніемъ.

Въ маѣ того же 1915 года въ Петроградѣ происходилъ съѣздъ промышленниковъ. Со всѣхъ сторонъ мнѣ передавали, что участники съѣзда крайне возбуждены и что на съѣздѣ готовятся революціонныя выступленія. Это было бы только на руку министру Маклакову, который ждалъ удобнаго случая, чтобы оправдались его постоянные доносы Царю, чтобы затѣмъ закрыть съѣздъ, а главныхъ его дѣятелей арестовать. Лица освѣдомленные говорили, что въ московскихъ торгово-промышленныхъ кругахъ уже подготовлена для петроградскаго съѣзда резолюція чуть ли не съ требованіемъ Учредительнаго Собранія.

Утромъ въ день съѣзда ко мнѣ на квартиру прїѣхали кн. Г. Е. Львовъ и членъ Думы В. Маклаковъ, возбужденные и испуганные; они говорили о томъ, что можно ожидать отъ съѣзда и особенно отъ резолюціи, составленной въ Москвѣ. Они совѣтовали мнѣ не ѣхать на съѣздъ, пугая отвѣтственностью за могущее быть выступленіе: «Подумайте, какую отвѣтственность вы берете на себя», — говорили депутаты.

— Если бояться отвѣтственности, то, вообще, ничего нельзя дѣлать, — я рѣшилъ, я поѣду на съѣздъ, его надо спасти и внести успокоеніе.

Тогда они начали уговаривать жену, стараясь черезъ нее повліять на меня и просили, чтобы она удержала меня дома. Жена имъ

отвѣтила, что не можетъ вмѣшиваться въ мои дѣла, но что увѣрена въ благополучномъ исходѣ дѣла.

На съѣздъ я поѣхалъ съ Протопоповымъ, былъ встрѣченъ аплодисментами и экспромптомъ сказалъ рѣчь, закончивъ ее слѣдующимъ:
«Господа, ѣдучи сюда на ваше почтенное собраніе, я встрѣтилъ не одну часть молодыхъ войскъ, молодыхъ солдатъ, которые обучаются теперь и готовятся для того, чтобы замѣнить и пополнить собою ряды павшихъ. Я проѣхалъ двѣ тысячи верстъ, былъ въ Галиціи въ близкомъ общеніи съ арміей и я не найду словъ, чтобы выразить то глубокое умиленіе, то высокое почтеніе къ этимъ храбрымъ воинамъ, къ тому несокрушиму духу, который я наблюдалъ всегда и наблюдаю въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые теперь обучаются, зная, что они обязаны безстрашно идти на поля сраженія. Но на всѣхъ гражданахъ російскаго государства первѣйшая и главнѣйшая обязанность дать ясное и точное понятіе нашей арміи, что тылъ спокоенъ, что тылъ нашей глубокой и мирной страны, теперь еще не подверженный вліянію военныхъ дѣйствій, готовъ всемирно работать для ихъ пользы и славы и въ помощь имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны вселять имъ убѣжденіе, что здѣсь въ тылу нѣтъ партій, нѣтъ разногласія, а есть одно чувство побѣды надъ врагомъ. Я счастливъ, господа, засвидѣтельствовать, что такой лозунгъ установленъ прочно въ рядахъ членовъ Г. Думы. Народные представители поняли это своимъ чутьемъ и вы видите, что рядъ засѣданій нашихъ представляетъ собою полное отсутствіе партій, полное единеніе. Скажу, что единеніе, это отсутствіе всякихъ партійныхъ началъ продолжается и до сихъ поръ въ тѣхъ небольшихъ засѣданіяхъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время по поводу дѣлъ, близко касающихся Г. Думы. Я отлично отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что промышленный міръ, промышленныя сферы — это сословіе и сферы глубокаго государственнаго значенія. Вы являетесь хозяевами и вершителями той громадной отрасли государственной экономической жизни, которая при своемъ высокомъ развитіи въ будущемъ дастъ намъ возможность не только побѣдить врага на поляхъ сраженія, но дастъ намъ силу доказать, что Россія можетъ сдѣлать. Отнынѣ долженъ быть у всѣхъ русскихъ гражданъ одинъ лозунгъ: все для арміи, все для побѣды надъ врагомъ, все должно быть сдѣлано для того, чтобы въ полномъ и крѣпкомъ единеніи сокрушить тѣхъ, которые дерзаютъ посягать на величіе Россіи. Я позволяю себѣ выразить пожеланіе, чтобы нынѣ, безъ партійныхъ перегородокъ, соображеній, вождельній, единая мысль была направлена къ благотворной работѣ на почвѣ воспособленія нашей арміи къ полному раскрѣпощенію Россіи отъ всякихъ посягательствъ иноземнаго вліянія на нее. Этими словами позвольте привѣтствовать васъ и выразить увѣренность, что это именно такъ и будетъ».

Когда съѣздъ узналъ, что къ общественнымъ силамъ отнеслись съ довѣріемъ и что дѣлу еще можно помочь, то раздраженіе противъ правительства улеглось и члены съѣзда начали обсуждать стоявшіе на очереди вопросы съ дѣловой точки зрѣнія. Въ томъ же первомъ засѣданіи съѣздъ вынесъ резолюцію, совершенно противоположную заготовленной первоначально.

Въ концѣ мая я отправилъ просьбу о принятіи меня Государемъ. Въ теченіе четырехъ или пяти дней я не получалъ отвѣта. вмѣсто того мнѣ стали передавать, что министръ Маклаковъ усиленно настраиваетъ Царя противъ Думы и увѣряетъ его, что Предсѣдатель Думы явится къ нему съ необыкновенными требованіями, чуть ли не съ ультиматумомъ. Слухи эти нашли себѣ отраженіе и въ Москвѣ и пріѣхавшій оттуда молодой Юсуповъ рассказывалъ, что тамъ говорятъ, будто предсѣдатель Думы сталъ во главѣ революціоннаго движенія и вопреки желанію правительства создалъ особый комитетъ „Comité du salut public“ по образцу французской революціи (такъ, очевидно, понимали учрежденіе Особаго Совѣщанія).

Наконецъ Государь назначилъ день пріема: это было 30 мая. Когда я вошелъ въ кабинетъ, я засталъ Государя взволнованнымъ и блѣднымъ и невольно вспомнилъ то, что мнѣ передавали про интриги Маклакова. Надо было сразу разсѣять подозрѣнія.

— Ваше Величество, — началъ я, — я пришелъ къ вамъ не съ какими нибудь требованіями и не съ ультиматумомъ...

— Почему вы говорите про ультиматумъ?.. Какой ультиматумъ?

— Ваше Величество, я имѣю свѣдѣнія, что вамъ изобразили меня очень опаснымъ человѣкомъ; говорили, что я приду не съ докладомъ, а съ требованіями. Вамъ даже совѣтовали меня не принимать вовсе.

— Кто это вамъ говорилъ, и на кого вы намекаете, что меня настраиваютъ противъ васъ?

— Ваше величество, быть можетъ это сплетня, но слухи настолько основательны и изъ такихъ внушающихъ мнѣ довѣріе источниковъ, что я рѣшилъ это вамъ доложить. Вамъ говорилъ такъ про меня министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ. Государь, у меня нѣтъ къ вамъ дѣловаго доклада по Думѣ: я явился къ вамъ говорить объ общихъ дѣлахъ, пришелъ исповѣдываться, какъ сынъ къ отцу, чтобы передать всю правду, какую я знаю. Прикажете ли мнѣ говорить?

— Говорите.

Государь повернулся и во время доклада пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, повидимому испытывая меня. Я также не спускалъ съ него глазъ. Я докладывалъ обо всемъ, что наболѣло и накопѣло за это время: о порядкахъ артиллерійскаго вѣдомства, о ничтожномъ производствѣ военныхъ заводовъ, о томъ, что во главѣ большинства заводовъ стоятъ нѣмцы, о беспорядкахъ въ Москвѣ, о положеніи арміи, которая самоотверженно умираетъ на фронтѣ и которую предають въ тылу люди, вѣдающіе боевымъ снабженіемъ, о гадостяхъ и интригахъ министра Маклакова и о многомъ другомъ. Въ связи съ дѣломъ Мясоѣдова я передалъ о возбужденіи противъ Сухомлинова, котораго ненавидятъ на фронтѣ и въ тылу и считаютъ сообщникомъ Мясоѣдова. Я старался выяснить и доказать, что Сухомлиновъ, Маклаковъ, Саблеръ и Щегловитовъ совершенно нетерпимы, что в. к. Сергѣй Михайловичъ долженъ непременно уйти, иначе раздраженіе противъ артиллерійскаго вѣдомства обрушится на голову одного изъ членовъ Царской семьи, а косвенно и на всю Царскую семью, — словомъ, говорилъ все, о чемъ зналъ и о чемъ нужно было знать Государю.

Докладъ продолжался болѣе часу и Государь за это время не выкурилъ ни одной папироски, что являлось признакомъ его внимательности. Подъ конецъ доклада онъ оперся локтями о столъ и сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Я окончилъ, а онъ все сидѣлъ въ той же позѣ не было, а было только неправильная и путаная политика, пагубная

— Отчего вы встали?..

— Ваше величество, я окончилъ, я все сказалъ.

Государь тоже всталъ, взялъ мою руку въ свои обѣ руки и, смотря мнѣ прямо въ глаза своими влажными добрыми глазами, сталъ крѣпко жать руку и сказалъ:

— Благодарю васъ за вашъ прямой, искренній и смѣлый докладъ.

Я низко поклонился, чувствуя, что къ горлу подступаютъ слезы. Государь, повидимому, былъ тоже взволнованъ и, произнеся свои послѣднія слова, еще разъ пожалъ руку и быстро вышелъ въ другую дверь, плохо скрывая свое волненіе.

* * *

Причины волненія Государя во время этого доклада я узналъ гораздо позже въ дни революціи, когда былъ вызванъ для дачи показанія въ верховную комиссію, которая хотѣла, во что бы то ни стало, найти криминалъ въ дѣйствіяхъ бывшаго Царя. Я говорилъ въ теченіе пяти часовъ подрядъ, доказывая, что криминала въ дѣйствіяхъ Царя не было, а было только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамѣренное желаніе вреда этой странѣ.

Когда я окончилъ, ко мнѣ подошелъ сенаторъ Таганцевъ и сказалъ:

— Теперь вы окончили, такъ вотъ прочтите эту бумагу.

Бумага была помѣчена маемъ 1915 г., числа не помню и соответствовала времени, когда я былъ вызванъ въ Ставку послѣ Львовскихъ торжествъ.

Министръ Маклаковъ доносилъ:

«Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству. Неоднократно я имѣлъ счастье указывать Вашему Величеству, что Г. Дума и ея предсѣдатель, гдѣ только возможно, стремятся превысить свою власть и значеніе въ государствѣ и, ища популярности, стремятся умалить власть Вашего Императорскаго Величества. Имѣю честь обратить ваше вниманіе на поведеніе предсѣдателя Г. Думы послѣ вашего отъѣзда изъ города Львова. Предсѣдатель Думы принялъ торжественное чествованіе галичанъ и, воспользовавшись отъѣздомъ Государя Императора, держалъ себя, какъ бы глава російскаго государства

Обращая на вышеизложенное вниманіе Вашего Величества, прошу вспомнить, что я неоднократно указывалъ Вашему Величеству на необходимость уменьшенія правъ Г. Думы и на сведеніе ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія».

(Привожу по памяти, не текстуально).

Прочитавъ бумагу, я протянулъ ее Таганцеву со словами:

— Что же тутъ удивительнаго? Обычный пасквиль министра внутреннихъ дѣлъ.

— Прочитайте, что написано на обратной сторонѣ, — сказалъ Таганцевъ.

На другой сторонѣ рукой Императора было написано:

«Дѣйствительно, время настало сократить Г. Думу. Интересно, какъ будутъ при этомъ себя чувствовать г. г. Родзянки и Ко.»

По числамъ эта помѣтка совпадала съ тѣмъ временемъ, когда Государь шелъ навстрѣчу работѣ Думы и общественныхъ организаций и обсуждалъ вмѣстѣ со мною проектъ созданія Особого Совѣщанія по оборонѣ.

Вскорѣ послѣ моего доклада Маклаковъ былъ уволенъ. Это было встрѣчено съ большимъ удовлетвореніемъ. Вмѣсто Маклакова былъ назначенъ Н. Б. Щербатовъ, вполне чистый, незапятнанный человѣкъ.

Въ дополненіе къ докладу я отправилъ Государю письмо, въ которомъ еще разъ доказывалъ, что необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созывъ Думы. Я не скрывалъ, что засѣданія Думы будутъ бурныя, что правительство будутъ жестоко критиковать, но все-таки лучше, если это произойдетъ въ стѣнахъ Думы, чѣмъ на улицѣ.

Письмо ли это или что другое было послѣднимъ толчкомъ, но Сухомлиновъ, наконецъ, былъ отстраненъ, а вскорѣ на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Поливановъ, пользовавшійся симпатіями въ Думѣ и въ общественныхъ кругахъ. Вскорѣ послѣ удаленія Сухомлинова надъ нимъ была учреждена верховная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ члена Г. Совѣта Петрова при участіи двухъ членовъ Думы (В. Бобринскаго и Варунъ-Секрета) и двухъ членовъ Г. Совѣта. Комиссія послѣ долгихъ мѣсяцевъ разбирательства и изслѣдованія признала Сухомлинова виновнымъ въ лихоимствѣ и въ государственной измѣнѣ. Несмотря на это Сухомлиновъ долгое время не былъ предаваемъ суду и не только находился на свободѣ, но носилъ генераль-адъютантскіе погоны и даже сохранялъ право посѣщенія засѣданій Г. Совѣта.

11 июня Государь уѣхалъ въ Ставку; 14 вызвалъ туда всѣхъ министровъ, кромѣ Щегловитова и Саблера. Изъ новыхъ присутствовали Поливановъ и Щербатовъ. Въ засѣданіи обсуждался вопросъ о созывѣ Думы и о снабженіи арміи; слѣдствіемъ этого засѣданія былъ рескриптъ на имя Горемыкина, въ которомъ Государь впервые всенародно объявлялъ о созывѣ Особого Совѣщанія, говорилъ о призывѣ промышленности и общественныхъ силъ и обѣщалъ скорый созывъ Думы. Рескриптъ произвелъ хорошее впечатлѣніе: о довѣрїи къ народу было сказано ясно и твердо и можно было думать, что такое отношеніе уже не измѣнится. Послѣ того же совѣщанія въ Ставкѣ были уволены Саблеръ и Щегловитовъ, а вмѣсто Саблера оберъ-прокуроромъ синода былъ назначенъ А. Д. Самаринъ, принявшій этотъ постъ подъ условіемъ удаленія Распутина. Со словъ самого Горемыкина въ обществѣ говорили, что Императрица требовала, чтобы онъ воспроти-

вился увольненію Саблера и назначенію Самарина, но Горемыкинъ отказался отъ вмѣшательства въ это дѣло, говоря, что надо подчиниться волѣ Государя. Императрица не успокоилась на этомъ и употребила всѣ усилія, чтобы вновь получить вліяніе на рѣшенія Государя. Къ сожалѣнію, ей это удалось и Распутинъ, сосланный въ Сибирь, скоро опять вернулся.

Особое Совѣщаніе уже работало. Оно съ первыхъ же засѣданій занялось раскопками въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ и открыло много нечистоплотныхъ комбинацій. Пришлось удалить одного за другимъ высшихъ чиновъ вѣдомства и поставить во главѣ управленія генерала Маниковского. Къ в. к. Сергѣю Михайловичу я поѣхалъ самъ и откровенно ему высказалъ, что лучше, если онъ разстанется съ вѣдомствомъ подъ предлогомъ болѣзни: пока обвиненія падаютъ на его подчиненныхъ, но можетъ случиться, что онѣ обрушатся и на великаго князя, а это бросило бы тѣнь на Царскую семью. Великій князь вскорѣ отказался отъ возглавленія вѣдомства, но одновременно же былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ при Ставкѣ.

Вопіющіе беспорядки открыло Совѣщаніе въ архангельскомъ порту. Еще въ началѣ войны въ Думу стали поступать свѣдѣнія, что вывозка по узкоколейной дорогѣ изъ Архангельска очень затруднена, а портъ заваленъ грузами. Заказы изъ Америки, Англии и Франціи складывались горами и не вывозились въ глубь страны. Уже въ первые дни войны Литвиновъ-Фалинскій предупредилъ, что архангельскій портъ въ ужасномъ состояніи. Изъ Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградскихъ заводовъ, но уголь этотъ негдѣ было даже сложить. Несмотря на то, что Архангельскъ былъ единственный военный портъ, соединявшій насъ съ союзниками, на него почти не обращали вниманія. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій Особого Совѣщанія пришлось поднять вопросъ объ Архангельскѣ и запросить министровъ, что они намѣрены предпринять. Министры, въ лицѣ Сухомлинова, Рухлова и Шаховского, либо отписывались, либо обѣщали на словахъ, ничего на дѣлѣ не предпринимая. Между тѣмъ къ концу лѣта 1915 года количество грузовъ было такъ велико, что ящики, лежавшіе на землѣ, отъ тяжести наложенныхъ поверхъ грузовъ буквально вросли въ землю.

Артиллерійское вѣдомство заявляло въ Совѣщаніи, что производство снарядовъ увеличить невозможно, такъ какъ нѣтъ станковъ для выдѣлки дистанціонныхъ трубокъ. Члены Думы доказывали, что станки можно найти, надо только умѣть искать. Совѣщаніе обратилось въ техническія и ремесленные училища, нѣкоторые изъ членовъ Совѣщанія поѣхали по Россіи и вскорѣ стали получаться телеграммы, что найдены, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, тысячи станковъ. Можно было наладить заводы, эвакуированные изъ мѣстностей, занятыхъ непріателемъ, но объ этомъ тоже никто не хотѣлъ позаботиться. Особое Совѣщаніе многое привело въ движеніе. Текстильные и другіе заводы, запрошенные Совѣщаніемъ, предложили свои помѣщенія для изготовленія снарядовъ: при этомъ заводы сообщали, что они и ранѣе предлагали свои услуги артиллерійскому вѣдомству, но полу-

чили отвѣтъ, что вѣдомство «обойдется казенными заводами». Члены Совѣщанія объѣзжали казенные и частные заводы и въ петроградскомъ арсеналѣ обнаружили полтора милліона дистанціонныхъ трубокъ, якобы стараго образца. На дѣлѣ оказалось, что ихъ прекрасно можно было приспособить къ новымъ снарядамъ и во время пробы эти трубки дали 90% разрываемости. Послѣ такой находки можно было тотчасъ же приступить къ увеличенію выпуска снарядовъ, не ожидая новыхъ станковъ. Въ первый же мѣсяцъ работы Особаго совѣщанія поступленіе снарядовъ на фронтъ увеличилось вдвое, а затѣмъ поступленіе все время прогрессировало.

Лѣтомъ въ Москвѣ былъ созданъ съѣздъ военно-промышленнаго комитета. Общественные дѣятели и промышленники горячо откликнулись на обращенный къ нимъ призывъ и дружно взялись за работу. По всей Россіи съ помощью земствъ и городовъ стали образовываться такіе же комитеты, большею частью изъ земскихъ дѣятелей и директоровъ заводовъ. Комитеты стали приспособлять всевозможныя фабрики, ремесленныя училища и мастерскія для нуждъ арміи. Въ маѣ мѣсяцѣ мы уже знали, что по приблизительному подсчету черезъ три мѣсяца будетъ достаточно снарядовъ, чтобы задержать дальнѣйшее наступленіе непріятели. Привлеченіе общественныхъ силъ къ снабженію арміи и учрежденіе Особаго Совѣщанія было съ удовлетвореніемъ встрѣчено въ странѣ: на фронтѣ облегченно вздохнули и горечь послѣднихъ неудачъ была смягчена надеждой на болѣе свѣтлое будущее. Возможность работать для арміи, активно участвовать въ подготовкѣ ея успѣховъ, — помогла переживать плохія извѣстія съ фронта, гдѣ мы продолжали отступать.

Возвращаюсь нѣсколько назадъ. 19 іюля была создана Дума. Настроеніе было очень повышенное и можно было ожидать бурныхъ выступленій. Кадеты и лѣвые собирались вносить цѣлый рядъ запросовъ. Октябристы противились этому, говоря, что не время для разсужденій и необходимо сосредоточиться на дѣловой работѣ. Нѣкоторые изъ кадетовъ предполагали поднять вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Не малыхъ трудовъ стоило отговорить ихъ отъ этого. П. Н. Милюковъ почти во всѣхъ вопросахъ поддерживалъ октябристовъ, даже противъ прогрессистовъ. Внутри Думы всѣ усилія направлены были къ созданію прочнаго большинства и усилія эти увѣнчались успѣхомъ, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно было предполагать; удалось не только объединить нѣсколько думскихъ партій, но и достигнуть соглашенія съ центромъ Г. Совѣта. Въ то время какъ лѣвые настаивали на отвѣтственномъ министерствѣ, а правые находили, что этого вопроса вовсе нельзя касаться, центръ сталкивался на томъ, что объ отвѣтственномъ министерствѣ должно быть сказано, но не въ видѣ требованія, а въ смыслѣ пожеланія и что во всякомъ случаѣ сейчасъ «должны быть призваны къ власти люди, пользующіеся довѣріемъ страны». Такое правительство могло бы прекрасно работать съ Думой, такъ какъ противъ всякихъ ожиданій подъ вліяніемъ войны мелкія разногласія между отдѣльными партіями центра были

сглажены и достигнуто такое соглашеніе, которое создавало большинство, объединенное въ прогрессивномъ блокѣ и позволявшее правительству имѣть надежную опору.

Въ закрытомъ засѣданіи 20 іюля рѣшено было привлечь къ отвѣтственности всѣхъ лицъ, виновныхъ въ недостаткахъ снаряженія арміи. Былъ принятъ законъ объ учрежденіи особыхъ совѣщаній при военномъ министрѣ, а также при министрахъ путей сообщенія, торговли и промышленности, земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ съ привлеченіемъ въ эти совѣщанія представителей Думы и Совѣта, торговли и промышленности. Кадеты хотѣли внести предложеніе объ учрежденіи отдѣльнаго министерства снабженія; съ другой стороны правительство стремилось подчинить Особое Совѣщаніе совѣту министровъ. Къ счастью, то и другое было отвергнуто и законъ объ Особомъ Совѣщаніи былъ принятъ въ томъ видѣ, какъ оно уже существовало, т. е. съ подчиненіемъ только Верховной Власти при отвѣтственности военного министра.

Х

Государь — Верховный главнокомандующій. Вліяніе Императрицы усиливается. Горемыкинъ распускаетъ Думу. Какъ былъ уволенъ А. Д. Самаринъ. Путиловскій заводъ. Англичане и торговый флотъ.

Между тѣмъ войска наши отступали и казалось, что этому не будетъ конца. Мы очистили Перемышль, Львовъ, выдержали ожесточеннѣйшія атаки на линіи Люблинъ—Холмъ, прикрывая войска, находившіяся подъ Варшавой и спасаясь изъ тѣхъ желѣзныхъ клещей, которыми насъ грозили захватить нѣмцы. Новогеоргіевскъ былъ обреченъ на гибель, сдерживая непріятеля. Крѣпость героически держалась, была взята штурмомъ и не много изъ ея защитниковъ уцѣлѣло. Другія наши крѣпости: Ковно, Осовець и Брестъ-Литовскъ почти совсѣмъ не сопротивлялись и были покинуты почти безъ взрывовъ. Здѣсь тоже обнаружилась измѣна и преступная халатность командованія и военного министерства: крѣпости были сооружены скверно, кирпичные форты оказались никуда не годными, а коменданты крѣпостей были не на мѣстѣ. Генераль Григорьевъ по глупости или сознательно сдалъ ковенскую крѣпость, почти не защищаясь. А между тѣмъ про эту крѣпость депутатъ Савичъ говорилъ въ комиссіи обороны: «Ковно — это такой орѣшекъ, который нѣмцы не скоро раскусятъ». вмѣсто «орѣшка» оказался картонный домикъ.

Еще въ концѣ апрѣля нѣмцы одновременно съ наступленіемъ въ Галиціи стали нажимать въ Прибалтійскомъ краѣ и, хотя и съ трудомъ, заняли Шавли, Либаву и Митаву, стремясь прорваться къ Ригѣ. Вильно было въ рукахъ непріятеля, который велъ атаки на Двинскъ. На югѣ мы имѣли успѣхъ у Тарнополя и предупредили наступленіе, которое угрожало Кіеву. Въ Кіевѣ была уже паника, началась эвакуація и населеніе, собиравшееся бѣжать, задерживалось съ посѣвомъ озимыхъ. Въ подольской губерніи копались окопы и не на штуку готовились уходить въ глубь страны, ожидая только распоряженія властей.

Вѣра въ в. к. Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность команднаго состава, отсутствіе плана, отступленіе, граничащее съ бѣгствомъ, — все доказывало бездарность начальника штаба при Верховномъ генерала Янушкевича. Великій князь долженъ былъ давно замѣнить его Алексѣевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба у генерала Иванова во время нашего наступленія въ Галиціи, а затѣмъ главнокомандующимъ западнаго фронта. На этомъ имени сходились рѣшительно всѣ. Я писалъ объ этомъ великому князю, горячо убѣждая его отставить Янушкевича и взять на его мѣсто Алексѣева.

Между тѣмъ стали усиливаться слухи, что Царь хочетъ отстранить в. к. Николая Николаевича и самъ принять верховное командованіе. Говорили, что это желаніе Императрицы, что она ненавидитъ великаго князя и хочетъ отстранить Государя отъ руководства внутренними дѣлами, чтобы во время его нахождения въ Ставкѣ распоряжаться въ тылу самой. Желаніе удалить Николая Николаевича считалось въ думскихъ кругахъ и въ обществѣ большой ошибкой. Легко можно было себѣ представить всѣ послѣдствія подобнаго безумства. Подъ вліяніемъ неудачъ въ народѣ уже и безъ того на ряду съ правдой распространялись самые вздорные слухи и все чаще и чаще называлось имя Царицы. Надо было что то предпринимать, чтобы предупредить надвигавшееся несчастье. Ясно было, что Горемыкинъ зналъ о рѣшеніи Государя, но скрывалъ, не смѣя и не желая противодействовать тому, что приготавлилось во дворцѣ. Нужно сказать, что въ это время послѣ моихъ поѣздокъ въ Царское и въ Ставку къмъ то были пущены слухи, что я буду назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Поэтому отношенія съ Горемыкинымъ сдѣлались болѣе натянутыми. Но въ такую минуту нельзя было объ этомъ думать и я рѣшилъ убѣдить Горемыкина и предсѣдателя Г. Совѣта отправиться къ Государю, чтобы просить отмѣнить свое рѣшеніе и оставить в. к. Николая Николаевича. Передъ этимъ я хотѣлъ переговорить съ Кривошеиннымъ и позвонилъ къ нему на Елагинъ. Онъ очень непріятнымъ тономъ заявилъ, что занять и не можетъ меня принять. Тогда я категорически ему отвѣтилъ, что время не терпитъ, что мнѣ надо видѣть предсѣдателя совѣта министровъ и его, Кривошеина, и что я сейчасъ же пріѣду на Елагинъ. Встрѣтилъ меня Кривошеинъ съ плохо скрываемою злой усмѣшкой, которая выдавала его опасенія:

— Вы, вѣроятно, пріѣхали, чтобы предсѣдательствовать надъ нами?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — надъ вами я никогда не буду предсѣдательствовать.

Предложеніе оказать противодействіе рѣшенію Государя, конечно, было отвергнуто. Горемыкинъ говорилъ въ томъ же духѣ, что и Кривошеинъ, ссылаясь на священную волю Императора, на то, что онъ не можетъ вмѣшиваться въ военныя дѣла и прочее. Я поѣхалъ къ предсѣдателю Г. Совѣта Куломзину, повторилъ ему тѣ же доводы, но тотъ тоже отказался и въ разговорѣ все вспоминалъ, какъ звали вельможу, который въ двѣнадцатомъ году колѣнопреклоненно просилъ Александра I не брать на себя командованіе арміей, а призвать Куту-

зова. Оставалось послѣднее средство—самому испросить аудіенцію и умолять Государя.

Кн. З. Н. Юсупова ѣздила къ Императрицѣ матери и просила повліять на сына, который долженъ былъ явиться къ ней объявить свое рѣшеніе.

На приѣмѣ въ Царскомъ я передалъ Государю о желаніи всѣхъ видѣть на мѣстѣ Янушкевича генерала Алексѣева. Въ отвѣтъ на это къ своему ужасу я услышалъ:

— Я рѣшилъ безповоротно удалить в. к. Николая Николаевича и стать самому во главѣ войскъ.

— На кого вы, Государь, поднимаете руку? Вы, верховный судья, а если будутъ неудачи, кто будетъ васъ судить? Какъ можете вы становиться въ подобное положеніе и покидать столицу въ такое время? Вѣдь, въ случаѣ неудачъ опасность можетъ угрожать и вамъ, Государь, и всей династіи.

Государь не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ и твердо заявилъ:

— Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россію*).

Послѣ аудіенціи я отправилъ Государю пространное письмо, еще разъ повторяя свои доводы и еще разъ умоляя отказаться отъ своего рѣшенія.

21 августа во дворцѣ было первое засѣданіе соединенныхъ Особыхъ Совѣщаній, первое послѣ того, какъ этотъ законъ прошелъ въ Думѣ. Предсѣдательствовалъ Государь, сказавшій хорошую рѣчь. Отъ имени Думы я отвѣчалъ Государю. 23 августа былъ изданъ приказъ по арміи и флоту, гдѣ Государь объявлялъ о своемъ рѣшеніи стать во главѣ войскъ. Многіе были въ паникѣ отъ этого акта. Къ намъ приѣзжала кн. З. Н. Юсупова и со слезами говорила женѣ: «Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели: онъ приведетъ насъ къ революціи».

Вопреки общему страху и ожиданіямъ, въ арміи эта перемена не произвела большого впечатлѣнія. Можетъ быть, это сглаживалось тѣмъ, что стали усиленно поступать снаряды и армія чувствовала болѣе увѣренности.

Образованіе въ Думѣ и въ Г. Совѣтѣ блока и рѣдкія рѣчи съ критикой правительства естественно не нравились Горемыкину и онъ сталъ готовить Государя къ необходимости распустить Думу. Отношенія между Думой и правительствомъ особенно обострились послѣ того, когда Дума приняла законопроектъ объ Особыхъ Совѣщаніяхъ при министрахъ, расширивъ его своими поправками, и перешла къ законопроекту о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ. Правительство внесло этотъ законопроектъ въ такомъ видѣ, какъ будто умышленно хотѣло дискредитировать Думу: онъ былъ такъ составленъ, что Дума должна была бы его отвергнуть и тогда можно было бы сказать, что Дума за нѣмцевъ. Принять этотъ законопроектъ въ редакціи правительства

*) М. В. Родзянко нѣсколько разъ рассказывалъ про эту сцену и про свои тогдашнія переживанія. Вернулся онъ изъ Царскаго совершенно разбитымъ потрясенный настойчивостью Царя, и съ нимъ сдѣлался сердечный припадокъ.

было невозможно, потому что онъ касался главнымъ образомъ колонистовъ, т. е. земельныхъ собственниковъ, которыхъ не слѣдовало возбуждать во время войны. Кромѣ того выселеніе цѣлаго ряда колонистовъ повлекло бы за собой уменьшеніе посѣвной площади на югѣ Россіи. Инженеры, администрація заводовъ, крупные торговцы, банкиры и другіе вліятельные и гораздо болѣе опасные нѣмцы въ законопроектѣ вовсе не упоминались.

Государь уѣхалъ въ армію, а дѣлами внутренней политики стала распоряжаться Императрица. Министры, особенно И. Л. Горемыкинъ, ѣздили къ ней съ докладами и создавалось впечатлѣніе, что она негласно была назначена регентшей. Вскорѣ послѣ отъѣзда Государя Горемыкинъ отправился въ Ставку и заручился согласіемъ на роспускъ Думы.

27 августа въ засѣданіи совѣта министровъ Горемыкинъ поднялъ вопросъ о необходимости роспуска Думы, говоря, что она нервируетъ общество и мѣшаетъ правительству работать. Между тѣмъ Дума была въ это время занята обсужденіемъ цѣлаго ряда неотложныхъ вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ войной, какъ законопроекты о бѣженцахъ, о нѣмецкомъ засиліи и др. Обновленный составъ министровъ не соглашался съ мнѣніемъ Горемыкина, котораго поддерживалъ только министръ юстиціи Хвостовъ. Когда же Горемыкинъ заявилъ, что онъ уже заручился принципиальнымъ согласіемъ Государя, то министры предлагали, чтобы не возбуждать слишкомъ страну, найти компромиссъ, сговориться съ предсѣдателемъ Думы, чтобы тотъ по собственной инициативѣ прервалъ засѣданіе подъ предлогомъ необходимости для депутатовъ принять участіе въ выборахъ въ Г. Совѣтъ отъ земства. Но Горемыкинъ отвергъ всякіе компромиссы и, никому не сказавшись, вторично поѣхалъ въ Ставку, откуда привезъ готовый указъ о роспускѣ. Когда на вторичномъ засѣданіи совѣта министровъ онъ объявилъ, что имѣетъ указъ о роспускѣ, министры возмутились и рѣзко упрекали его, что онъ ѣздилъ въ Ставку за такимъ важнымъ рѣшеніемъ, не сговорившись предварительно съ ними. Горемыкинъ попробовалъ прервать засѣданіе и прекратить пренія, а когда это не удалось — покинулъ засѣданіе и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Оставшіеся безъ предсѣдателя министры приняли рѣшеніе корпоративно подать въ отставку: Поливановъ и Щербатовъ вызвались отправиться къ Государю, а другіе передали имъ свои письменныя заявленія и поручили заявить, что съ Горемыкинымъ они служить не могутъ.

Въ тѣ дни Горемыкинъ чуть не ежедневно вдохновлялся въ Царскомъ у Императрицы, гдѣ вновь цѣликомъ находились подъ вліяніемъ Распутина. Жена Горемыкина сдѣлалась открытой сторонницей Распутина и не стѣснялась объ этомъ говорить. На приѣмѣ министровъ въ Ставкѣ Государь взялъ привезенныя Поливановымъ и Щербатовымъ прошенія, разорвалъ ихъ на мелкіе клочки и сказалъ: «Это мальчишество. — Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логиновичу я вѣрю». Щербатовъ и Поливановъ уѣхали ни съ чѣмъ, а Горемыкинъ почувствовалъ еще большую силу.

2 сентября вечером Горемыкинъ вызвалъ меня по телефону, сказалъ, что имѣеть важное дѣло, но усталъ и просить къ нему пріѣхать. У меня въ этотъ вечеръ было довольно много членовъ Думы, которые обсуждали упорно ходившіе слухи, что Горемыкинъ собирается распустить Думу. Это казалось настолько невѣроятнымъ и невозможнымъ, что когда они узнали о телефонномъ разговорѣ, то выразили увѣренность, что предсѣдатель совѣта министровъ просить пріѣхать, чтобы опровергнуть эти слухи. Однако Горемыкинъ сразу огорошилъ меня, передавая указъ:

— Вотъ указъ о перерывѣ занятій Думы, — встрѣтилъ онъ меня, — завтра вы его прочтете.

Разсерженный, я рѣзко сказалъ:

— Удивляюсь, что вы меня потревожили, чтобы передать такое неприятное извѣстіе: это можно было сдѣлать и по телефону.

Больше ничего не было сказано. Очевидно Горемыкинъ умышленно спѣшилъ съ роспускомъ, чтобы не дать сговориться членамъ Думы и чтобы въ случаѣ рѣзкихъ рѣчей воспользоваться этимъ и распустить Думу совсѣмъ. Ожидавшіе у меня на квартирѣ депутаты были ошеломлены и возмущены; рѣшено было тотчасъ же предупредить всѣхъ лидеровъ партій и просить ихъ собраться въ Думу на утро вмѣсто одиннадцати къ девяти часамъ.

Я былъ въ Думѣ уже въ восемь утра. Сейчасъ же собрали сенаторенъ конвентъ, на которомъ вылилось все возмущеніе. Негодованіе было очень велико и нѣкоторые готовились выступить чуть ли не съ революціонными рѣчами, съ заявленіями о нежеланіи расходиться и объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ. Потребовалось не мало спокойствія и краснорѣчія, чтобы убѣдить наиболѣе горячихъ, не давать волю своему раздраженію, не губить Думу и страну и не играть въ руку Горемыкину. Мнѣ много помогъ Дмитрюковъ: блѣдный, онъ дошелъ даже до обморока*). Къ счастью, и Милюковъ соглашался съ моими доводами и обѣщалъ убѣдить свою фракцію отказаться отъ всякихъ рѣзкостей. Я умышленно затягивалъ открытіе засѣданія, чтобы во фракціяхъ выговорились, излили негодованіе и успѣли остыть. Наканунѣ, когда я узналъ объ указѣ, я тоже прошелъ черезъ такое же настроеніе возмущенія и злобы.

Когда въ одиннадцать часовъ засѣданіе было открыто, въ залѣ стоялъ такой гулъ, какого никогда не бывало: точно шумѣлъ огромный потревоженный улей. Волненіе депутатовъ передалось и на хоры въ публику, гдѣ повидимому ожидали, что Дума не проявитъ выдержки и что произойдутъ какія то событія. Офицеры въ публикѣ сидѣли блѣдные: объ этомъ передавали пристава и знакомые. Казалось, что Дума не можетъ не отвѣтить на брошенный ей вызовъ, на оскорбительный перерывъ занятій въ то время, когда была занята серьезными неотложными проектами, касающимися войны.

Тѣмъ болѣе вышло красиво и торжественно, когда началось совершенно спокойное засѣданіе: гулъ прекратился и въ воцарившейся тишинѣ чувствовалось приближеніе момента огромнаго значенія. Чте-

*) Вскорѣ послѣ переворота И. И. Дмитрюковъ застрѣлился.

ніе указа было выслушано при полномъ молчаніи, а когда я, по обыкновенію, провозгласилъ: «Государю Императору ура», — депутаты какъ всегда добросовѣстно громко прокричали «ура» и медленно стали расходиться. Молча расходилась и публика и всѣ сразу почувствовали какую то увѣренность, всѣмъ вдругъ стало ясно, что такъ именно и слѣдовало поступить, что правительство мелочно, хотѣло вызвать волненіе, а Дума оказалась выше этой провокаціи и явила примѣръ государственной мудрости.

Такъ же отвѣтили и общественныя организациі: въ Москвѣ городской голова Челноковъ обратился съ воззваніемъ къ рабочимъ, приглашая ихъ спокойно продолжать свой трудъ, необходимый для войны. На земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ по всей Россіи стали выносить резолюціи, въ которыхъ обращались къ Государю съ просьбой внять народному желанію и назначить правительство, облеченное твердой властью и пользующееся довѣріемъ страны. Тонъ дало московское Дворянское собраніе, которое постановило даже послать въ Ставку выборныхъ лицъ для доклада Государю. Къ сожалѣнію, Государь ихъ не принялъ. Казалось, что вся Россія проситъ Царя объ одномъ и томъ же и что нельзя не понять и не прислушаться къ моленію изстрадавшейся земли.

Я отправилъ въ Ставку всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ старался доказать, что необходимо удалить Горемыкина и прислушаться къ голосу страны, которая принесла столько жертвъ и заслужила, чтобы съ ней считались.

Однако, нашлись люди, которые поспѣшили ослабить впечатлѣніе единодушнаго порыва: предсѣдатель совѣта объединеннаго дворянства Струковъ какъ бы отъ лица всего дворянства написалъ Государю письмо о томъ, что положеніе вовсе не такъ ужасно, какъ это желаютъ представить нѣкоторые круги, что народъ попрежнему довѣряетъ правительству и что всѣ дворяне готовы положить свою жизнь и свои силы на исполненіе воли тѣхъ, кого Царь призналъ нужнымъ призвать къ власти. Письмо это нѣкоторое время не было извѣстно въ общественныхъ кругахъ, а когда оно получило огласку и дворянскія депутатскія собранія стали обсуждать поступокъ Струкова и выносить ему порицаніе, — было уже поздно. Резолюція вѣрноподданныхъ, просящихъ призвать къ власти людей твердой воли и пользующихся довѣріемъ были представлены Струковымъ, какъ революціонныя выступленія и послѣдовавшія затѣмъ объясненія дворянъ, что Струковъ не былъ никѣмъ уполномоченъ, — не возымѣли дѣйствія.

Вмѣсто призыва къ власти людей, облеченныхъ довѣріемъ страны, пришлось уйти популярнымъ министрамъ Самарину и Щербатову; предполагавшійся же не позже ноября созывъ Думы все откладывался и откладывался.

Отставка Самарина произошла по слѣдующему поводу. Тобольскій епископъ Варнава нашелъ въ это время въ своей епархіи мощи какого то Іоанна и, не ожидая канонизаціи Синода, сталъ служить ему молебны какъ святому. По представленію Самарина Синодъ разсмотрѣлъ это дѣло и постановилъ вызвать епископа Варнаву для объясненія въ Петроградъ. Варнава явился, пришелъ на засѣданіе, но объ-

ясненій давать не пожелалъ, а коротко сказалъ: «Мнѣ съ вами не о чемъ разговаривать...» Покинулъ засѣданіе и скрылся такъ, что долго не могли узнать его мѣстожителство. Варнава въ это время жилъ на квартирѣ князя Андронникова, одного изъ распутинскихъ друзей. Самаринъ хотѣлъ возбудить новое дѣло о неповиновеніи епископа и лишеніи его сана, но Синоду дано было понять, чтобы Варнаву не трогали. А Варнава представилъ собственноручное письмо Государя, въ которомъ было дано разрѣшеніе служить святому Іоанну торжественные молебны, что противорѣчило всякимъ каноническимъ правиламъ. Тогда Самаринъ поѣхалъ къ Государю, находившемуся въ Царскомъ селѣ, съ подробнымъ докладомъ. Такъ какъ письменный докладъ былъ очень длиненъ, то онъ спросилъ Государя, не желаетъ ли тотъ лучше выслушать отъ него устное сообщеніе. вмѣсто отвѣта Государь напомнилъ, что Самаринъ долженъ торопиться въ засѣданіе совѣта министровъ, оставилъ его письменный докладъ у себя, сказавъ, что на досугѣ ознакомится съ нимъ. Самаринъ уѣхалъ, явился въ засѣданіе, но не успѣлъ принять въ немъ участія, какъ его отозвалъ въ сторону Горемыкинъ и передалъ полученное письмо отъ Государя, въ которомъ ему поручалось предупредить Самарина, что тотъ отставленъ отъ должности оберъ-прокура Синода.

Самаринъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ на дворянскомъ собраніи ему устроили торжественную встрѣчу, перешедшую въ оваціи.

Вскорѣ послѣ Самарина ушелъ по своему желанію и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Щербатовъ. Онъ откровенно говорилъ, что ему опротивѣли интриги, что при создавшейся обстановкѣ ничего полезнаго сдѣлать нельзя.

Вмѣсто Самарина назначенъ былъ Волжинъ, человекъ ничѣмъ особенно незамѣчательный, а вмѣсто Щербатова — членъ Г. Думы изъ правыхъ Хвостовъ. Онъ заявилъ въ газетныхъ интервью о своемъ желаніи заслужить довѣріе общественныхъ круговъ и принялся бороться съ дороговизной. Онъ поѣхалъ въ Москву, устроилъ тамъ разгрузку вагоновъ съ помощью гарнизона, нашумѣлъ, заставилъ о себѣ говорить и на первыхъ порахъ какъ будто что то и сдѣлалъ. Со мной онъ былъ весьма любезенъ, часто посѣщалъ меня и между прочимъ упоминалъ о своей борьбѣ съ Распутинымъ: онъ находилъ, что съ его вліяніемъ нужно бороться его же оружіемъ и упомянулъ, что хочетъ продвинуть во дворецъ монаха Мардарія. Распутинъ же онъ рассчитывалъ обезвредить тѣмъ, что поручилъ его спаивать и будто бы даже далъ для этого пять тысячъ изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ это время въ городахъ стали обнаруживаться недохваты то того, то другого продукта, отчасти вслѣдствіе наплыва бѣженцевъ, но больше отъ нераспорядительности правительства. Для борьбы съ дороговизной придумали таксы, одинаковыя для оптовиковъ и мелкихъ торговцевъ; таксы эти часто были ниже покупной цѣны и, чтобы не остаться въ убыткѣ, торговцы прятали товары, а потомъ продавали изъ подъ полы. Дороговизнѣ много способствовали непорядки

на желѣзныхъ дорогахъ и главнымъ образомъ невѣроятное взяточничество. Накладные расходы по перевозкѣ часто превышали стоимость товара. Назначенный вмѣсто Рухлова министръ путей сообщенія А. Э. Треповъ только еще хуже запуталъ дѣло, такъ какъ, по собственному признанію, никогда никакого отношенія къ министерству путей сообщенія не имѣлъ. Окончилось тѣмъ, что Петрограду сталъ угрожать голодъ. Тогда совѣтъ министровъ рѣшилъ на шесть дней прекратить движеніе пассажирскихъ поѣздовъ между Москвой и Петроградомъ для беспрепятственнаго движенія товарныхъ. Эта мѣра, однако, нисколько не помогла, потому что одновременно не позаботились организовать усиленнаго подвоза къ Москвѣ изъ другихъ мѣстъ. Пассажирское движеніе было остановлено, а товарные вагоны вернулись изъ Москвы наполовину пустые. Можно было предположить, что вмѣсто дѣла министры хотѣли показать только свое усердіе. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ все шло хуже и не оставалось сомнѣній, что правительство не умѣетъ и не можетъ справиться съ организаціей тыла.

Между тѣмъ въ Особомъ Совѣщаніи шла усиленная работа по снабженію арміи и были достигнуты крупные результаты. Земства и военнопромышленные комитеты много помогали и, несмотря на препятствія, чинимыя правительствомъ, поставки въ армію снарядовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ это время въ Особомъ Совѣщаніи произошло событіе, въ которомъ ярко вылилось пагубное вліяніе безответственныхъ лицъ даже въ дѣлѣ снабженія арміи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ, работавшихъ на оборону, былъ Путиловскій. Главный акціонеръ завода — Путиловъ, онъ же директоръ Русско-Азіатскаго банка, желая получить субсидію въ тридцать шесть милліоновъ отъ казны, прибѣгнулъ къ слѣдующему: Русско-Азіатскій банкъ закрылъ кредитъ Путиловскому заводу. Тогда дирекція завода обратилась къ правительству съ требованіемъ субсидіи, грозя иначе остановить заводъ. Такъ какъ заводъ работалъ для войны, то естественно было ожидать, что передъ ассигновкой не остановятся, хотя бы и въ тридцать шесть милліоновъ. Для людей освѣдомленныхъ ясна была закулисная сторона всей этой исторіи. Вмѣсто субсидіи я предложилъ просто секвестровать заводъ. Рѣшеніе о наложеніи секвестра было принято въ Совѣщаніи почти единогласно, но неожиданно получилось Высочайшее приказаніе вновь пересмотрѣть вопросъ. Это было сдѣлано съ помощью того же Распутина, съ которымъ Путиловъ на всякій случай поддерживалъ хорошія отношенія. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ засѣданіи всѣ представители министровъ голосовали противъ секвестра, а одинъ изъ нихъ, адмиралъ Гирсъ, всталъ и открыто заявилъ: «Мнѣ приказано голосовать противъ». Голоса членовъ Думы и Совѣта подѣлились. Лучшие и самые стойкіе, къ сожалѣнію, отсутствовали по разнымъ «уважительнымъ причинамъ». Секвестръ былъ отмѣненъ, я оказался почти въ одиночествѣ: сила золота меня побѣдила*).

*) Проходя мимо группы голосовавшихъ за отмѣну секвестра, М. В. Родзянко прозвездъ такъ, что всѣ слышали: „Все куплю, — сказало злато“.

Вопросъ съ Путиловскимъ заводомъ былъ не единичнымъ и Совѣщанію постоянно приходилось сталкиваться съ безотвѣтственными вліяніями и препятствіями, стоявшими на его пути.

Съ начала войны въ Лондонѣ былъ созданъ комитетъ для объединенія нашихъ военныхъ заказовъ заграницей. Въ составъ этого комитета входилъ цѣлый рядъ промышленниковъ, какъ англійскихъ, такъ и русскихъ, а предсѣдательствовалъ сначала в. к. Михайлъ Михайловичъ, а впослѣдствіи генераль Гермоніусъ. Комитетъ этотъ дѣйствовалъ совершенно безконтрольно до созданія Особого Совѣщанія. Когда комитетъ учреждался, англійское правительство поставило условіемъ, чтобы всѣ заграничные заказы для нашихъ военныхъ нуждъ проходили черезъ комитетъ: такимъ образомъ мы не были хозяевами положенія, а находились въ зависимости отъ желаній и произвола англійскихъ промышленниковъ. Заказы въ Америкѣ запаздывали, создавались постоянныя неожиданныя осложненія и безконечные переговоры. Суда, которые доставляли заказы, конвоировались для огражденія на случай нападенія нѣмцевъ англійскими крейсерами. Придравшись къ этому, англичане предложили, чтобы весь нашъ торговый флотъ перешелъ въ ихъ распоряженіе, якобы для удобства и объединенія командованія. Если бы на это согласились, мы отказались бы отъ нашего торговаго флота и попали въ тяжелую англійскую кабалу. Ставка Верховнаго главнокомандующаго признала это соглашеніе возможнымъ. Я поднялъ вопросъ въ Особомъ Совѣщаніи на засѣданіи 2 января 1916 года, доказывая, что этотъ договоръ не можетъ миновать Особое Совѣщаніе: поданное мною особое мнѣніе поддержалъ только одинъ Гурко, а остальные остались въ сторонѣ, вѣроятно, потому, что это было бы противъ желанія Государя. Послѣ засѣданія ко мнѣ пріѣхалъ англійскій посоль Бьюкэнень и военный агентъ Ноксъ. Я имъ откровенно заявилъ, что англичане пользуются нашимъ положеніемъ и вынуждаютъ у Государя согласіе на завѣдомо невыгодныя для Россіи сдѣлки: «Это вымогательство, это недостойно великой націи и союзницы, русскій народъ не можетъ снести такого униженія и объ этомъ придется говорить съ кафедры Думы».

На ближайшемъ докладѣ у Государя я повторилъ то же самое. Англичане больше не настаивали и ихъ предложеніе заглохло. Одновременно министръ Григоровичъ, предвидя осложненія съ Англійей, вель переговоры съ Японіей. Переговоры увѣнчались успѣхомъ и Японія за возмѣщенные ей расходы по ремонту вернула намъ потопленные въ японскую войну крейсера: «Варягъ», «Пересвѣтъ» и «Полтаву». Послѣ продолжительнаго путешествія мимо Африки, которое держалось въ строгой тайнѣ, крейсера дошли до Архангельска и у насъ оказалась собственная охрана торговаго флота.

При перерывѣ занятій Думы въ указѣ было упомянуто, что Дума будетъ созвана не позже ноября; судя же по поведенію Горемыкина, можно было вѣрить упорно ходившимъ слухамъ, что не только въ ноябрѣ, но и позже Думу едва ли созовутъ. Дѣйствительно, ноябрь уже подходилъ къ концу, а о созывѣ ничего не было слышно. Занятія бюд-

жетной комиссіи шли полнымъ ходомъ. Депутаты волновались и просили выяснитъ положеніе. На аудіенціи у Государя я снова говорилъ о Горемыкинѣ, который мѣшаетъ работатъ, тормозитъ дѣятельность тыла, рассказалъ о роли банковъ въ заводскихъ поставкахъ. Когда я просилъ ускоритъ созывъ Думы, Государь отвѣтилъ: «Да, хорошо, я поговорю объ этомъ съ Иваномъ Логиновичемъ».

Не успѣлъ я вернуться изъ Царскаго, не прошло и получаса, какъ я получилъ Высочайшій рескриптъ. Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Думы говорилось о плодотворной работѣ бюджетной комиссіи и о томъ, что по окончаніи этихъ работъ послѣдуетъ докладъ предсѣдателя Думы и созывъ законодательныхъ палатъ. Рескриптъ ставилъ меня въ совершеннѣйшій тупикъ: бюджетная комиссіа всегда работала параллельно съ общими собраніями Думы и для возобновленія занятій не требовалось никакого окончанія работъ комиссіи. Рескриптъ послѣдовалъ послѣ данной мнѣ аудіенціи и выходило такъ, будто вопросъ обсуждался на аудіенціи и было достигнуто какое то соглашеніе. На самомъ дѣлѣ это была очередная хитрость Горемыкина, желавшаго уронить предсѣдателя Думы въ глазахъ народнаго представительства. Депутаты, конечно, были удивлены, но едва ли кто могъ повѣрить, что отсрочка произошла съ моего согласія. Одновременно начались толки о томъ, что предсѣдатель Думы долженъ получить какую то высокую награду. Толки оправдались и 6 декабря я узналъ о пожалованіи мнѣ Анны первой степени. Надо сказать, что раньше безъ моего вѣдома министръ Поливановъ представлялъ меня къ наградѣ за особыя заслуги по снабженію арміи, но тогда въ наградѣ было отказано. Теперь же она была дана очевидно для того, чтобы подчеркнуть мнимую сговорчивость и уступчивость въ вопросѣ о созывѣ. А для того, чтобы не было сомнѣній, что орденъ дается не за труды по Особому Совѣщанію въ указѣ было сказано, что награждается «попечитель Новомосковской мужской гимназіи», — значитъ, не предсѣдатель Думы.

ХІ

Забастовки. Изобрѣтатель Братолюбовъ и г-жа Брасова. Письмо Горемыкину. Фрейлина М. А. Ваасильчикова. Пашичъ и Спалайковичъ въ Петроградѣ.

Положеніе въ странѣ ухудшилось. Спекуляція, взятки, бѣшеное обогащеніе ловкихъ людей, все это достигало неимовѣрныхъ размѣровъ. Одновременно возрастала дороговизна въ городахъ вслѣдствіе неорганизованности подвоза, а на заводахъ, работавшихъ на оборону, начались забастовки, сопровождавшіяся арестами и чаще всего тѣхъ рабочихъ, которые стояли за порядокъ и были противъ прекращенія работъ.

Съ нѣсколькими членами Думы я отправился на Путиловскій заводъ, чтобы ознакомитъ съ выполненіемъ заказовъ и попытаться переговорить съ рабочими. Рабочіе отнеслись къ намъ съ большимъ вниманіемъ, говорили откровенно и увѣряли, что забастовка вовсе не политическая, а вызвана несоотвѣтствіемъ платы съ возрастаніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Послѣ переговоровъ съ администраціей справедливыя требованія рабочихъ были удовлетворе-

ны, но какъ нарочно вскорѣ затѣмъ были арестованы именно тѣ рабочіе, которые особенно много говорили со мной и съ депутатами. Аресты вызвали новыя волненія и только послѣ энергичныхъ настояній рабочіе были освобождены.

Приблизительно въ декабрѣ того же года всплыла исторія съ Братолюбовымъ. Этотъ Братолюбовъ явился къ великому князю Михаилу Александровичу и объявилъ ему, что онъ изобрѣлъ особые аппараты для выбрасыванія горючей жидкости на большія разстоянія. Для осуществленія изобрѣтенія ему были нужны станки, которые якобы слѣдовало выписать изъ Америки. На этотъ предметъ изобрѣтатель просилъ не болѣе, какъ одиннадцать милліоновъ долларовъ, что составляло тогда около тридцати милліоновъ рублей. Заручившись протекціей супруги великаго князя г-жи Брасовой, Братолюбовъ сумѣлъ повліять на Михаила Александровича, тотъ поѣхалъ къ Государю, а Государь подписалъ рескриптъ на имя великаго князя, разрѣшая этимъ рескриптомъ Братолюбову брать изъ государственнаго банка деньги по мѣрѣ надобности.

По желанію великаго князя была устроена проба этихъ аппаратовъ. Результаты получились самые отрицательные: горючая жидкость на большія разстоянія не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человѣкъ солдатъ, приставленныхъ къ аппарату. Помощникъ военнаго министра Лукомскій доложилъ объ этой исторіи Поливанову. Поливановъ поскакалъ къ великому князю и объяснилъ ему, что всѣ ассигновки на военные заказы должны проходить черезъ Особое Совѣщаніе и военнаго министра. Великій князь призналъ свою ошибку и искренно извинялся, и тотчасъ поѣхалъ къ Государю, послѣ чего были приняты мѣры, чтобы Братолюбову не выдавались деньги. Оказалось, однако, что смѣлый изобрѣтатель уже успѣлъ побывать въ банкѣ, а когда тамъ усумнились въ правильности его требованія, онъ показалъ фотографію съ рескрипта на имя великаго князя Михаила Александровича. Въ банкѣ ему выдали около двухъ милліоновъ рублей. Впослѣдствіи выяснилось, что за спиной Братолюбова стояла цѣлая шайка аферистовъ, стремившихся пожить на государственнй счетъ. Братолюбовъ былъ разоблаченъ, но зато Лукомскаго скоро отставили отъ должности помощника военнаго министра. Передавали, что отставка Лукомскаго находится въ прямой связи съ дѣломъ Братолюбова.

Въ началѣ декабря въ Петроградъ пріѣхалъ предсѣдатель земскаго союза князь Львовъ. Онъ посѣтилъ меня и до трехъ часовъ ночи сидѣлъ и рассказывалъ о томъ, что настроенія въ Москвѣ становятся совершенно революціонными: самые благонамѣренные люди открыто говорятъ о развалѣ власти и, не стѣсняясь, упрекаютъ во всемъ Царя и Царицу.

Какъ разъ въ это время былъ удаленъ съ фронта и остался не у дѣлъ генералъ Рузскій: никто не вѣрилъ въ его болѣзнь и всѣ были убѣждены, что онъ обязанъ опалой нѣмецкой партіи, которой не

нравилась его строгости въ Прибалтійскомъ краѣ На мѣсто Рузскаго былъ назначенъ Плеве.

Общее негодованіе на наши непорядки обрушивалось на Горемыкина, котораго считали главнымъ виновникомъ разрухи и который на всѣ обращенія къ нему по поводу войны, неизмѣнно отвѣчалъ: «Война меня не касается, это дѣло военнаго министра». На выраженіе общественнаго негодованія Горемыкинъ оставался совершенно равнодушнымъ.

Всѣ просьбы и убѣжденія, обращенныя къ Государю объ удаленіи Горемыкина, оставались безрезультатными. Послѣ бесѣды съ княземъ Львовымъ и подъ вліяніемъ разсказовъ въ засѣданіи Особаго Совѣщанія о вопіющихъ безобразіяхъ въ тылу, я рѣшилъ написать лично Горемыкину. Я писалъ тутъ же въ засѣданіи Особаго Совѣщанія. Вотъ это письмо:

«Милостивый государь Иванъ Логиновичъ. Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыя обнаружили въ только что происходившемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ и касаются катастрофическаго положенія вопроса о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ еще въ Особомъ Совѣщаніи перваго созыва, ему посвящены работы особой комиссіи, но дальше разговоровъ, справокъ и вычисленій дѣло не пошло и катастрофа, которая тогда предвидѣлась, нынѣ наступила.

Подробности о положеніи заводовъ, работающихъ на оборону, которые должны при создавшихся условіяхъ остановиться, а также соображенія о надвигающемся голодѣ населенія въ Петроградѣ и въ Москвѣ и возможныхъ въ связи съ этимъ беспорядкахъ, — несомнѣнно уже сообщены вамъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія. Мнѣ, какъ всѣмъ членамъ Совѣщанія, стало яснымъ, что отечество наше вѣрными шагами идетъ къ пропасти, благодаря полной апатіи правительственной власти, которая не принимаетъ никакихъ дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію грядущихъ грозныхъ событій. Я считаю, что совѣтъ министровъ, предсѣдательствуемый вами, обязанъ безотлагательно проявить ту заботливость о судьбѣ Россіи, которая является его государственнымъ долгомъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ предвидѣли все случившееся нынѣ еще полгода назадъ и вы, Иванъ Логиновичъ, не можете отрицать, что обо всемъ этомъ я лично неоднократно ставилъ васъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что слышалъ, однако, одно и то же увѣреніе, что это не ваше дѣло и что вы въ дѣла войны вмѣшиваться не можете.

Нынѣ такіе отвѣты уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а въ тылу нашей доблестной и многострадальной арміи растетъ общее разстройство всѣхъ проявленій народной жизни и удовлетворенія первѣйшихъ потребностей страны. Бездѣятельностью власти угнетается побѣдный духъ народа и вѣра его въ свои силы.

Вашъ первѣйшій долгъ немедленно, не теряя минуты, проявить наконецъ всю полноту заботъ объ устраненіи препятствій, мѣшающихъ достиженію побѣды. Мы, члены Г. Думы, имѣемъ только совѣщательный голосъ, не можемъ принять на себя отвѣтственность за неизбѣжную катастрофу, о чемъ я и заявляю вамъ категорически

Если совѣтъ министровъ не приметъ наконецъ тѣхъ мѣръ, которыя возможны и которыя спасли бы родину отъ позора и униженія, то отвѣтственность падаетъ на васъ. Если вы, Иванъ Логиновичъ, не чувствуете въ себѣ силъ нести это тяжелое бремя и не используете всѣ имѣющіяся средства, чтобы помочь странѣ выйти на стезю побѣды,— то имѣйте мужество въ этомъ сознаться и уступить мѣсто болѣе молодымъ силамъ.

Насталъ рѣшающій моментъ, надвигаются грозныя событія, чреватая гибельными послѣдствіями для чести и достоинства Россіи. Не медлите, горячо прошу васъ: отечество въ опасности».

Письмо это я предварительно прочиталъ членамъ Думы, они одобрили его и оно было послано. Кто то изъ членовъ Думы безъ моего вѣдома переписалъ это письмо. Оно стало ходить по рукамъ и объ этомъ мнѣ сообщали потомъ съ разныхъ сторонъ. Получивъ письмо, Горемыкинъ прочиталъ его въ совѣтѣ министровъ, возмущался «рѣзкимъ тономъ» и заявилъ, что онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Послѣ полученія награды я испросилъ аудіенцію, но Государь отвѣтилъ, что онъ ѣдетъ на южный фронтъ и приметъ меня черезъ три недѣли. Это было въ концѣ декабря. Бюджетная комиссія уже закончила работу и депутаты настаивали на скорѣйшемъ созывѣ Думы. Не взирая на приближеніе праздника Рождества, я отправилъ докладъ объ окончаніи работъ комиссіи и вновь просилъ принять меня. Ходатайство было удовлетворено. На пріемѣ я поблагодарилъ Государя за награду, убѣждалъ немедленно созвать Думу, передалъ объ удручающемъ впечатлѣніи отъ происходившаго передъ тѣмъ съѣзда правыхъ и, не желая, чтобы были какіе кривотолки, показалъ отправленное Горемыкину письмо.

Никакихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ я не получилъ.

Ко всѣмъ волновавшимъ народъ событіямъ въ то время присоединились еще упорныя слухи, что Германія предлагаетъ намъ сепаратный миръ и что съ ней негласно начали вести переговоры. Это тѣмъ болѣе могло показаться правдоподобнымъ, что еще въ началѣ сентябрю я получилъ изъ Австріи отъ М. А. Васильчиковой очень странное письмо, въ которомъ она старалась убѣдить меня способствовать миру между воюющими странами. Письмо было достаточно неправильно написано по русски и производило впечатлѣніе, что оно переведено съ нѣмецкаго. На конвертѣ не было ни марки, ни почтоваго штемпеля. Принесъ его какой то неизвѣстный господинъ. Оказалось, что такія же письма были отправлены Государю, великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, в. к. Елизаветѣ Феодоровнѣ, А. Д. Самарину, князю А. М. Голицыну и министру Сазонову — всего въ семи экземплярахъ. Я тотчасъ же переслалъ письмо Сазонову, министръ сообщилъ, что и онъ получилъ такое же письмо и Государь также, и совѣтовалъ письмо бросить въ корзину, замѣтивъ, что онъ тотъ же совѣтъ далъ и Государю.

Я не могъ спросить Сазонова, какъ онъ терпитъ, чтобы Васильчикова сохраняла придворное званіе (она была фрейлиной Государынь Императрицъ).

Ко всеобщему изумленію М. А. Васильчикова въ декабрѣ появилась въ Петроградѣ. Ее встрѣчалъ спеціальнй поланнй въ Торнео, на границѣ и въ «Асторіи» для нея были приготовлены комнаты. Это рассказывалъ Сазоновъ, прибавившій, что по его мнѣнію распоряженіе было сдѣлано изъ Царскаго. Всѣ знакомые Васильчиковой отворачивались отъ нея, не желали ее принимать, зато въ Царское она ѣздила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопросъ о сепаратномъ мирѣ въ связи съ ходившими слухами былъ поднятъ въ бюджетной комиссіи, министръ внутреннкхъ дѣлъ Хвостовъ заявилъ, что дѣйствительно, кѣмъ то эти слухи распространяются, что подобный вопросъ не поднимался въ правительственныхъ кругахъ и что если бы это случилось — онъ ни на минуту не остался бы у власти. Послѣ этого я счелъ нужнымъ огласить въ засѣданіи письмо Васильчиковой и сообщилъ, что она находится въ Петроградѣ. Хвостовъ, сильно смущенный, долженъ былъ сознаться, что она дѣйствительно жила въ Петроградѣ, но уже выслана. Послѣ засѣданія частнымъ образомъ Хвостовъ рассказалъ, что на слѣдующій день послѣ своего появленія Васильчикова ѣздила въ Царское Село (къ кому, онъ не упомянулъ) и что онъ лично дѣлалъ у нея въ «Асторіи» обыскъ и въ числѣ отобранныхъ бумагъ нашелъ письмо къ ней Франца-Иосифа и свѣдѣнія, говорившія, что она была въ Потсдамѣ у Вильгельма, получила наставленія отъ Бетмана-Гольвега какъ дѣйствовать въ Петроградѣ, а передъ тѣмъ гостила цѣлый мѣсяцъ у принца Гессенскаго и привезла отъ него письма обѣимъ сестрамъ — Императрицѣ и в. к. Елизаветѣ Феодоровнѣ. Великая княгиня вернула письмо, не распечатывая. Это передавала гофмейстерина ея Двора графиня Олсуфьева.

Государь, какъ рассказывали, былъ очень недоволенъ появленіемъ Васильчиковой и велѣлъ выслать ее въ Сольвычегодскъ. Однако, Васильчикова преспокойно проживала въ имѣніи своей сестры Милорадовичъ въ Черниговской губерніи.

ХІІ

Питиримъ и Штюомеръ. Государь въ Г. Думѣ. Гнѣющее мясо и недостатокъ продовольствія. Проѣздъ Вивіани и Тома. На обѣдѣ у Штюрмера. Русская парламентская делегація. Проектъ Диктатуры.

14 января (1916 года) вновь назначенный петроградскій митрополитъ Питиримъ неожиданно позвонилъ по телефону, предупредивъ, что онъ желаетъ посѣтить предсѣдателя Думы.

Питиримъ, бывшій послѣдовательно епископомъ во многихъ губерніяхъ, а затѣмъ экзархомъ Грузіи, сумѣлъ черезъ Распутина втереться въ довѣріе къ Императрицѣ и былъ назначенъ вмѣсто Владимира митрополитомъ петроградскимъ. Онъ былъ великій интриганъ, а о его нравственности ходили весьма опредѣленные слухи. Онъ сразу сталъ играть роль: его посѣщали министры, считались съ нимъ и

его имя все время мелькало въ газетахъ. Онъ успѣлъ побывать въ Ставкѣ у Государя и, какъ сообщалось въ печати, ему было поручено передать предсѣдателю Думы о срокѣ созыва Думы.

Пріѣхалъ онъ ко мнѣ на квартиру съ депутатомъ священникомъ Немерцаловымъ, взявъ его очевидно въ свидѣтели, и сразу началъ съ политики:

— Пріѣхалъ выразить вамъ свой восторгъ по поводу письма вашего высокопревосходительства предсѣдателю совѣта министровъ Горемыкину. Долженъ вамъ сказать, что объ этомъ письмѣ въ Ставкѣ извѣстно.

— Для меня это не новость, владыко, я самъ представилъ копію этого письма Его Величеству.

Питиримъ успокоительно замѣтилъ:

— Иванъ Логиновичъ не долго останется: онъ слишкомъ старъ. Вѣроятно, вмѣсто него будетъ назначенъ Штюмеръ.

— Да, я слышалъ, но врядъ ли это измѣнитъ положеніе, къ тому же нѣмецкая фамилія въ такіе дни оскорбляетъ слухъ.

— Онъ перемѣнитъ фамилію на Панина...

— Обманъ этотъ никого не удовлетворитъ... Вы знаете, владыко, есть хорошая пословица: жидъ крещеный, конь лѣченый и т. д.

Питиримъ заговорилъ о Думѣ и старался увѣрить, что онъ бы хотѣлъ «столковаться съ народнымъ представительствомъ и работать рука объ руку». Я ему отвѣтилъ, что это врядъ ли возможно, такъ какъ внѣ смѣты Синода между Думой и митрополитомъ не можетъ быть точекъ соприкосновенія.

Митрополитъ чувствоалъ себя, видимо, не совсѣмъ хорошо и все время поглядывалъ на Немерцалова. Разговоръ перешелъ на реформу церкви и я сказалъ ему откровенно:

— Реформа необходима и, если вы, владыко, хотите заслужить благодарность русскихъ людей, то вы должны приложить всѣ усилія, чтобы очистить православную церковь отъ вредныхъ хлыстовскихъ вліяній и вмѣшательства враговъ православія. Распутинъ и ему подобные должны быть низвергнуты, а вамъ надлежитъ очистить свое имя отъ слуховъ, что вы ставленникъ Распутина.

— Кто вамъ это сказалъ? — спросилъ блѣдный Питиримъ и, какъ бы провѣряя меня, освѣдомился, говорилъ ли я о Распутинѣ Государю.

— Много разъ... А что касается васъ, владыко, то вы сами себя выдаете...

По выраженію лица Питирима видно было, что онъ не повѣрилъ. На этомъ разговоръ оборвался и мы простились.

Слова Питирима оправдались: Горемыкинъ былъ отставленъ и замѣненъ Штюмеромъ. Назначеніе это привело всѣхъ въ негодованіе: тѣ, которые его знали по прежней дѣятельности, не уважали его, а въ широкихъ кругахъ въ связи со слухами о сепаратномъ мирѣ его фамилія произвела непріятное впечатлѣніе: поняли, что это снова вліяніе Императрицы и Распутина и что это сдѣлано умышленно наперекоръ общественному мнѣнію.

Открытие Думы было назначено на 9 февраля. Ходили слухи, что правые хотят сорвать заседание. Отношения с новыми министрами не были установлены. Штюрмер, вопреки обычаю вновь назначенных премьеров посещать председателей палат, попробовал по телефону вызвать меня к себе, на что ему сказали, что председатель Думы ожидает его у себя. Штюрмер немедленно приехал и держался заискивающе.

4 февраля было получено радостное известие о взятии нашими войсками Эрзерума. Слава этой победы всецело принадлежала генералу Юденичу, который, вопреки распоряжению штаба, взял крепость штурмом. Этот военный успех облегчил примирение с членами Думы и как то сгладил последние вызовы власти.

Послы союзных держав и многие из иностранцев, принимавших участие в снабжении армии, обращались ко мне, желая провентурить слухи об окончательном роспуске Думы. Слухи эти их очень волновали.

Надо было придумать что нибудь, чтобы развеять эти слухи, поднять настроение в стране и успокоить общество. Необходимо было, как я считал, убедить Государя посетить Думу. Обостренные отношения народного представительства с правительством могли вызвать нежелательные выступления правых и левых и эти выступления трудно было бы предотвратить. Между тем, посещение Царя обезоружило бы тех и других. Но кто мог уговорить на такой шаг Царя. Первым делом надо было обратиться к Штюрмеру и заручиться обещанием, не мешать и не отговаривать Царя. Бюрократ в душе, Штюрмер испугался возможности подобного шага, но все таки обещал не мешать, особенно после того, как я ему объяснил всю выигрышную сторону этого для него лично: в обществе могли предположить, что это он, новый премьер, внушил такую благую мысль Государю. После этого я решил прибегнуть к помощи некоего Клопова, старого идеалиста, патриота, которого Царь давно знал и любил и допускал к себе. Клопов этот бывал и у меня. Он согласился и написал Царю письмо, изложив доводы касательно посещения Думы. Скоро он получил ответ следующего содержания:

«Господи благослови. Николай».

9 февраля за полчаса до открытия Думы приехал Штюрмер и предупредил, что Государь прямо из Ставки будет в Думе. Немедленно был созван совет старейшин, которым я сообщил это радостное известие. Все депутаты, без различия партий, были приятно поражены и хотели видеть в этом хорошее предзнаменование для будущего. Решено было как можно торжественно обставить этот важный по своему значению для Думы день: о предстоящем посещении было сообщено послам союзных держав и они были приглашены на торжественное молебствие. В город эта весть быстро разнеслась, из уст в уста передавали с радостными лицами: «Царь в Думе... Слава Богу, теперь все изменится к лучшему». Приставская часть осаждалась требованиями билетов, и публики на хорах набралось столько, как никогда.

Интересно, что накануне вечером священник Немерцаловъ отъ имени митрополита приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ и передавалъ о желаніи владыки служить молебенъ на открытіи Думы. Ему отвѣтили, что при думской церкви имѣется уважаемое всѣми духовенство и что нѣтъ основаній измѣнять заведенный порядокъ.

Дпутаты были всѣ въ сборѣ. Въ Екатерининскомъ залѣ собрались представители союзныхъ державъ, члены Г. Совѣта и сенаторы. Предсѣдатель со своими товарищами и съ совѣтомъ старѣйшинъ встрѣтили Государя на крыльцѣ. Государь подѣхалъ на автомобилѣ съ в. к. Михаиломъ Александровичемъ и графомъ Фредериксомъ. Поздоровавшись, Государь прошелъ въ Екатерининскій залъ подъ неумолкаемые крики «ура» и приложился ко кресту. Государь былъ очень блѣденъ и отъ волненія у него дрожали руки. Начался молебенъ; хоръ пѣлъ великолѣпно, все было торжественно и проникновенно. «Спаси, Господи, люди Твоя» пѣли члены Думы, даже публика на хорахъ. Вся эта обстановка, повидимому, успокоительно подѣйствовала на Государя и его волненіе смѣнилось довольнымъ выраженіемъ лица. Во время провозглашенія «Вѣчной памяти всѣмъ на полѣ брани животь свой положившимъ», — Государь всталъ на колѣни, а за нимъ опустилась и вся Дума.

По окончаніи молебна Государь подошелъ ко мнѣ со слезами:

— Михаилъ Владиміровичъ, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ членамъ Думы. Какъ вы думаете, это лучше здѣсь или вы предполагаете въ другомъ мѣстѣ.

— Я думаю, ваше величество, лучше здѣсь.

— Тогда прикажите убрать аналой.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ подошедшими иностранными послами, Государь обратился къ депутатамъ, которые окружили его тѣснымъ кольцомъ. Рѣчь, сказанная спокойно, внятно и громко, произвела хорошее впечатлѣніе и громовое «ура» было отвѣтомъ на Царскія милостивыя слова*).

Присутствующіе пропѣли гимнъ и послѣ короткаго привѣтствія предсѣдателя Думы Государь прошелъ черезъ боковыя двери въ залъ засѣданій, а въ это время черезъ среднія двери уже успѣли наполнить залъ и депутаты, и Государя снова встрѣтило непрерывное «ура». Государь съ интересомъ все разсматривалъ, спрашивалъ, гдѣ сидятъ какія партіи, въ полуциркульномъ залѣ онъ расписался въ золотой книгѣ и сталъ проходить далѣе.

Воспользовавшись тѣмъ, что я въ это время остался съ нимъ вдали отъ всѣхъ, я обратилъ его вниманіе на воодушевленіе и подъемъ, царившіе среди членовъ Г. Думы.

— Воспользуйтесь, ваше величество, этимъ свѣтлымъ моментомъ и объявите здѣсь же, что даруете отвѣтственное министерство. Вы не можете себѣ представить величіе этого акта, который благотворно отразится на успокоеніи страны и на благополучіи исхода войны. Вы впишете славную страницу въ исторію вашего царствованія...

Государь помолчалъ, а затѣмъ сказалъ:

*) Придворная цензура совершенно исказила эту рѣчь.

— Объ этомъ я подумаю.

Мы проходили дальше мимо дверей министерскаго павильона:

— А тамъ что? — спросил Государь.

— Комнаты министровъ, ваше величество, отъ которыхъ вы должны быть какъ можно дальше.

Государь въ павильонъ не зашелъ.

Привѣтливо поговоривъ съ чинами канцеляріи, окруженный толпой депутатовъ, онъ направился къ выходу. Передъ отъѣздомъ Государь нѣсколько разъ благодарилъ депутатовъ за пріемъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Мнѣ было очень пріятно. Этотъ день я никогда не забуду.

Всѣ высыпали на подъѣздъ и Царскій автомобиль отъѣхалъ при громовомъ «ура», подхваченномъ улицей, гдѣ собравшаяся толпа радостно привѣтствовала Царя.

Великій князь Михаилъ Александровичъ оставался до конца засѣданія. Вечеромъ того же дня Государь посѣтилъ Г. Совѣтъ, гдѣ все прошло холодно, безъ торжественности и подъема. Контрастъ съ пріемомъ Думы всѣхъ поразилъ и объ этомъ потомъ много говорили въ обществѣ.

Декларация Штюмера, прочитанная послѣ отъѣзда Государя, произвела удручающее впечатлѣніе: произнесъ онъ ее невнятно, а когда по газетамъ ознайомились съ ея содержаніемъ, она еще болѣе разочаровала. Въ длинныхъ путанныхъ фразахъ ничего не было сказано о намѣреніяхъ правительства. Сошелъ онъ съ кафедры при гробовой тишинѣ и только кто-то на крайней правой попробовалъ ему аплодировать. Съ первыхъ же шаговъ Штюмеръ предсталъ, какъ полное ничтожество, и вызвалъ къ себѣ насмѣшливое отношеніе, выразившееся въ яркой рѣчи Пуришкевича. Онъ тогда пустилъ свое крылатое слово «чехарда министровъ», назвалъ Штюмера «Кивачъ *) краснорѣчія» и сравнилъ его съ героемъ «Мертвыхъ душъ» Чичиковымъ, который, посѣтивъ всѣхъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ, долго сидѣлъ въ бричкѣ, раздумывая, къ кому бы еще заѣхать. Это сравненіе было очень удачнымъ, такъ какъ Штюмеръ съ момента вступленія въ должность все разѣзжалъ по разнымъ министерствамъ и говорилъ рѣчи.

Появленіе военнаго министра Поливанова было встрѣчено оваціей; его обстоятельная и дѣловая рѣчь прослушана со вниманіемъ. Также сердечно Дума встрѣтила Сазонова и Григоровича. Закончилось засѣданіе декларацией прогрессивнаго блока, въ которой выражалось желаніе создать министерство, пользующееся довѣріемъ, чтобы съ его помощью организовать силы страны для окончательной побѣды, упорядоченіе тыла и привлеченіе всѣхъ виновныхъ въ нашихъ неудачахъ на фронтъ къ отвѣтственности. Тонъ декларации былъ увѣренный и обязывающій правительство прислушаться къ голосу народа.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ депутаты говорили въ томъ же смыслѣ; во многихъ рѣчахъ слышалось требованіе о преданіи суду Сухомлинова. Особенно яркія рѣчи произнесли: В. Бобринскій, Маклаковъ и Половцевъ. Послѣдній, говоря о Мясоѣдовѣ и военномъ мини-

*) Водопадъ въ сѣв. Россіи.

стрѣ, упомянулъ, что Мясоѣдова постигла заслуженная кара и заключилъ свою рѣчь словами: «А гдѣ злодѣй, который обманулъ всѣхъ лживыми увѣреніями кажущейся готовности нашей къ страшной борьбѣ, который тѣмъ сорвалъ съ чела арміи ея лавровые вѣнки и растопталъ въ грязи лихоимства и предательства, который грудью всталъ между карающимъ мечомъ закона и измѣнникомъ Мясоѣдовымъ? Вѣдь это онъ, министръ, головой ручался за Мясоѣдова. Мясоѣдовъ казненъ, гдѣ же голова его поручителя? На плечахъ, украшенныхъ вензелями».

Наши союзники въ полной мѣрѣ учли важность событія 9 февраля и отъ палаты депутатовъ и англійскаго парламента были присланы привѣтственныя телеграммы, изъ которыхъ было видно, что они поняли посѣщеніе Государя, какъ единеніе Царя съ народомъ, какъ новую угрозу для Германіи, рассчитывающей на наши внутренніе безпорядки.

Въ средѣ Царской семьи шагъ Государя былъ встрѣченъ съ большимъ одобреніемъ. Недовольна была только Императрица: она рѣзко говорила противъ по наущенію своего злого генія.

За нѣсколько дней до созыва Думы распространился слухъ, что въ ресторанѣ «Вилла Роде» убили Распутина. Всѣ радовались, но оказалось, что его только избили. Позднѣе стало извѣстно, что Штюрмеръ приказалъ охранять Распутина какъ высочайшую особу и помимо Поливанова велѣлъ дать въ его распоряженіе четыре военныхъ автомобиля. Хвостовъ хвастался, что онъ организовалъ спаиваніе Распутина, но уже чувствовалось, что его дни сочтены, что Императрица и Штюрмеръ къ нему охладѣли и хотятъ посадить на его мѣсто товарища министра Бѣлецкаго, дружившаго съ Распутинымъ и непосредственно его охранявшаго. Чтобы предупредить непріятность быть уволеннымъ, Хвостовъ, какъ онъ признавался, подалъ рапортъ объ отставкѣ. Государь отставки не принялъ. А когда произошло избіеніе Распутина и открылась путанная исторія съ посылкой нѣкоего Ржевскаго для покупки документовъ у Иліодора, были уволены оба: и Хвостовъ, и Бѣлецкій.

Позднѣе я слышалъ отъ инженера Бахметьева, вернувшагося изъ Америки, что тамъ писали о роли Иліодора, который продалъ выкраденныя у Распутина письма Императрицы журналу „American Magazine“.

Нашъ посоль старался перекупить документы, но это ему не удалось и онъ зря потерялъ десять тысячъ задатку.

Правительство своими дѣйствіями постаралось возможно скорѣе испортить впечатлѣніе отъ посѣщенія Государя. Оно продолжало прежнюю политику, вѣрнѣе прежній разбродъ. Въ самой Думѣ правые подняли голову. Марковъ 2-ой позволялъ себѣ неприличныя выходки противъ общественныхъ организацій, обвиняя ихъ, что онѣ волнуютъ умы и наживаются на войнѣ. Обвиненія, конечно, бросались безъ всякихъ доказательствъ и фактовъ съ единственною цѣлью внести раздоръ и посѣять недоувѣріе къ этимъ организаціямъ. Съѣздъ крайнихъ

правыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ихъ не удовлетворилъ и они начали готовить новый, на который предполагали привлечь духовенство и крестьянъ. Во главѣ этой затѣ стоялъ бывшій министръ юстиціи Щегловитовъ, а средства щедро отпускались отъ правительства. Одновременно ходили упорные слухи о роспускѣ Думы и о новыхъ перемѣнахъ въ правительствѣ.

Пользуясь прїѣздомъ Государя въ Царское, я испросилъ аудіенцію и 24 февраля 1916 г. былъ принятъ. Аудіенція продолжалась полтора часа. Я говорилъ обо всемъ съ полной откровенностью, рассказавъ объ интригахъ министровъ, которые черезъ Распутина спихиваютъ одинъ другого, о томъ, что попрежнему нѣтъ сильной системы, что повсюду злоупотребленія, что съ общественнымъ мнѣніемъ и съ народомъ не считаются, что всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ. Я упомянулъ объ авантюрахъ Д. Рубинштейна, Мануса и прочихъ тыловыхъ героевъ, объ ихъ связи съ Распутинымъ, объ его кутежахъ и оргіяхъ и о томъ, что близость его къ Царю и къ Царской семьѣ и вліяніе его на всѣ существенные вопросы государственной жизни въ дни войны доводятъ до отчаянія честныхъ людей. Участіе Распутина въ шпіонажѣ, какъ агента Германіи, не подлежало сомнѣнію.

—Если бы министры вашего величества, — сказалъ я, — были независимые люди и преслѣдовали единственную цѣль — благо родины, — присутствіе такого человѣка, какъ Распутинъ, не могло бы имѣть значенія для дѣлъ государства. Но бѣда въ томъ, что представители власти держатся имъ и впутываютъ его въ свои интриги. Я опять долженъ доложить Вашему Величеству, что такъ долго продолжаться не можетъ. Никто не открываетъ вамъ глаза на истинную роль этого гнуснаго старца. Присутствіе его при Дворѣ Вашего Величества подтачиваетъ довѣріе къ Верховной Власти и можетъ пагубно отразиться на судьбахъ династіи и отворотить отъ Государя сердца его подданныхъ.

На всѣ тяжелыя истины Государь либо молчалъ, либо выражалъ удивленіе, но какъ всегда былъ любезенъ и прївѣтливъ. Когда я прервалъ свой докладъ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, чѣмъ окончится война... Благополучно ли для насъ?

Я сказалъ, что за армію и народъ можно отвѣчать, но что командный составъ и внутренняя политика затягиваютъ войну и мѣшаютъ побѣдѣ.

Докладъ этотъ, все-таки, видимо произвелъ впечатлѣніе: 27 февраля было дано распоряженіе выслать Распутина въ Тобольскъ.

Черезъ нѣсколько дней распоряженіе это по требованію Императрицы было отмѣнено.

1 марта послѣдовало высочайшее соизволеніе о направленіи дѣла Сухомлинова въ первый департаментъ Г. Совѣта для разрѣшенія вопроса о преданіи его суду. Подписывая бумагу, Государь замѣтилъ: «Приходится принести эту жертву».

Три недѣли спустя первый департаментъ вынесъ постановленіе назначеніи предварительнаго слѣдствія, которое и признало, что къ

генералу Сухомлинову, согласно обвинительному акту, надо примѣнить личное задержаніе. Верховный слѣдователь доложилъ объ этомъ министру юстиціи, который согласился на арестъ Сухомлинова. Бывшій военный министръ былъ заключенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости. Жена его, игравшая такую важную роль въ его вольныхъ и невольныхъ связяхъ съ лицами, уличенными въ шпіонствѣ, не только была оставлена на свободѣ, но ей даже были разрѣшены свиданія съ мужемъ. Она добилась черезъ Распутина аудіенціи у Царицы и та ей стала покровительствовать.

3 марта былъ уволенъ министръ внутреннихъ дѣлъ Хвостовъ, сложившій себѣ шею въ борьбѣ съ распутинскимъ кружкомъ.

На заводахъ продолжались забастовки, вызывая опасенія не только въ тылу, но и на фронтѣ. Генералъ Алексѣевъ писалъ мнѣ, что доставка продовольствія въ армію совсѣмъ не организована, что снова не хватаетъ сапогъ и опасаются, какъ бы не прекратилась доставка снарядовъ. На сѣверномъ фронтѣ, ближайшемъ отъ столицы, отъ плохого питанія среди солдатъ распространилась цынга.

Въ Особомъ Совѣщаніи прошелъ наконецъ вопросъ о секвестрѣ Путиловскаго завода. Не проходило аудіенціи у Государя, чтобы я не напоминалъ, что надо пересмотрѣть неправильное рѣшеніе. Послѣ секвестра прежніе члены правленія были удалены и назначены надежные и знающіе люди. Рабочіе, какъ военно-обязанные, лишены были возможности бастовать.

15 марта былъ уволенъ безъ рескрипта военный министръ Поливановъ. Онъ только что вернулся изъ Ставки послѣ милостиваго приѣма и неожиданно для себя и для всѣхъ получилъ увѣдомленіе, что онъ отставленъ отъ должности. Всѣ недоумѣвали и объясняли причину отставки секвестромъ Путиловскаго завода или доносами, что Поливановъ инспирируетъ политическія резолюціи военно-промышленныхъ комитетовъ. Самъ Поливановъ понялъ причину гораздо проще: онъ распорядился отобрать отъ Распутина данные ему Штюрмеромъ четыре военныхъ автомобиля; Императрица, всегда относившаяся къ нему недовѣрчиво, узнала объ этомъ распоряженіи и настояла на его удаленіи.

Незадолго передъ тѣмъ Поливановъ говорилъ: «Теперь мнѣ совершенно ясно, какъ можно упорядочить военныя дѣла послѣ сухомлиновской разрухи и привести къ побѣдѣ».

Отставка эта произвела удручающее впечатлѣніе. Газеты были полны восхваленіями ушедшаго министра, оцѣнивая результаты его работы сравнительно за короткій срокъ. Въ Думѣ и въ обществѣ говорили о безотвѣтственномъ вліяніи, о министерской чехардѣ и о томъ, что врагъ забирается все глубже и глубже и бьетъ по тѣмъ людямъ, которые вредны нѣмцамъ и полезны Россіи.

Взоры были обращены къ народному представительству, которое въ то время пользовалось популярностью и довѣріемъ страны. Но и

Дума уже сознавала, что при наличіи Распутина и вліяніи Царицы, которое все усиливалось, невозможно достигъ желательныхъ результатовъ въ смыслѣ успѣховъ на фронтѣ и порядка въ тылу.

Вмѣсто Поливанова былъ назначенъ генералъ Шуваевъ, честный хорошій человекъ, но недостаточно подготовленный для такого поста и въ такое исключительное время. Его предсѣдательство въ Особомъ Совѣщаніи дѣлало засѣданія путанными и утомительными. Послѣ ухода Поливанова в. к. Сергѣй Михайловичъ повелъ агитацію противъ Особого Совѣщанія и убѣждалъ Государя вовсе его упразднить. Съ Шуваевымъ на засѣданіяхъ происходили постоянныя столкновенія и казалось, будто онъ нарочно вызывалъ рѣзкости, чтобы имѣть причины для ликвидаціи Совѣщанія.

Беспорядки въ тылу принимали угрожающій характеръ. Въ Петроградѣ уже чувствовался недостатокъ мясныхъ продуктовъ. Между тѣмъ, проѣзжая по городу, можно было встрѣтить вереницы подводъ, нагруженныхъ испорченными мясными тушами, которыя везли на мыловаренный заводъ. Подводы эти попадались прохожимъ среди бѣлаго дня и приводили жителей столицы въ негодованіе: на рынкѣ нѣтъ мяса, а на глазахъ у всѣхъ везутъ чуть не на свалку испорченныя туши.

Члены Особого Совѣщанія ѣздили осматривать городскіе холодильники за Балтійскимъ вокзаломъ. Холодильники были въ полномъ порядкѣ, мясо въ нихъ не портилось, но зато кругомъ были навалены горы гніющихъ тушъ. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки въ армію. Его, видите ли, негдѣ было хранить. Когда поставщики обращались за разрѣшеніемъ построить новые холодильники, имъ не давали ни средствъ, ни разрѣшенія. По обыкновенію, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, желѣзныя дороги привозили, а сохранять было негдѣ, на рынокъ же выпускать не разрѣшалось. Это было такъ же нелѣпо, какъ и многое другое: точно сговорившись, все дѣлали во вредъ Россіи.

Члены Особого Совѣщанія доложили обо всемъ видѣнномъ на засѣданіи, я написалъ письмо Алексѣеву и только послѣ этого заинтересовались мяснымъ вопросомъ. Тысячи пудовъ мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и съ доставкой мяса изъ Сибири: отъ недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысячъ пудовъ. Виновниковъ, конечно, не нашлось, такъ какъ одинъ сваливалъ на другого, а всѣ вмѣстѣ на общую безхозяйственность.

Поливановъ говорилъ, что мясную исторію онъ считаетъ не случайностью и даже не слѣдствіемъ разрухи, а планомѣрнымъ выполненіемъ нѣмецкой программы.

Въ половинѣ апрѣля вернулся изъ Кисловодска генералъ Рузскій, ѣздивъ въ Ставку, прося назначенія на фронтъ, но ничего опредѣленнаго не получилъ и томился въ Петроградѣ безъ дѣла. Между тѣмъ на сѣверномъ фронтѣ, гдѣ появился Куропаткинъ, дѣла были хуже и подъ Ригой мы понесли ненужныя большія потери.

Въ Особомъ Совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи производства ручныхъ гранатъ и орудій для разрушенія проволочныхъ загражденій. Во французской арміи эти орудія были въ большомъ употребленіи и генераль Жюффри, узнавъ, что ихъ у насъ нѣтъ, прислалъ специалиста, съ помощью котораго былъ приспособленъ для этой цѣли одинъ заводъ. На фронтѣ отъ этихъ новыхъ орудій были въ восторгѣ. Мнѣ самому пришлось быть во время ихъ испытанія на сѣверномъ фронтѣ и они дѣйствовали прекрасно.

Между тѣмъ в. к. Сергѣй Михайловичъ распорядился прекратить выдѣлку этихъ орудій. Объ этомъ мнѣ сообщилъ французскій военный агентъ маркизъ Лягишъ. Начальникъ артиллерійскаго управленія генераль Маниковскій подтвердилъ слова Лягиша. Снова пришлось говорить объ этомъ въ Особомъ Совѣщаніи, снова объяснять то, что казалось бы должно было быть для всѣхъ очевиднымъ и снова вступить въ борьбу съ безотвѣтственными вліяніями.

Въ газетахъ появилась короткая замѣтка о томъ, что какой то чиновникъ назначается дѣлопроизводителемъ при Особомъ Совѣщаніи пяти министровъ подъ предсѣдательствомъ Трепова. Объ этомъ Совѣщаніи никто не имѣлъ представленія. Какіе пять министровъ и о чемъ они совѣщаются, и какое это учрежденіе, созданное помимо Думы. Я запросилъ Штюмерера, что представляетъ изъ себя это Совѣщаніе и на основаніи какого закона оно дѣйствуетъ. Отвѣта не послѣдовало. Только черезъ нѣсколько дней на банкетѣ въ честь французскихъ министровъ Штюмереръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ не могъ отвѣтить на письмо, такъ какъ это Совѣщаніе было учреждено секретно по желанію Государя.

Подробности этого дѣла слѣдующія. При созданіи Особаго Совѣщанія изъ общественныхъ дѣятелей власть военнаго министра, какъ предсѣдателя Совѣщанія, простиралась до извѣстной степени на всѣ вѣдомства въ тѣхъ случаяхъ, когда вопроеъ касался военной необходимости. Совѣщаніе рѣшало, военный министръ утверждалъ и вѣдомства должны были исполнять. Совѣтъ министровъ оставался въ сторонѣ. Такой порядокъ, несмотря на блестящіе результаты, не могъ нравиться чиновникамъ и нѣкоторымъ министрамъ и они убѣдили Государя создать какой то комитетъ изъ пяти министровъ. Пока былъ Поливановъ, на это не рѣшались, потому что онъ стоялъ на почвѣ закона и пользы дѣла: поэтому то его и уволили.

Созданіе министерскаго Совѣщанія, недовѣріе и негласный контроль надъ Совѣщаніемъ общественныхъ дѣятелей глубоко оскорбилъ и возмутилъ его участниковъ. Они поручили мнѣ передать Штюмереру, что если Совѣщаніе пяти не будетъ упразднено, то всѣ члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ подадутъ мотивированную отставку, а это будетъ чревато послѣдствіями. Штюмереръ поспѣшилъ заявить, что онъ тоже находитъ существованіе пяти незаконнымъ и доложитъ объ этомъ Государю.

Въ первыхъ числахъ мая пріѣхали представители французскаго правительства: Вивіани и Тома. Дума устроила имъ торжественный

банкетъ. Говорились рѣчи о взаимной братской дружбѣ и о совмѣстной борьбѣ до конца.

На другой день Тома пожелалъ имѣть продолжительный разговоръ о снабженіи арміи, провелъ у меня цѣлый вечеръ и поразилъ присутствовавшего при разговорѣ члена Особаго Совѣщанія С. И. Тимашева своей освѣдомленностью о положеніи нашихъ дѣлъ. Говоря о недостаткахъ снабженія, онъ перечислялъ всѣ наши больныя стороны и закончилъ остроумной многозначительной фразой:

„La Russie doit être bien riche et sûre de ses forces pour se permettre le luxe d'un gouvernement comme le Vôtre, car le premier ministre — c'est un désastre et le ministre de la guerre — une catastrophe“ *).

Когда черезъ день французы уѣзжали и я ихъ провожалъ, я спросилъ одного изъ нихъ:

„Dites - moi, Monsieur, sincèrement votre opinion, qu'est ce que Vous manque en Russie“ **).

Французъ отвѣтилъ:

„Ce qui nous manque? C'est l'autocratie de votre gouvernement car si j'ose vous dire encore, M. le president, la Russie doit être bien forte moralement pour supporter pendant le temps sérieux que nous passons, cet etat de douce anarchie qui règne dans votre pays et se jette aux yeux“ ***).

12 мая Штюрмеръ давалъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ министры, нѣсколько членовъ Г. Совѣта, кое-кто изъ правыхъ Думы. Я принялъ приглашеніе и пошелъ, чтобы въ интимной обстановкѣ высказать все, что наболѣло и волновало. Послѣ обѣда, когда подали кофе и перешли въ гостиную, я сказалъ собравшимся приблизительно слѣдующее:

«Подумайте, что происходитъ... Въ великую годину, когда проявляется во всей красотѣ народный подъемъ, доблесть арміи, когда льются рѣки крови, — правительство не сумѣло стать во главѣ движенія, не сумѣло уловить настроеніе и, мелко плавая, не шло дальше надзора надъ общественными организаціями. Вы, представители правительства, ничего не поняли, ничего не учли и, цѣпляясь за свою власть и преимущества, оставались безучастными зрителями, когда передъ вами церемоніальнымъ маршемъ демонстрировали патріотическій подъемъ всей страны, безъ различія партій, положеній и національностей. Вы оказались въ обозѣ второго разряда и, когда всѣ жаждали работы для побѣды, просили разумной твердой власти, правительство занялось поисками несуществующей революціи. Вы устраивали монархическіе съѣзды, травили общественныя организаціи, вы создавали

*) Россия должна быть очень богатой и увѣренной въ своихъ силахъ, чтобы позволить себѣ роскошь имѣть такое правительство, какъ ваше, въ которомъ премьеръ-министръ — бѣдствіе, а военный министръ — катастрофа.

**) Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе, чего не достаетъ въ Россіи?

***) Чего не достаетъ?.. Это твердой власти въ правительствѣ: я позволю себѣ снова повторить вамъ, г. предсѣдатель, что Россія должна быть морально очень крѣпка, чтобы переносить въ такое тяжелое время, какое мы переживаемъ — состояніе тихой анархіи, которая царитъ въ вашей странѣ и бросается въ глаза.

тѣ безконечныя междуѣдомственныя тренія и интриги, отъ которыхъ парализовались дѣла управленія и государство попало въ руки мародеровъ тыла. Лихоимство, взятки, грабежи растутъ изо дня въ день и съ этимъ не борятся. Лица, злуживающія висѣлицы, продолжаютъ играть роль и всѣмъ двигаетъ не патріотизмъ, а протекція и личная выгода...»

Я имъ напомнилъ Маклакова съ исторіей поставки сапогъ на армію и Горемыкина, который во время отступленія пятнадцатаго года повторялъ, что война его не касается.

«Вся страна слилась въ одномъ лозунгѣ: «все для войны», а правительство жило и продолжаетъ жить своей чиновничьей жизнью внѣ великихъ событій. Теперь приближается ликвидація войны и послѣ колоссальной перестройки всего зданія государства — готовится ли правительство къ разрѣшенію тѣхъ колоссальныхъ вопросовъ, которые будутъ за войной? Понимаетъ ли оно международныя, торговля, экономическія и другія перспективы и озабочено ли оно поднятіемъ сельскаго хозяйства? Рѣшительно нѣтъ. На мое предложеніе созывать періодически смѣшанныя совѣщанія министровъ, промышленниковъ и свѣдущихъ людей по разнымъ отраслямъ, членовъ палатъ, профессоровъ, словомъ, дѣлать то, что давно дѣлается нашими союзниками, — мнѣ отвѣчаютъ всѣ по очереди отказомъ, а Сазоновъ и Шаховской заявляютъ, что экономическіе вопросы ихъ не интересуютъ и они въ нихъ не освѣдомлены. Дальше этого идти нельзя. И не мудрено, что когда въ первый періодъ войны правительство дѣйствовало безъ вмѣшательства общества, врагъ завладѣлъ двадцатью губерніями, а наши доблестныя войска отступали безъ снарядовъ и ружей. Рѣзкая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ, какъ вмѣшались члены Думы, но правительство сразу начало имъ во всемъ мѣшать и создавало свои конспиративныя совѣщанія... Вы должны понять, что страна васъ не любитъ, не вѣритъ вамъ, вы доказали, что у васъ нѣтъ ни системы, ни знанія, ни организациі. Все замѣняется полицейскими мѣрами преслѣдованія. Въ безплодныхъ поискахъ мнимой революціи вы уничтожаете живую душу народа и создаете глухое броженіе и недовольство, которыя могутъ въ концѣ концовъ вылиться въ дѣйствительную революцію. Не понимая величія минуты, вы роняете власть и развращаете народъ тѣмъ, что не внушаете ему уваженія къ власти. Но придетъ время и онъ потребуетъ возмездія за всѣ ваши ошибки».

Князь В. М. Волконскій говорилъ мнѣ потомъ, что мои слова обрушились на министровъ какъ громъ, котораго они не ожидали.

Штюрмеръ послѣ этого обѣда ѣздилъ въ Ставку и Совѣщаніе пяти министровъ было отмѣнено (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было однако вновь образовано подобное совѣщаніе, на этотъ разъ изъ шести министровъ).

16 мая былъ опубликованъ указъ о возобновленіи занятій Думы. Такъ какъ 27 апрѣля было десятилѣтіе со дня созыва первой Думы, то мнѣ пришлось отмѣтить это событіе во вступительной рѣчи. Я упомянулъ, что несмотря на ошибки первыхъ двухъ Думъ, идея народнаго

представительства укрѣпилась въ сознаниі народа, какъ фактора, необходимаго въ государственномъ строѣ, и отмѣтилъ заслугу Императора Николая II, даровавшаго Россіи народное представительство. Правительство въ полномъ составѣ отсутствовало: говорили, что оно ожидало какихъ то рѣзкихъ выступленій.

Въ этой сессіи занятія шли вяло, депутаты неисправно посѣщали засѣданія, часто не было кворума. Правые дѣлали рѣзкія выходки, желая сорвать Думу, а въ общемъ атмосфера была настолько неопредѣленной, что трудно было что нибудь сдѣлать. Постоянная борьба казалась бесплодной, правительство ничего не хотѣло слушать, неурядица росла и страна шла къ гибели. На Думу возлагали надежды, но она, къ сожалѣнію, была безсильна. Мы мучительно переживали это общее состояніе упадка духа и энергіи.

На кавказскомъ фронтѣ былъ новый успѣхъ, но въ то же время съ кавказскаго фронта приходили извѣстія, что войска терпятъ большія лишенія, что, вообще, силъ тамъ мало и на просьбы прислать подкрѣпленія въ Ставкѣ не обращали вниманія.

По мнѣнію генерала Поливанова слѣдовало обратить главное вниманіе на кавказскій фронтъ, продвигаться къ Константинополю и взять его съ помощью союзниковъ, находившихся въ Салоникахъ. Объ этомъ писали и французскія газеты. Въ Ставкѣ однако смотрѣли иначе, руководствуясь главнымъ образомъ ревностью къ в. к. Николаю Николаевичу. Стоило ему что нибудь заявить, — чтобы дѣлали наоборотъ и просьбы его вообще не исполнялись. Впрочемъ, недоброжелательство было обоюдное: когда въ Ставкѣ отстраняли кого нибудь отъ должности, его брали на Кавказъ.

Начались успѣхи Брусилова на нашемъ западномъ фронтѣ. За эту операцію брусиловскія арміи взяли 430 тысячъ плѣнныхъ. Успѣхи наши имѣли большое значеніе для союзниковъ, такъ какъ мы снова откинули войска отъ Вердена, гдѣ въ продолженіи столькихъ мѣсяцевъ нѣмцы бесплодно истощали яростными атаками свои и французскія силы. Италія тоже была спасена нашимъ наступленіемъ и съ ея фронта на нашъ были перевезены крупныя австрійскія части.

Офицеры, участники наступленія, считали, что успѣху операціи помогло то обстоятельство, что Брусиловъ началъ наступленіе на полтора сутокъ раньше назначеннаго Ставкой срока: въ арміи ходили упорные слухи, что въ Ставкѣ существуетъ шпіонажъ и что врагъ раньше насъ освѣдомленъ о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ. Къ сожалѣнію, многіе факты подтверждали это подозрѣніе.

Въ маѣ и іюнѣ наша парламентская делегація посѣтила союзныя государства и вездѣ была встрѣчена съ большимъ почетомъ и воодушевленіемъ. Передъ отъѣздомъ я предупредилъ Протопопова, старшаго въ делегаціи, что наши русскія посольства могутъ быть недостаточно внимательными. Къ сожалѣнію, такъ и оказалось: нашъ посоль въ Англии графъ Бенкендорфъ отсутствовалъ при встрѣчѣ и не командировалъ ни одного изъ чиновниковъ посольства. Делегацию это осо-

бенно поразило, потому что со стороны англичанъ встрѣча была обставлена весьма торжественно: король выслалъ за делегацией свой поѣздъ и многіе высшіе чины были на вокзалѣ. Когда Протопоповъ приѣхалъ въ наше посольство, графъ Бенкендорфъ былъ съ нимъ почти невѣжливъ и объяснилъ отсутствіе посольства тѣмъ, что не обязанъ встрѣчать делегацию, не получивъ по этому поводу инструкцій изъ Петрограда. Между тѣмъ во всѣхъ союзныхъ государствахъ, въ рѣчахъ и въ разговорахъ иностранцы особенно подчеркивали свое довѣріе къ русскому народному представительству. Судя по докладу Протопопова, и отзыва о немъ Милюкова, онъ, какъ глава делегации, держалъ себя умно и тактично. Наши депутаты были поражены идеальной организаціей тыла у союзниковъ и ихъ работой на оборону.

Единственной фальшивой нотой поѣздки было безтактное свиданіе Протопопова съ представителемъ Германіи въ Стокгольмѣ на обратномъ пути. Протопоповъ задержался и, когда остальные уѣхали, онъ не какъ предсѣдатель делегации, а какъ частное лицо имѣлъ свиданіе съ Варбургомъ, подосланнымъ германскимъ посломъ Люціусомъ. Газеты подняли по этому поводу шумъ и я вынужденъ былъ потребовать объясненій Протопопова въ Думѣ въ присутствіи депутатовъ. Протопоповъ не отрицалъ своего свиданія съ первымъ секретаремъ германскаго посольства, которому онъ подчеркнул невозможность для Россіи мира до полного пораженія Германіи. Когда Варбургъ пытался оправдать Германію и сваливалъ всю отвѣтственность на Англию, Протопоповъ заявилъ, что онъ не можетъ позволить въ своемъ присутствіи порочить нашихъ союзниковъ. Дума удовлетворилась его объясненіями и я послалъ въ газеты письмо съ описаніемъ стокгольмскаго инцидента.

На фронтѣ не могли понять, почему наступленіе шло только на юго-западѣ у Брусилова и почему его не поддерживаютъ. Между тѣмъ у Барановичей прорывъ начался неудачно и дѣйствія словно оборвались.

Въ противовѣсъ брусиловскимъ успѣхамъ въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ дѣла все болѣе запутывались и борьба съ предсѣдателемъ министромъ Шуваевымъ усиливалась. Онъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свою неспособность къ отвѣтственной роли, подпадалъ подъ вліяніе придворныхъ сферъ и слѣпо исполнялъ приказанія, исходившія изъ Царскаго Села. Несмотря на свою порядочность и честность, онъ терялся среди всевозможныхъ теченій и не умѣлъ сглаживать разногласій. Когда, благодаря в. к. Сергѣю Михайловичу, началось изъ Ставки гоненіе на энергичнаго начальника артиллерійскаго управленія Маниковскаго, Шуваевъ не сумѣлъ его поддержать и Маниковскаго удалось отстоять только настойчивыми требованіями членовъ Думы и Совѣта.

24 іюня я отправился въ Ставку съ докладомъ и до приѣма у Государя навѣстилъ генерала Алексѣева. Въ Петроградѣ ходили слухи, что Алексѣевъ готовитъ докладъ объ учрежденіи диктатуры въ тылу по вопросамъ внутренняго управленія и снабженія арміи и страны. Незадолго до моего отъѣзда я получилъ свѣденія отъ генерала Мани-

ковскаго, что новый проектъ уже разработанъ и что генераль Алексѣевъ подалъ объ этомъ докладъ Государю. Въ подтвержденіе своихъ словъ Маниковскій передалъ мнѣ копію доклада, сущность котораго сводилась къ созданію диктатуры для упорядоченія тыла съ правомъ приостанавливать распоряженія министровъ и Особаго Совѣщанія Легко представить, чѣмъ грозило созданіе такой диктатуры, если предложеніе это было внушено в. к. Сергѣемъ Михайловичемъ съ тѣмъ, чтобы самому занять этотъ важный и отвѣтственный постъ.

Я спросилъ Алексѣева, правильно ли то, что мнѣ сообщили о его проектѣ или нѣтъ, и показалъ ему копію доклада.

Алексѣевъ признался, что онъ дѣйствительно подалъ Государю такой докладъ, настойчиво добивался, кто мнѣ передалъ секретную бумагу, и говорилъ, что онъ не можетъ воевать съ успѣхомъ, когда въ управленіи нѣтъ ни согласованности, ни системы и когда дѣйствія на фронтѣ парализуются неурядицей тыла.

Я указалъ генералу Алексѣеву, что его сѣтованія совершенно справедливы, но если дать настоящія полномочія предсѣдателю совѣта министровъ, то можно обойтись и безъ диктатуры. Назначеніе же на такой постъ в. к. Сергѣя Михайловича было бы равносильно гибели всего дѣла снабженія арміи. Вокругъ него снова собрались бы прежніе помощники и друзья и кромѣ вреда арміи и странѣ отъ этого ничего бы не послѣдовало.

«Передайте отъ меня великому князю Сергѣю Михайловичу, — сказалъ я Алексѣеву, — что если онъ не прекратитъ своихъ интригъ по части артиллерійскаго снабженія, то я, какъ предсѣдатель Думы, обличу его съ думской трибуны: доказательствъ о его дѣятельности у меня болѣе чѣмъ достаточно».

Въ дальнѣйшемъ разговоръ коснулся общаго положенія на фронтѣ и я передалъ Алексѣеву о желаніи арміи видѣть Рузскаго снова командующимъ. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ Алексѣевъ вполне согласился, неодобрительно отзывался о Эвертѣ и Куропаткинѣ, но про Рузскаго сказалъ, что назначеніе ему дать не можетъ.

Это свиданіе съ Алексѣевымъ было у меня первымъ: до тѣхъ поръ мы только переписывались. Алексѣевъ производилъ впечатлѣніе умнаго и ученаго военнаго, но нерѣшительнаго и лишеннаго широкаго политическаго кругозора.

Приемъ у Государя былъ по обыкновенію любезный и всѣ сообщенія о разныхъ непріятностяхъ тыла были выслушаны безъ противорѣчія и недовольствія. Давая отчетъ о Думской работѣ, я указалъ на желаніе правыхъ создать конфликтъ по вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ. Законъ, внесенный правительствомъ, не былъ принятъ, такъ какъ онъ не достигалъ цѣли: бороться съ нѣмецкимъ засиліемъ въ тылу надо, но затрагивать при этомъ во время войны во всей широтѣ земельный вопросъ опасно. Здѣсь должна быть система и отнимать у однихъ земли, чтобы роздать ихъ солдатамъ, пострадавшимъ на войнѣ, рискованно и можетъ повести къ аграрнымъ безпорядкамъ.

На это Государь замѣтилъ, что раздача земель солдатамъ была его мыслью.

— Тѣмъ не менѣе, ваше величество, позвольте съ вами не согла-

ситься и всподданнѣйше просить пересмотрѣть этотъ законопроектъ.

Когда рѣчь зашла о Польшѣ, я напомнилъ, что положеніе Польши до сихъ поръ не выяснено, что поляки волнуются за свою судьбу, видя, что правительство постепенно забываетъ о воззваніи в. к. Николая Николаевича.

Передъ отъѣздомъ въ Ставку поляки мнѣ рассказывали, что Императрица въ разговорѣ съ графомъ Замоѣскимъ сказала:

— *L'idée de l'autonomie de la Pologne est insensée, on ne peut le faire sans donner les mêmes droits aux provinces baltiques* *).

Переходя къ вопросу о диктатурѣ, я сказалъ, что вынужденъ предостеречь Государя отъ этого опаснаго шага и къ крайнему удивленію замѣтилъ, что Государь, видимо, совсѣмъ забылъ о проектѣ Алексѣева и спросилъ: «Какая диктатура?»

Я подалъ копію доклада, Государь посмотрѣлъ на нее равнодушно и сказалъ:

— Да, у меня въ дѣлахъ есть такая бумага.

Мое мнѣніе сводилось къ тому, что учрежденіе диктатуры не достигло бы цѣли и въ то же время умаляло бы Царскую власть. Государь слушалъ внимательно и спросилъ:

— Что же вы посоветуете сдѣлать для упорядоченія тыла?

— Ваше Величество, я могу предложить вамъ одинъ выходъ изъ создавшагося положенія, и онъ тотъ же, который я вамъ предлагалъ и раньше: дайте отвѣтственное министерство. Вы только расширите права, которыя вы уже дали конституціей, но власть ваша останется незыблемой. Только отвѣтственность будетъ лежать не на васъ, а на правительствѣ, а вы попрежнему будете утверждать законы, распускать законодательныя учрежденія и рѣшать вопросы войны и мира.

Государь отвѣтилъ:

— Хорошо, я подумаю, — и добавилъ, — а кого бы вы порекомендовали въ предсѣдатели совѣта министровъ?

— Вы будете удивлены, Ваше Величество, но я назову адмирала Григоровича. Въ своемъ вѣдомствѣ онъ сумѣлъ въ короткое время наладить дѣло образцово.

— Да, это правда, но его область иная, а въ предсѣдателяхъ онъ будетъ не на мѣстѣ.

— Повѣрьте, Государь, что онъ будетъ лучше Штюрмера.

Когда разговоръ коснулся непорядковъ въ министерствахъ путей сообщенія и торговли, то Государь снова спросилъ:

— А кто ваши кандидаты на эти посты?

Я назвалъ инженера Воскресенскаго и товарища предсѣдателя Думы Протопопова.

Царь не возражалъ, но какъ и при другихъ докладахъ, дѣлалъ замѣтки въ записной книжкѣ.

Заканчивая докладъ, я упомянулъ еще о двухъ вопросахъ: о защитѣ министрами, такъ называемаго, Кузнецкаго предпріятія, въ которомъ былъ заинтересованъ братъ министра Трепова и которому по-

*) Идея объ автономіи Польши бессмысленна: она не осуществима безъ того, чтобы не дать тѣхъ же правъ Прибалтійскому краю.

кровительствовавали министры Треповъ и кн. Шаховской, и о помощи увѣчнымъ воинамъ. Предприниматели, участвовавшіе въ Кузнецкихъ заводахъ, добивались получить огромные участки богатыхъ казенныхъ земель на Уралѣ и для ихъ разработки просили безпроцентную ссуду въ двадцать милліоновъ, которые обязались выплатить въ теченіе пяти лѣтъ. Г. Дума отвергла это ассигнованіе на дѣло, казавшееся ей спекулятивнымъ.

Вопросъ о правильномъ попеченіи увѣчныхъ воиновъ до сихъ поръ не былъ какъ слѣдуетъ разработанъ. Государь просилъ представить по этому поводу проектъ въ готовомъ видѣ, чтобы онъ могъ быть переданъ въ законодательныя палаты.

Послѣ пріема я былъ приглашенъ къ Высочайшему столу, но несмотря на милостивое вниманіе мнѣ было ясно, что докладъ мой не произвелъ должнаго впечатлѣнія: не то усталость, не то равнодушіе были замѣтны въ отношеніи ко всему происходящему.

Когда въ промежуткѣ между пріемомъ и обѣдомъ я рассказывалъ о впечатлѣніи отъ своего доклада М. П. Кауфману*), тотъ сказалъ: «Я бы посовѣтовалъ вамъ явиться къ Императрицѣ и постараться образумить ее и объяснить ей истинное положеніе вещей: можетъ быть, вы тамъ чего нибудь и добьетесь».

XIII

Манасевичъ-Мануйловъ и Хвостовъ старшій. Штюрмеръ — диктаторъ. Гвардія подъ Стоходомъ. Аэропланы изъ заграницы.

Министерская чехарда продолжалась. Министръ Сазоновъ былъ отставленъ безъ прошенія и на его мѣсто назначенъ Штюрмеръ съ оставленіемъ премьеромъ. Хвостовъ, министръ юстиціи, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Макаровъ на мѣсто Хвостова. Причины отставки Сазонова никто не могъ объяснить. Одинъ изъ служащихъ министерства иностранныхъ дѣлъ мнѣ говорилъ, что причина эта заключалась въ докладѣ Сазонова о Польшѣ. Сазоновъ настаивалъ на разрѣшеніи польскаго вопроса и на удаленіи Штюрмера, главнаго противника автономіи Польши. Но я думаю, что причины эти лежали глубже. Про министра юстиціи Хвостова говорили, что онъ пострадалъ изъ за Сухомлинова, такъ какъ отказался пріостановить слѣдствіе по его дѣлу. Императрица призывала его къ себѣ и въ продолженіи двухъ часовъ говорила объ освобожденіи Сухомлинова. Сперва она доказывала его невиновность, потомъ въ повышенномъ тонѣ стала требовать, чтобы Сухомлиновъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, все время повторяя: „Je veux, j'exige, qu'il soit libéré“ **).

Хвостовъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать и на вопросъ Александры Феодоровны: *Pourquoi puis que je vous l'ordonne****). Онъ отвѣтилъ: „*Ma conscience, Madame, me défend de Vous obeir et de libérer un traître*“****).

*) Представитель Краснаго Креста въ Ставкѣ и членъ Г. Совѣта.

***) Я хочу, я требую, чтобы онъ былъ освобожденъ.

****) Почему, потому что я вамъ приказываю.

*****) Моя совѣсть, ваше величество, не позволяетъ мнѣ повиноваться вамъ и освободить измѣнника.

Послѣ этого разговора Хвостовъ понялъ, что дни его сочтены и его перемѣщеніе на должность министра внутреннихъ дѣлъ было только временнымъ для соблюденія приличія. Назначая Макарова, Императрица надѣялась, что онъ будетъ болѣе податливъ, но, къ счастью, этого не оказалось.

Послѣ возвращенія изъ Ставки я имѣлъ разговоръ со Штюмеромъ по поводу проекта о диктатурѣ. Онъ заявилъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Черезъ недѣлю онъ отправился въ Ставку съ письмомъ Императрицы.

На ближайшемъ засѣданіи Особого Совѣщанія обнаружилось, что назначенная Совѣщаніемъ посылка нѣсколькихъ артиллерійскихъ парковъ была приостановлена Штюмеромъ. При своемъ возникновеніи Особое Совѣщаніе указомъ Императора было поставлено выше совѣта министровъ. Члены Совѣщанія требовали объясненій отъ военнаго министра. Тогда военный министръ показалъ намъ секретную бумагу — указъ, по которому Штюмеръ назначался диктаторомъ со всѣми полномочіями. Немедленно были выбраны представители Совѣщанія, которые отправились къ Штюмеру и выразили ему свое негодованіе. Послѣ этого онъ больше не касался распоряженій Особого Совѣщанія, но продолжалъ вмѣшиваться во всѣ остальные дѣла.

Власти произвели арестъ Д. Рубинштейна, предсѣдателя одного изъ частныхъ банковъ, завѣдомо близкаго къ Распутину, двухъ братьевъ Рубинштейна, журналиста Стембо и присяжнаго повѣреннаго Вольфсона, управлявшаго дѣлами графини Клейнмихель. Причины ареста: спекуляція съ продуктами продовольствія, игра на пониженіе русскихъ бумагъ, акты явной измѣны — продажа Германіи продуктовъ, нужныхъ для обороны, которые были заказаны нами въ нейтральныхъ странахъ.

Приблизительно въ то же время долженъ былъ подать въ отставку послѣдній министръ изъ общественныхъ дѣятелей — министръ земледѣлія Наумовъ. Съ помощью земствъ онъ составилъ записку о снабженіи страны продовольствіемъ. Подъ вліяніемъ Штюмера совѣтъ министровъ въ рѣзкой формѣ раскритиковалъ эту записку и отвергъ ее. Между тѣмъ проектъ Наумова въ свое время рассматривался и былъ одобренъ Думой.

12 іюля я поѣхалъ съ женой на южный фронтъ и по пути остановились въ Кіевѣ. Тамъ въ это время жила Императрица Марія Феодоровна, удалившаяся отъ всего того, что ее огорчало въ Царскомъ Селѣ и въ Петроградѣ. Я посѣтилъ ее, она продержала меня часа два, много говорила о дѣятельности Краснаго Креста и о жизни въ Кіевѣ и на замѣчаніе, что она хотѣла пробыть въ Кіевѣ недѣлю, а остается уже нѣскольکو мѣсяцевъ, она отвѣтила: «Да, мнѣ здѣсь очень нравится и я останусь до тѣхъ поръ, пока захочу». Затѣмъ она въ разговорѣ сказала: „*Vous ne pouvez pas vous imaginer quel contentement pour moi*

après cinquante ans que je devais cacher mes sentiments — c'est de pouvoir dire à tout le monde combien je déteste les allemands" *).

16 іюля въ сопровожденіи В. А. Маклакова и М. И. Терещенко я отправился въ Бердичевъ для свиданія съ Брусиловымъ. Дѣла на его фронтѣ были успѣшны, снаряженія достаточно и главнокомандующій бодро смотрѣлъ на положеніе арміи. Нѣкоторый недостатокъ чувствовался только въ тяжелыхъ снарядахъ, которыхъ много израсходовали при наступленіи.

Командующій восьмой арміей Калединъ, у котораго я былъ въ Луцкѣ, лишь недоумѣвалъ, почему Безобразовъ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, не согласуя свои дѣйствія съ сосѣдями. Совершенно отрицательно онъ относился къ назначенію в. к. Павла Александровича командующимъ однимъ изъ корпусовъ. Великій князь не исполнялъ приказаній даже своего прямого начальства и вносилъ еще большую путаницу.

Говоря о Ковелѣ, Калединъ замѣтилъ: «Дали бы мнѣ гвардію, я бы взялъ Ковель: онъ раньше не былъ такъ сильно укрѣпленъ и австрійцы не располагали въ этомъ пунктѣ достаточными силами. Ставка не выполнила своего первоначальнаго плана».

Калединъ очень хвалилъ пополненія молодыхъ солдатъ, хорошо обученныхъ, подобранныхъ молодецъ къ молодцу.

Изъ Луцка поѣхали въ Торчинъ, гдѣ находился санитарный отрядъ земскаго союза, обслуживавшій желѣзную дивизию. По дорогѣ постоянно встрѣчали крытыя повозки съ ранеными и повсюду были видны слѣды недавняго пребыванія австрійцевъ. Въ Торчинѣ увидѣли огромное количество трофеевъ: груды ручныхъ гранатъ и снарядовъ и ряды орудій разныхъ калибровъ. Тяжелыя орудія были взяты цѣлымъ паркомъ и ихъ тотчасъ же повернули и обстрѣляли бѣжавшаго непріятели. Изъ земскаго отряда была выдѣлена летучка, которая работала въ полутора верстахъ отъ боя. Раненыхъ было множество и всѣ лазареты были переполнены; сестры и доктора работали безъ передышки вторыя сутки. Генералъ Кашталинскій, командиръ корпуса, говорилъ, что ожидаютъ новыя атаки и что австрійцы ведутъ артиллерійскую подготовку. Дѣйствительно, къ вечеру начался гуль, напоминавшій безпрерывные раскаты грома съ тяжелыми ударами.

По дорогѣ изъ Рожища тянулась безконечная вереница раненыхъ въ простыхъ телѣгахъ. Многіе съ тяжелыми раненіями лежали даже безъ соломы и громко стонали. Уполномоченный Краснаго Креста при восьмой арміи Г. Г. Лерхе говорилъ еще въ Луцкѣ: «Обратите вниманіе на эвакуацію раненыхъ изъ гвардіи, — тамъ, Богъ знаетъ, что творится».

Въ Рожищѣ бросалось въ глаза множество раненыхъ, лежавшихъ, гдѣ попало: въ домахъ, въ садахъ, на землѣ и въ сараяхъ; многіе по-

*) Вы не можете себѣ представить, какое для меня удовлетвореніе послѣ того, что я пятьдесятъ лѣтъ должна была скрывать свои чувства — имѣть возможность сказать всему свѣту, что я ненавижу нѣмцевъ.

страдали тутъ же въ самомъ мѣстечкѣ при налетахъ аэроплановъ и отъ разрыва пироксилиновыхъ шашекъ, сложенныхъ подъ открытымъ небомъ рядомъ съ лазаретомъ. Здѣсь погибъ уполномоченный Краснаго Креста Г. М. Хитрово, который бросился выносить раненыхъ изъ загорѣвшагося отъ взрыва шашекъ барака. У завѣдующаго санитарной частью арміи профессора Вельяминова не хватало самыхъ необходимыхъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Въ штабѣ Безобразова поражало большое количество штабныхъ офицеровъ. Изъ рассказовъ самого Безобразова о положеніи на фронтѣ можно было вынести впечатлѣніе, что у него полная неурядица.

На обратномъ пути я снова видѣлся въ Луцкѣ съ генераломъ Калединымъ и онъ не скрывалъ своего негодованія по поводу тѣхъ огромныхъ потерь, которыя понесла гвардія, достигшая ничтожныхъ результатовъ: «Нельзя такъ безумно жертвовать людьми, и какими людьми».

Въ Рожище мы пріѣхали въ надеждѣ свидѣться съ сыномъ, полкъ котораго участвовалъ во всѣхъ бояхъ гвардіи, потерявшей тогда убитыми и ранеными до тридцати трехъ тысячъ. Безобразовъ разрѣшилъ вызвать сына по телефону, такъ какъ полкъ его отошелъ на вторую линію. Ждать пришлось до разсвѣта слѣдующаго дня. Мы сидѣли до поздней ночи на скамейкѣ на шоссе и послѣ всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній дня ожидали съ тревогой, жуткимъ чувствомъ прислушиваясь къ доносившемуся реву боя. Ночь была темная и жена пошла отдохнуть въ халупу В. В. Мещериновой, которая, вѣрная себѣ, не отставала отъ преображенскаго полка, гдѣ у нея изъ трехъ сыновей одинъ уже погибъ. Спать не хотѣлось; вернулась и жена и мы обошли три лазарета: одинъ изъ нихъ имени Родзянко, гдѣ отлично работала жена племянника—англичанка, второй—англійскій съ лэди Педжетъ во главѣ и третій Кауфмановской общины. Вездѣ работали самоотверженно, но принимать всѣхъ не успѣвали — не хватало мѣстъ. Привозили исключительно изъ гвардейскихъ частей: чудный, молодой, рослый народъ изъ послѣднихъ пополненій — «поливановскіе». Они бодро и весело отвѣчали намъ, а «старики» жаловались, что часто даромъ губятъ народъ, заставляють брать проволочныя загражденія безъ артиллерійской подготовки. Они отнеслись ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ и тихо съ грустью рассказывали про плохое начальство.

Вмѣстѣ съ Мещериновой мы похоронили Хитрово во временной могилѣ и послѣ окончанія церемоніи остались на похоронахъ солдатъ, умершихъ въ лазаретахъ. Ихъ привезли безъ гробовъ, голыхъ, и клали въ общую могилу рядами. Тяжело было смотрѣть на эту безотрадную картину. Священникъ скороговоркой, небрежно читалъ молитвы, а когда мы попросили его не спѣшить и стали сами пѣть панихиду, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ и сталъ служить, какъ слѣдуетъ. Уходя, священникъ поблагодарилъ и, вздыхая, сказалъ: «Мы то и дѣло хоронимъ, жаль смотрѣть» — и махнулъ рукой.

Сынъ пріѣхалъ прямо въ Луцкъ и послѣ часового отдыха началъ рассказывать все пережитое.

Преступная неурядица, несогласованность команднаго состава, путаница въ распоряженіяхъ — погубили лучшія войска безъ всякой

пользы. Не только офицерамъ, но и солдатамъ было очевидно, что при такихъ условіяхъ побѣда немыслима, несмотря на геройство гвардейскихъ частей. В. к. Павелъ Александровичъ, командовавшій корпусомъ, не послушался приказанія обойти намѣченный пунктъ съ фланговъ и приказалъ преобращенцамъ и императорскимъ стрѣлкамъ двинуться прямо на высоты Рай-Мѣсто. Полки попали въ трясины, гдѣ многіе погибли: пока они вязли и съ трудомъ передвигались по болоту, надъ ихъ головами носились нѣмецкіе аэропланы и разстрѣливали въ упоръ. Сынъ провалился по плечи и его съ трудомъ вытаскивали солдаты. Раненыхъ нельзя было выносить изъ болота и они всѣ погибли. Трясина тянулась вплоть до высоты, которая вся была опутана колючей проволокой. Наша артиллерія дѣйствовала слабо, проволочныя загражденія не разрушала, снаряды ея не долетали или попадали въ своихъ. Командовавшій кавалерійской дивизіей генералъ Раухъ не выполнилъ распоряженіе штаба и вмѣсто того, чтобы зайти неприятелю въ тылъ, отвелъ свои полки. Вообще, каждый командующій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и люди гибли напрасно. Несмотря на все это, геройскіе полки гвардіи выполнили возложенную на нихъ задачу и, истекая кровью, заняли высоты, послѣ чего имъ велѣли отступать...

Сынъ, всегда спокойный и уравновѣженный, сильно волновался и говорилъ мнѣ: «Ты долженъ довести до свѣдѣнія Государя, что преступно такъ зря убивать народъ... Командный составъ никуда не годится... Всѣ чувствуютъ въ арміи, что безъ всякихъ причинъ дѣла пошли хуже: народъ великолѣпный, снарядовъ и орудій въ избыткѣ, но не хватаетъ мозговъ у генераловъ. Плохо еще, что нѣтъ аэроплановъ. Ставокъ никто не довѣряетъ, такъ же, какъ и ближайшему начальству. Все это можетъ кончиться озлобленіемъ и разваломъ. Мы готовы умирать за Россію для родины, но не для прихоти генераловъ. Они во время боевъ въ большинствѣ случаевъ сидятъ въ безопасныхъ мѣстахъ, на линіи огня рѣдко кто изъ нихъ показывается, а умираемъ мы. У насъ и солдаты, и офицеры одинаково думаютъ, что если порядки не измѣнятся, — мы не побѣдимъ. Надо открыть на все это глаза...»

Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго я отправилъ подробное письмо Брусилову, а Брусиловъ, прибавилъ къ моему письму свой собственный докладъ, переслалъ и то, и другое въ Ставку. Въ результатѣ генералъ Безобразовъ, его начальникъ графъ Игнатьевъ, в. к. Павелъ Александровичъ и профессоръ Вельяминовъ были смѣщены.

На первомъ же засѣданіи Особаго Совѣщанія я поднялъ вопросъ объ авіаціи. Шуваевъ противился обсужденію вопроса, боясь, что будутъ критиковать дѣятельность в. к. Александра Михайловича, а когда члены Совѣщанія тѣмъ не менѣе рѣшили заняться этимъ вопросомъ, Шуваевъ безъ объясненій закрылъ засѣданіе. Между тѣмъ съ именемъ великаго князя связывались многія злоупотребленія: покупались бракованные аэропланы, причемъ пріемная комиссія не раскрывала даже ящиковъ и на фронтъ посылали аэропланы, на которыхъ или

вовсе нельзя было летать, или съ большимъ рискомъ. Ближайшій помощникъ великаго князя полковникъ Фогель пользовался плохой репутаціей, черезъ его руки проходили всѣ заказы и фактически онъ распоряжался всей военной авіаціей. Когда этотъ вопросъ обсуждался въ іюнѣ въ Особомъ Совѣщаніи, были затребованы свѣдѣнія, сколько аэроплановъ находится въ арміи и сколько по подсчету ихъ должно быть. Авіаціонный отдѣлъ очень долго не давалъ отвѣта, а когда наконецъ доставилъ его, то оказалось, что большинство аэроплановъ у насъ учебные и находятся при авіаціонныхъ школахъ. Тогда Особое Совѣщаніе предложило авіаціонному отдѣлу выписать изъ заграницы недостающіе аэропланы. Прошло много времени, съ фронта умоляли о присылкѣ аэроплановъ, а о заказѣ не было ни слуха, ни духа. На повторный запросъ Особого Совѣщанія авіаціонный отдѣлъ отвѣтилъ сперва, что заказы сдѣланы во Франціи и скоро аппараты придутъ. А затѣмъ сообщилъ, что Франція отказалась выполнить заказъ. Между тѣмъ до моего свѣдѣнія дошло, что никакого заказа, вообще, дано не было и что в. к. Александръ Михайловичъ приказалъ всѣ переговоры пріостановить. Я рѣшилъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія о постановкѣ у насъ авіаціоннаго дѣла. Въ этой работѣ мнѣ много помогли два нашихъ выдающихся военныхъ авіатора, одинъ изъ которыхъ былъ начальникомъ авіаціонной школы и получилъ за развѣдки и бои три Георгія. Кромѣ того я получалъ много писемъ отъ другихъ авіаторовъ фронта. Докладъ получился очень подробный съ точными цифрами заказовъ, съ указаніемъ сроковъ, въ которые они были выполнены и съ перечисленіемъ всѣхъ фактовъ по недобросовѣстной пріемкѣ, гибели летчиковъ и прочее. Вскрылась вся система управленія авіаціей и ужасающая картина ея положенія. Записку эту я отправилъ Государю, в. к. Александру Михайловичу и всѣмъ членамъ Особого Совѣщанія.

На слѣдующемъ засѣданіи, когда Шуваевъ отсутствовалъ, вопросъ былъ снова поднятъ; я сообщилъ всѣ данныя моего доклада, рассказалъ, что видѣлъ на фронтѣ, и передалъ, что такіе авторитеты, какъ Брусиловъ, Калединъ и Сахаровъ просили обратить самое серьезное вниманіе на авіацію. Въ то время, какъ нѣмцы летаютъ надъ нами, какъ птицы, и забрасываютъ насъ бомбами, мы безсильны съ ними бороться; непріятель знаетъ наше расположеніе, какъ свои пять пальцевъ, а у насъ воздушная развѣдка почти совершенно отсутствуетъ. Я убѣждалъ Совѣщаніе, что если попрержнему полагаться на авіаціонный отдѣлъ и великаго князя, то дѣло съ мѣста не сдвинется и предлагалъ взять инициативу заказа аэроплановъ за границей. Совѣщаніе согласилось съ этимъ и въ виду нежеланія Шуваева вести переписку по этому поводу съ союзниками, мнѣ поручено было взять эту миссію на себя. Шуваевъ предоставилъ мнѣ военный шифръ и я послалъ телеграмму генералу Жоффру черезъ нашего военного агента въ Парижѣ, графа Игнатъева. Отвѣта долго не получалось и французскій военный агентъ маркизь Лягишъ сообщилъ мнѣ, что по ихъ агентурнымъ свѣдѣніямъ графъ Игнатъевъ задержалъ телеграмму и не передалъ ее Жоффру. Я просилъ Лягиша послать телеграмму французскимъ шифромъ непосредственно Жоффру и министру снабженія

Тома, а самъ обратился къ Шуваеву съ просьбой разъяснить, на какомъ основаніи военный агентъ позволилъ себѣ цензуровать и задерживать телеграмму предсѣдателя Думы, посланную съ вѣдома военного министра военнымъ шифромъ. Игнатьевъ далъ весьма странный отвѣтъ: онъ не хотѣлъ телеграммой предсѣдателя Думы волновать главнокомандующаго. Между тѣмъ на телеграмму Лягиша пришелъ очень скоро отвѣтъ, въ которомъ Жоффри извѣщалъ, что заказъ сдѣланъ и аэропланы высылаются въ ближайшее время. Въ Особомъ Совѣщаніи отвѣтъ Жоффра произвелъ прекрасное впечатлѣніе.

Этимъ исторія съ заказами аэроплановъ однако не закончилась.

Я уѣхалъ на короткій срокъ въ имѣніе. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму, что бюджетная комиссія проситъ меня настаивать передъ правительствомъ о скорѣйшемъ созывѣ Думы. Въ той же телеграммѣ сообщалось, что мой секретарь В. Садыковъ выѣхалъ ко мнѣ съ докладомъ. Къ немалому удивленію, Садыковъ, кромѣ постановленія бюджетной комиссіи, привезъ письмо отъ генерала Алексѣева, въ которомъ мнѣ указывалось желаніе Государя «устранить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ военные вопросы, не входящіе въ кругъ вѣдѣнія ни предсѣдателя Г. Думы, ни члена Особого Совѣщанія»^{*)}). Секретарь обратилъ мое вниманіе, что письмо это получилось въ конвертѣ безъ печати, что не было надписи «секретно», несмотря на то, что подъ печатями и съ такой надписью присылались постоянно самыя незначительныя бумаги. Садыковъ говорилъ, что вскрывъ конвертъ, онъ, не объясняя никому причинъ, рѣшилъ ѣхать ко мнѣ въ имѣніе, такъ какъ зналъ, что я передъ возвращеніемъ въ Петроградъ долженъ быть въ Ставкѣ: не зная содержанія этого письма, я могъ бы оказаться тамъ въ очень неловкомъ положеніи.

Исполнить желаніе Государя я, по своему разумѣнію, не могъ: это значило пойти противъ совѣсти, молча сидѣть въ Совѣщаніи при обсужденіи вопросовъ о снабженіи арміи и, вообще, по примѣру Горемыкина рѣшить, что «война меня не касается».

При слѣдующемъ докладѣ эти мои соображенія я сообщилъ Государю и объяснилъ, что согласно законоположенію объ Особомъ Совѣщаніи на мнѣ, какъ на членѣ такового, лежитъ прямая обязанность активно принимать участіе въ вопросахъ снабженія арміи и при этомъ

^{*)} Текстъ письма генерала М. В. Алексѣева былъ слѣдующій:

„Милостивый государь, Михаилъ Владиміровичъ. Ваше превосходительство черезъ нашего агента во Франціи обратились къ генералу Жоффру и г. Альберу Тома съ телеграммой о предоставленіи русской арміи аэроплановъ, опредѣливъ по своему усмотрѣнію число и систему ихъ, въ связи съ той общею программой, которая выработана по общему соглашенію между нами, французскимъ и англійскимъ правительствомъ по этому вопросу. Копію веденной вами переписки, но уже послѣ отправленія своей телеграммы, вы препроводили в. к. Александру Михайловичу. По докладу Государю Императору этой переписки, его величество повелѣлъ передать вамъ его волю, чтобы вы устранили себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ военные вопросы, не входящіе въ кругъ вѣдѣнія ни Предсѣдателя Г. Думы, ни члена Особого Совѣщанія. Дѣло, въ которомъ окажется нѣсколько хозяевъ, считающихъ себя другъ отъ друга независимыми, одинаково компетентными и полновластными въ своихъ распоряженіяхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ доведено до полнаго развала. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Михаилъ Алексѣевъ“.

добавилъ, что очевидно ему было совершенно неправильно доложено о моемъ вмѣшателствѣ въ этомъ дѣлѣ.

Государь отвѣтилъ:

— Да, вы были правы и дѣло мнѣ было доложено не такъ, какъ слѣдовало.

Этимъ отвѣтомъ Государя я былъ вполнѣ удовлетворенъ.

XIV

Протопоповъ—министръ. Условія Предсѣдателя Думы. Корзлевичъ Греческій. Отказъ въ аудіенціи. У Штюмера.

При Штюмерѣ игралъ совершенно особую роль нѣкій Манасевичъ-Мануйловъ, бывшій сотрудникъ Рачковскаго, мелкій журналистъ, имѣвшій связи съ распутинскимъ кружкомъ и въ значительной степени способствовавшій назначенію Штюмера. Онъ былъ при Штюмерѣ въ роли какъ бы личнаго секретаря. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ шантажировалъ банки и они откупались отъ него взятками. Директоръ Соединеннаго банка графъ Татищевъ вмѣстѣ съ министромъ А. А. Хвостовымъ рѣшили уловить этого Мануйлова. Взятка была дана, но на пятисотенныхъ билетахъ были сдѣланы помѣтки рукою Ивана Хвостова, племянника министра. Произошло это во время отсутствія Штюмера, находившагося въ Ставкѣ. У Мануйлова сдѣлали обыскъ, нашли пятисотенные билеты, которые лежали въ томъ же порядкѣ и только часть ихъ успѣла уже исчезнуть. Мануйлова арестовали.

Когда Штюмеръ узналъ объ арестѣ Мануйлова, онъ этому не повѣрилъ. Затѣмъ, убѣдившись, онъ вторично выѣхалъ въ Ставку, неизвѣстно, что тамъ наговорилъ, и вернулся съ отставкой Хвостова въ карманѣ. Онъ вызвалъ къ телефону Хвостова и заявилъ ему: «Вы мнѣ сообщили непріятное для меня извѣстіе объ арестѣ Манасевича-Мануйлова, теперь я вамъ сообщаю новость: вы больше не министръ внутреннихъ дѣлъ».

На мѣсто Хвостова (старшаго) министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ товарищъ предсѣдателя Думы Протопоповъ.

Послѣ возвращенія Протопопова изъ заграницы и разговора въ Стокгольмѣ съ германскимъ представителемъ, имя его часто стало мелькать въ газетахъ. Появилось извѣстіе, что Протопоповъ совмѣстно съ банками собирается издавать газету «Воля Россіи»; Терещенко, Литвиновъ-Фалинскій и многіе другіе предупреждали меня, что Протопоповъ окруженъ подозрительными личностями, что имя его связываютъ съ именемъ Распутина и что распутинскій кружокъ проводитъ его въ министры внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе Протопопова могло казаться популярнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ успѣхъ во время поѣздки парламентской делегаціи и даже состоялъ въ прогрессивномъ блокѣ. Назначеніе Протопопова было встрѣчено съ недоумѣніемъ, но въ первой же бесѣдѣ съ журналистами онъ открылъ свои карты, заявивъ, что вступаетъ въ правительство Штюмера и отдѣльной программы не имѣетъ. Въ послѣднее время Протопоповъ избѣгалъ со мной встрѣчъ

и не показывался въ Думу. Наконецъ я къ нему дозвонился и сказалъ, чтобы онъ непременно пріѣзжалъ завтракать. Я поставилъ ему вопросъ ребромъ:

— Скажите, Александръ Дмитриевичъ, прямо: вѣрны ли слухи о вашемъ назначеніи? Вы меня ставите въ неловкое положеніе, — я долженъ знать, какой постъ собирается принять мой товарищъ.

— Да, дѣйствительно, мнѣ предложили постъ министра внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ Протопоповъ, — и я согласился.

— Кто вамъ предложилъ?

— Штюрмеръ, по желанію Государя Императора.

— Какъ... И вы пойдете въ кабинетъ Штюрмера?

— Вѣдь вы же сами меня рекомендовали.

— Да, я рекомендовалъ васъ на постъ министра торговли въ кабинетъ Григоровича, а не на постъ министра внутреннихъ дѣлъ къ Штюрмеру.

— Я чувствую, — сказалъ Протопоповъ, — что вы на меня сердитесь.

— И очень даже: вы поступили предательски по отношенію къ Думѣ. Вы идете служить съ тѣмъ правительствомъ, которое только что Дума осудила, какъ бездарное и вредное для Россіи, и это послѣ того, какъ вы подписали резолюцію блока. При этомъ вы громко исповѣдуете, что у васъ нѣтъ другой программы, кромѣ программы премьеръ-министра Штюрмера. Я васъ предупреждаю — Дума потребуеть отъ васъ объясненія.

Я надѣюсь, — отвѣчалъ Протопоповъ, — что мнѣ удастся чтонибудь измѣнить въ положеніи вещей. Я увѣряю васъ, что Государь готовъ на все хорошее, но ему мѣшаютъ.

— Хорошо, пусть такъ, но при Штюрмерѣ и Распутинѣ развѣ вы въ силахъ чтонибудь измѣнить. Вы только скомпрометируете себя и Думу. У васъ не хватитъ силъ бороться и вы не отважитесь прямо говорить Государю.

Послѣ назначенія Протопопова прошелъ слухъ, что предсѣдатель Думы будетъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и премьеромъ. Слухъ подтвердился. Неожиданно пріѣзжаетъ Протопоповъ и обращается съ такими словами:

— Знаете, Михаилъ Владиміровичъ, въ Ставкѣ хотятъ назначить васъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Какъ я могу быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, — усмѣхнулся я.

— У васъ будутъ помощники, которые знаютъ технику этого дѣла.

— И что же—я долженъ соединить съ этимъ и руководство всей политикой: быть премьеромъ?

— Да, конечно, и это также.

Приходилось кончать комедію.

— Послушайте, — сказалъ я, — вы исполняете чье то порученіе: васъ послали узнать мое мнѣніе на этотъ счетъ. Въ такомъ случаѣ передайте Государю слѣдующее: мои условія таковы. Мнѣ одному принадлежитъ власть выбирать министровъ, я долженъ быть назначенъ

не менѣе, какъ на три года. Императрица должна удалиться отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла и до окончанія войны жить безвыѣздно въ Ливадіи. Всѣ великіе князья должны быть отстранены отъ активной дѣятельности и ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться на фронтѣ. Государю надо примириться со всѣми, несправедливо обиженными имъ министрами. Поливановъ долженъ быть помощникомъ Государя въ Ставкѣ, Лукомскій — военнымъ министромъ. Каждую недѣлю въ Ставкѣ должны происходить совѣщанія по военнымъ дѣламъ и я долженъ на нихъ присутствовать съ правомъ голоса по вопросамъ не стратегическаго характера.

Протопоповъ былъ въ ужасѣ отъ моихъ словъ и не представлялъ себѣ, какъ онъ можетъ ихъ передать. Я ему помогъ.

— Если Государь меня призоветъ, я самъ все это ему скажу.

— Да, я знаю, вы скажете, — повторялъ Протопоповъ, почесывая затылокъ.

Я просилъ его записать мои условія и онъ записалъ ихъ въ карманной книжкѣ.

— И еще прибавьте: я приму этотъ постъ съ тѣмъ, чтобы всѣ эти условія были обнародованы въ Думѣ.

Черезъ нѣсколько дней Протопоповъ обѣдалъ у меня и за обѣдомъ заговорилъ про Императрицу, страшно ее расхваливая.

— Она необыкновенно сильная, властная и умная женщина. Вы, Михаилъ Владиміровичъ, должны непременно къ ней поѣхать.

Ничего ему не говоря, я взялъ его за пульсъ и спросилъ:

— А гдѣ вы вчера обѣдали? (Передъ этимъ мнѣ его чиновникъ особыхъ порученій Граве, бывший еще при П. А. Столыпинѣ, рассказывалъ, что Протопоповъ ѣздилъ наканунѣ обѣдать въ Царское, по видимому, къ Вырубовой, а вечеръ провелъ у Штюмера).

Протопоповъ смутился:

Да, нѣтъ, вы скажите, гдѣ вы вчера обѣдали? — продолжалъ я его допрашивать.

— А кто вамъ сказалъ?

— Это уже мое дѣло: моя тайная полиція лучше вашей... Такъ гдѣ же вы вчера обѣдали, дорогой мой?

— Вы уже навѣрно знаете, — отвѣчалъ Протопоповъ.

— А вечеръ вы провели у Штюмера?

— И это вы знаете?

— Вы видите, я все знаю... Скажите, зачѣмъ вы все это дѣлаете? Зачѣмъ вы себя компрометируете: вѣдь этого скрыть нельзя. Вы предлагаете мнѣ ѣхать говорить съ Императрицей, я къ ней ни за что не поѣду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ея покровительства, а можетъ быть и покровительства Вырубовой и Распутина. Я такимъ путемъ идти не могу.

Императрица все чаще ѣздила въ Ставку, а когда находилась въ Царскомъ — къ ней ѣздили министры съ докладами.

Подъ вліяніемъ митрополита Питирима и Распутина былъ назначенъ новый оберъ-прокуроръ Синода нѣкій Раевъ, директоръ жен-

скихъ курсовъ. Депутація отъ Синода во главѣ съ этимъ Раевымъ поднесла Императрицѣ икону и благословленную грамоту*).

Благословленная грамота была напечатана въ газетахъ, но желаемаго впечатлѣнія не произвела. Императрица никогда не была популярной, а когда въ широкихъ кругахъ стало извѣстно о значеніи и вліяніи Распутина и о ея вмѣшательствѣ въ государственнаыя дѣла — ее всѣ стали осуждать, называли «нѣмкой» и видѣли въ ней причину всѣхъ неудачныхъ и вредныхъ для Россіи шаговъ Государя.

Въ Петроградъ черезъ Вѣну и Берлинъ пріѣзжалъ греческій принцъ Николай, женатый на великой княгинѣ Еленѣ Владиміровнѣ. Стали говорить, что онъ имѣетъ какую то тайную миссію. Онъ пробылъ довольно долго, нѣсколько мѣсяцевъ. Ызидилъ въ Ставку и Алексѣевъ жаловался, что однажды, когда онъ долженъ былъ докладывать Государю, у него оказался греческій королевичъ и в. к. Марія Павловна. Государь предложилъ Алексѣеву докладывать въ ихъ присутствіи, но Алексѣевъ попросилъ Государя переговорить съ нимъ съ

*) Благочестивѣйшая Государыня. Настоящая великая война, небывалая по своимъ размѣрамъ и кровопролитію, вызываетъ въ народѣ небывалые подвиги самоотверженія и христіанской любви. Наше доблестное воинство, въ высокому подвигу Верховнаго Вождя почерпая силы и воодушевленіе, грудью защищаетъ родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за Вѣру, Престоль и Отечество. А за этимъ воинствомъ идетъ сильная не смертоноснымъ оружіемъ, а христіанскою любовью армія слабыхъ тѣломъ, но кроткихъ духомъ женъ, которыя подъ знаменемъ Креста скромно совершаютъ свое столь же великое, святое дѣло любви — дѣло служенія пострадавшимъ отъ войны. Отъ нихъ же ждутъ сострадательнаго участія и попеченія тысячи бѣженцевъ, лишившихся крова, дѣти, потерявшіе своихъ родителей, вдовы и сироты тѣхъ, кто положилъ свою жизнь за други своя.

Всюду, гдѣ только есть страданіе и нужда, идетъ эта крестonosная армія, на всѣхъ обездоленныхъ войной простирая свои заботы и милосердіе, и душой всего этого священнаго порыва и подвига русской женщины христіанки являетесь Вы, Ваше Императорское Величество, привлекли на дѣло служенія имъ и своего августѣйшаго сына, Наслѣдника Цесаревича, вашу радость и надежду Россіи. Раздѣляя со своимъ вѣнценоснымъ родителемъ всѣ тяготы походной жизни онъ несетъ съ собой свѣтъ и тепло въ души защитниковъ родины и, посѣщая лазареты, облегчаетъ страданія раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Вы, какъ чадолюбивая мать, приняли въ свою любовь съ самаго начала страдающихъ нашей родины. Въ скромной одеждѣ сестры милосердія вы стоите вмѣстѣ съ августѣйшими дочерьми у самаго одра раненаго и больного воина, своими руками обвязывая раны, своей материнской заботой и лаской утѣшая страдающаго, вызывая во всѣхъ чувство умиленія. Священны будутъ воспоминанія тѣхъ, кого согрѣла ваша любовь. Горячи будутъ ихъ благодарственныя молитвы о васъ къ Господу.

Воздавая хвалу Богу, дивно укрѣпляющаго васъ въ великомъ подвигѣ любви къ ближнимъ, св. Синодъ призываетъ Божіе благословеніе и на дальнѣйшій подвигъ вашего Императорскаго Величества и, благословляя Васъ иконой Пречистой Божьей Матери, молитъ Владычицу, да будетъ Она всегда благодатнымъ поступленіемъ и покровомъ Вамъ, Благочестивѣйшая Государыня, и всей августѣйшей семьѣ вашей.

Вашего Императорскаго Величества всеподданные богомольцы: Питиримъ, митрополитъ петроградскій и ладожскій, Сергій, архіепископъ финляндскій и выборгскій, Іоаннъ, архіепископъ казанскій и свѣжскій, Веніаминъ, архіепископъ симбирскій и сызранскій, Дмитрій, архіепископъ рязанскій и зарайскій, Василій, епископъ черниговскій и нѣжинскій, епископъ Иннокентій, предсѣдатель миссіонерскаго совѣта, завѣдующій придворнымъ духовенствомъ протопресвитеръ Александръ Дерновъ, протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Георгій Шабельскій“.

глазу на глазъ. Алексѣевъ считалъ, что вообще присутствіе греческаго королевича въ Ставкѣ неумѣстно и находилъ, что его слѣдуетъ даже задержать и не пускать обратно, особенно же не давать ему возможности ѣхать вновь черезъ Берлинъ и Вѣну. По требованію военныхъ властей королевича дѣйствительно отправили не черезъ Торнео на Швецію, а прямо черезъ Архангельскъ въ Англію. Онъ вернулся въ Грецію въ разгаръ самой смуты. Потомъ въ газетахъ мы прочли, что «при дворѣ короля Константина считаютъ миссію королевича Николая выполненной и вполне удачно».

Послѣ вступленія въ должность Протопоповъ объявилъ, что его главная задача — продовольствіе страны. Онъ возбудилъ въ совѣтѣ министровъ вопросъ о передачѣ продовольственныхъ вопросовъ изъ министерства земледѣлія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Противъ этого возстала печать и земскіе дѣятели, которые работали какъ уполномоченные по продовольствію; съ передачей продовольствія въ министерство внутреннихъ дѣлъ они справедливо опасались давленія со стороны губернаторовъ, полиціи и прочее. Большинство изъ нихъ заявили, что съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ работать не будутъ.

Опасенія земцевъ скоро оправдались. Въ екатеринославской губерніи произошелъ слѣдующій случай. Губернаторъ передалъ по телефону предсѣдателю губернской земской управы Гесбергу (онъ же уполномоченный по продовольствію отъ министерства земледѣлія), чтобы онъ допустилъ агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ покупкѣ полутора милліона пудовъ ячменя для отправки въ Петроградъ въ Калашниковскую биржу. Допустить неопытныхъ постороннихъ агентовъ — значило поднять цѣны и вызвать злоупотребленія. Гесбергъ предложилъ закупить и послать ячмень, но губернаторъ настаивалъ на своемъ, сообщилъ, что онъ передаетъ приказъ министра внутреннихъ дѣлъ и что, если это не будетъ исполнено, то будутъ приняты мѣры воздѣйствія. Гесбергъ отвѣтилъ губернатору, что онъ, какъ предсѣдатель земской управы, не можетъ получать отъ губернатора указаній по продовольственному дѣлу, а какъ уполномоченный, онъ подчиненъ министерству земледѣлія. Отвѣтъ Гесберга былъ переданъ Протопопову и Протопоповъ рѣшилъ выслать Гесберга въ Сибирь, какъ носящаго нѣмецкую фамилію. Предотвращено это было совершенно случайно. Протопопова посѣтилъ мировой судья Новомосковскаго уѣзда Магденко, товарищъ Протопопова по полку. Протопоповъ сталъ ему рассказывать о Гесбергѣ и о своемъ желаніи его выслать. Магденко умолялъ этого не дѣлать, такъ какъ это вызоветъ негодованіе въ губерніи, гдѣ Гесберга любили и гдѣ недавно его чествовали по случаю двадцатипятилѣтія земской службы. И только послѣ настойчивыхъ просьбъ и уговоровъ Протопоповъ внялъ словамъ Магденко и при немъ разорвалъ уже подписанный указъ.

Вообще Протопоповъ велъ себя очень странно и на многихъ производилъ впечатлѣніе ненормальнаго человѣка. Онъ явился въ Думу на засѣданіе бюджетной комиссіи въ жандармской формѣ. Дума при-

няла его очень холодно, а его продовольственный проект встрѣтилъ общее осужденіе. Такъ же высказались земскій и городской союзы. Протопоповъ добивался поговорить со своими бывшими товарищами по Думѣ и просилъ меня въ этомъ помочь. Онъ, очевидно, надѣялся, что свиданіе ему будетъ устроено только съ представителями земцевъ — октябристовъ, но я нарочно созвалъ къ себѣ лидеров всѣхъ фракцій прогрессивнаго блока, Протопоповъ въ этотъ вечеръ велъ себя странно: онъ все поднималъ глаза кверху и съ какимъ неестественнымъ восторгомъ говорилъ: «Я чувствую, что я спасу Россію, я чувствую, что только я ее могу спасти». Шингаревъ, врачъ по профессіи, говорилъ, что по его мнѣнію у Протопопова просто прогрессивный параличъ. Протопоповъ просидѣлъ у меня до трехъ часовъ ночи, какъ будто не могъ рѣшиться уйти и подъ конецъ я его почти насильно отправилъ спать.

Несмотря на стараніе Протопопова увѣрить всѣхъ, что онъ можетъ спасти Россію, депутаты этому не повѣрили, бюджетная комиссія осудила его проектъ, а когда проектъ окончательно пересматривался въ совѣтѣ министровъ, то и совѣтъ министровъ его провалилъ, и оставилъ продовольственное дѣло въ рукахъ министра земледѣлія.

27 октября было торжественное засѣданіе общества англо-русскаго флага. Это общество возникло за годъ передъ тѣмъ по инициативѣ М. М. Ковалевскаго и онъ былъ его первымъ предсѣдателемъ. Послѣ его смерти предсѣдателемъ выбрали меня. На собраніи, которое происходило въ залѣ городской думы, очень понравилась рѣчь майора англійской арміи Торнхилля. Онъ удивительно вѣрно охарактеризовалъ русскаго солдата и съ большимъ юморомъ говорилъ о бесполезныхъ попыткахъ нѣмцевъ поссорить Англію и Россію. Онъ сказалъ, что Англія хочетъ завоевать, но не территорію, а благородное русское сердце и что ему, какъ англичанину, не удобно говорить, что въ этомъ и наша выгода.

Шингаревъ, рассказывавшій о своихъ впечатлѣніяхъ изъ поѣздки съ парламентской делегацией, подчеркнул, что въ Англии существуетъ удивительное взаимное довѣріе между правительствомъ и общественнымъ силами. Эти слова были покрыты аплодисментами, а когда онъ сказалъ, что тамъ нѣтъ темныхъ силъ и безотвѣтственныхъ вліяній, аплодисменты еще болѣе усилились. Когда одинъ изъ ораторовъ упомянулъ о членѣ этого общества, бывшемъ министрѣ Сазоновѣ, въ публикѣ опять стали аплодировать, всѣ искали глазами Сазонова, желая ему сдѣлать оваціи, но его въ залѣ не оказалось.

На мою просьбу объ аудіенціи, я получилъ отвѣтъ Государя. На моемъ представленіи его рукой было написано: «Поручаю предсѣдателю совѣта министровъ передать предсѣдателю Г. Думы, что онъ можетъ быть принятъ по возобновленіи занятій Думы и только съ докладомъ по вопросамъ, касающимся ея сессіи». Подписи не было. Бумага была вложена въ конвертъ на мое имя и запечатана малой, пе-

чатку. Очевидно, Государь ошибся и вложил бумагу, предназначенную для Штюрмера, въ конвертъ Родзянки.

На другой день Штюрмеръ звонитъ по телефону. Онъ наканунѣ былъ въ Ставкѣ и узналъ, что Государь по ошибкѣ послалъ не туда свой отвѣтъ.

«М. В., вы получили бумагу отъ его величества, въ которой онъ поручаетъ мнѣ передать вамъ, что онъ не можетъ принять васъ».

«Получилъ».

«Что же вы намѣрены предпринять?»

«Это мое дѣло».

«А какъ же мнѣ быть, вѣдь я долженъ передать вамъ повелѣніе Государя».

«А это уже ваше дѣло, — и я не смѣю вамъ ничего совѣтовать».

«Такъ нельзя ли считать, что это я вамъ передалъ по телефону?»

«Я думаю, что приказаніе Государя Императора не удобно передавать по телефону».

«Такъ какъ же мнѣ быть?»

«Право, не знаю».

«Не можете ли вы прислать мнѣ эту бумагу?»

«Копію, да, но подлинникъ останется у меня, такъ какъ я ее получилъ отъ Государя въ конвертъ на мое имя за печатью».

«Что же вы намѣрены предпринять по поводу отказа?»

«Я не обязанъ давать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ».

На другой день Штюрмеръ, всетаки, прислалъ бумагу, въ которой официально передавалъ порученіе Государя. Такимъ образомъ повторилась старая исторія, бывшая нѣсколько лѣтъ назадъ при Коковцевѣ.

Въ тотъ же день или на слѣдующій два члена Думы встрѣтили товарища министра юстиціи Веревкина, который ихъ спросилъ: «Кого Дума намѣрена выбрать въ предсѣдатели?» Депутаты отвѣтили, что они не сомнѣваются въ переизбраніи прежняго предсѣдателя. Веревкинъ сдѣлалъ удивленное лицо: «Какъ, послѣ того, какъ Государь его не принялъ?» Депутаты, хотя не знали объ этомъ, но отвѣтили, что это нисколько не помѣшаетъ переизбранію. Они пріѣхали ко мнѣ и передали объ этомъ разговоръ.

Чтобы не повышать и безъ того напряженнаго настроенія Думы, я рѣшилъ скрыть отъ депутатовъ и письмо генерала Алексѣева по поводу аэроплановъ, и отвѣтъ Государя на просьбу объ аудіенціи. Когда же правительство само стало объ этомъ распространять слухи, то я созвалъ лидеровъ партій блока и все имъ рассказалъ.

Дума должна была собраться 1 ноября. Передъ началомъ занятій происходили постоянныя совѣщанія блока и была составлена въ рѣзкихъ выраженіяхъ резолюція о необходимости создать правительство, опирающееся на большинство Г. Думы. Прогрессисты настаивали на требованіи отвѣтственнаго министерства, но благодаря Милюкову, резолюція была составлена въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ: мотивировалось это тѣмъ, что если бы требованіе блока не было исполнено, то ему все равно пришлось бы либо работать съ тѣмъ же правительствомъ, либо порвать съ нимъ и стать на революціонный путь. За два

дня до созыва Думы ко мнѣ пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатъевъ. Оказалось, что резолюція блока уже попала въ руки правительства. И министры были взволнованы тѣмъ, что въ резолюціи содержится слово «измѣна»^{*)}). Графъ Игнатъевъ сообщилъ, что по этому поводу былъ собранъ даже совѣтъ министровъ и рѣшили просить предсѣдателя Думы вычеркнуть это слово, такъ какъ иначе пришлось бы Думу распустить. Я не могъ ничего опредѣленнаго обѣщать Игнатъеву. Наканунѣ открытія Думы по тому же поводу ко мнѣ обратился Штюмеръ. Ссылаясь на болѣзнь, онъ просилъ къ нему пріѣхать. Я сначала не хотѣлъ ѣхать къ Штюмеру и написалъ ему письмо. Потомъ передумалъ и рѣшилъ объясниться лично. Я ему передалъ резолюцію предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, въ которыхъ повторялось то, о чемъ уже неоднократно говорили правительству: что оно не использовало патріотическаго подъема страны, пребывало въ теченіе всей войны въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ, что оно при такихъ условіяхъ не въ силахъ успѣшно закончить войну и довело до такого положенія, когда главная опасность угрожаетъ не извнѣ, а внутри.

— Это высказано наиболѣе консервативными элементами Россіи, — говорилъ я Штюмеру, — людьми, умудренными житейскимъ опытомъ, это мнѣніе всей земской Россіи. Эта резолюція сходится и съ резолюціей прогрессивнаго блока и такимъ образомъ вы можете знать, какъ мыслить вся Россія. Совмѣстная работа ваша съ общественными силами невозможна, а безъ такой совмѣстной работы нельзя выиграть войну. Всѣ чувствуютъ, что правительство ведетъ страну къ гибели. Надо говорить только одну правду, потому что мы переживаемъ страшный часъ.

Прочитавъ резолюцію, Штюмеръ спросилъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Подать въ отставку.

— То есть, какъ подать въ отставку?

— Да такъ, взять перо, написать и подписать.

Штюмеръ былъ страшно недоволенъ.

— Вотъ вы какіе совѣты мнѣ даете.

XV

„Junge Zarin“ въ рѣчи П. Н. Милюкова и послѣдствія. Штюмеръ и Протопоповъ требуютъ разгона Думы. Марковъ 2-ой устраиваетъ скандалъ. Послѣ убійства Распутина. Спиритизмъ Протопопова.

За нѣсколько дней до начала занятій Думы въ Варшавѣ нѣмецкимъ генералъ-губернаторомъ былъ опубликованъ актъ, въ которомъ говорилось, что германскій и австрійскій императоры пришли къ соглашенію создать изъ польскихъ областей, отвоеванныхъ отъ Россіи, самостоятельное государство подъ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ съ конституціоннымъ устройствомъ. Это былъ новый

^{*)} Послѣ переворота было обнаружено, что правительство освѣдомлялось о всемъ, что происходило въ Г. Думѣ, черезъ депутата П. Н. Круленскаго.

ловкій ходъ Вильгельма. Поляки нейтральныхъ странъ вынесли послѣ этого резолюціи, въ которыхъ протестовали противъ нарушенія международнаго права, противъ рѣшенія судьбы цѣлыхъ областей до окончанія войны и заключенія мира. Они видѣли въ этомъ ловкій шагъ нѣмцевъ для набора арміи изъ поляковъ. Точно такъ же думали и рускіе поляки. На первомъ же засѣданіи Думы отъ имени польскаго коло было прочитано заявленіе съ протестомъ противъ нѣмецкаго акта, подтверждающаго раздѣлъ Польши, и съ выраженіемъ надежды на побѣду союзниковъ, на объединеніе всѣхъ польскихъ земель и возстановленіе свободной Польши.

Къ сожалѣнію, наше правительство, которое послѣ отставки Сазонова показывало полное равнодушіе къ польскому вопросу и даже, какъ бы намѣренно, давало почувствовать, что исполненіе манифеста великаго князя Николая Николаевича не обязательно для Россіи, — и тутъ не поняло какъ ему поступить. Въ отвѣтъ на заявленіе Гарусевича отъ польскаго коло правительствомъ ничего не было сказано, а въ Г. Совѣтъ Протопоповъ уже послѣ закрытія засѣданія вдругъ, какъ бы вспомнивъ, что ему надо что то сказать, попросилъ слова. Всѣхъ вернули снова въ залъ и, выйдя на трибуну, Протопоповъ коротко заявилъ, что правительство по польскому вопросу продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія манифеста в. к. Николая Николаевича и деклараціи Горемыкина, произнесенной въ свое время въ Думѣ. Подобное заявленіе, конечно, никого не могло удовлетворить и не могло быть противовѣсомъ акту Вильгельма.

На открытіе Думы явились министры во главѣ со Штюрмеромъ, прослушали рѣчь предсѣдателя, затѣмъ Штюрмеръ всталъ и подъ крики лѣвыхъ: «Вонъ, долой измѣнника Штюрмера!», вышелъ изъ зала, за нимъ вышли и остальные министры. Они всѣ, якобы торопились на засѣданіе Г. Совѣта, которое на этотъ разъ было назначено не въ восемь часовъ вечера, какъ обычно, а въ два часа дня. Предсѣдатель Г. Совѣта Куломзинъ былъ боленъ, а замѣнявшій его Голубевъ по просьбѣ Штюрмера назначилъ раннее засѣданіе, такъ какъ у Штюрмера и у Протопопова не было никакой деклараціи и они не хотѣли выслушивать непріятныхъ для нихъ рѣчей. Наканунѣ засѣданія я простудился, чувствовалъ себя неважно, съ трудомъ закончилъ свою рѣчь и тотчасъ же передалъ предсѣдательское мѣсто Варунъ-Секрету. Этотъ маловажный фактъ однако чреватъ послѣдствіями. Милюковъ во время своей рѣчи прочелъ выдержку изъ нѣмецкой газеты; Варунъ-Секретъ, очевидно, не разслышавъ хорошо, что читалъ Милюковъ и, упустивъ изъ вида, что наказомъ запрещается употреблять съ трибуны иностранныя выраженія, не остановилъ Милюкова. Между тѣмъ въ цитатѣ Милюкова очень недвусмысленно намекалось, что въ назначеніи Штюрмера принимала участіе Императрица Александра Федоровна. Штюрмера же онъ почти прямо назвалъ измѣнникомъ. Фраза его была слѣдующей: „Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert“ *).

*) Это побѣда придворной партіи, которая группируется вокругъ молодой Императрицы.

Въ ту же ночь въ половинѣ второго я получилъ отъ Штюрмера слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь, Михаилъ Владиміровичъ. До свѣдѣнія моего дошло, что въ сегодняшнемъ засѣданіи Г. Думы членъ Думы Милюковъ въ своей рѣчи позволилъ себѣ прочесть выдержку изъ газеты, издающейся въ одной изъ воюющихъ съ нами странъ, въ которой упоминалось августѣйшее имя ея императорскаго величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ недопустимомъ сопоставленіи съ именами нѣкоторыхъ другихъ лицъ, причемъ со стороны предсѣдательствовавшаго не было принято никакихъ мѣръ воздѣйствія.

Придавая совершенно выдающееся значеніе этому обстоятельству, небывалому въ лѣтописяхъ Г. Думы, и не сомнѣваясь въ томъ, что вами будутъ приняты рѣшительныя мѣры, я былъ бы весьма признателенъ вашему превосходительству, если бы вы сочли возможнымъ увѣдомить меня о поставленномъ рѣшеніи вами».

Одновременно Штюрмеръ прислалъ и другое письмо, въ которомъ онъ просилъ доставить ему копію стенограммы безъ цензуры предсѣдателя, сообщая, что «эта рѣчь можетъ быть предметомъ судебного разбирательства».

Начальникъ думской канцеляріи Глинка рассказывалъ мнѣ, что въ этотъ вечеръ на квартирѣ Штюрмера происходило совѣщаніе министровъ. Штюрмеръ настаивалъ на роспускѣ Думы, но въ результатѣ ограничились полученными мною письмами, а министръ юстиціи Макаровъ не нашелъ въ словахъ Милюкова состава преступленія и отказался привлечь его къ суду.

Послѣ писемъ Штюрмера я получилъ еще письмо отъ министра Двора графа Фредерикса. Онъ напоминалъ мнѣ, что я ношу званіе камергера, и тоже просилъ увѣдомить, какіе шаги я собираюсь предпринять по поводу упоминанія имени Императрицы. Штюрмеру я отвѣтилъ, что предсѣдатель Думы не обязанъ увѣдомлять о своихъ дѣйствіяхъ предсѣдателю совѣта министровъ и послалъ ему полную стенограмму рѣчи Милюкова. Фредериксу я официально отвѣтилъ то же самое, но кромѣ того послалъ ему другое письмо, какъ человѣку, котораго я цѣнилъ, и сообщилъ, что въ стенограммахъ для печати имя Государыни не было упомянуто.

Слѣдующее засѣданіе открылось заявленіемъ Варунъ-Секрета, который объяснилъ свои дѣйствія наканунѣ незнаніемъ нѣмецкаго языка и тѣмъ, что стенограмма рѣчи Милюкова была доставлена ему съ пропускомъ нѣмецкихъ словъ. Признавая себя, однако, виновнымъ въ недостаточномъ вниманіи къ словамъ оратора, Варунъ-Секретъ сложилъ съ себя званіе товарища предсѣдателя Думы.

Въ этомъ засѣданіи удивительно сильную и прочувствованную рѣчь произнесъ депутатъ Маклаковъ. Рѣчь эта произвела большое впечатлѣніе.

Кажется въ тотъ же день я получилъ письмо отъ главнаго комитета всероссійскаго союза городовъ. Въ немъ еще въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ повторялось сказанное въ резолюціи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Обращеніе оканчивалось

просьбой доложить Г. Думѣ, что по мнѣнію комитета городовъ наступилъ рѣшительный часъ и что необходимо наконецъ добиться такого правительства, которое въ единеніи съ народомъ повело страну къ побѣдѣ.

Въ вечернемъ засѣданіи 3 ноября я былъ переизбранъ председателемъ большинствомъ 232 противъ 58. Противъ голосовали правые. Лѣвые по обыкновенію воздержались.

Въ засѣданіи 5 ноября случилось событіе, которое оставило сильное впечатлѣніе не только въ Думѣ, но и въ странѣ. Во время рѣчи Маркова, который старательно, но неудачно, отвѣчая Маклакову, защищалъ Штюмерера*), въ залѣ засѣданія появились военный министръ Шуваевъ и морской Григоровичъ. Они обратились къ председателю, заявивъ о желаніи сдѣлать заявленіе. Когда Марковъ 2-ой окончилъ свою рѣчь, на трибуну поднялся Шуваевъ и, сильно волнуясь, сказалъ, что онъ, какъ старый солдатъ, вѣритъ въ доблесть русской арміи, что армія снабжена всѣмъ необходимымъ, благодаря единодушной поддержкѣ народа и народнаго представительства. Онъ привелъ цифры увеличенія поступленія боевыхъ припасовъ въ армію со времени учрежденія Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Закончилъ онъ просьбой и впредь поддерживать его своимъ довѣріемъ. Такъ же коротко и сильно сказалъ морской министръ Григоровичъ. Смыслъ ихъ выступленія всѣми былъ понятъ такъ: «Если другіе министры идутъ съ Думой врозь, то мы, представители морского и военнаго вѣдомства, хотимъ идти вмѣстѣ съ народомъ». Когда министры спустились изъ своей ложи внизъ въ залу, ихъ окружили депутаты и пожимали имъ руки. Шуваевъ оказался среди кадетовъ и, пожимая руку Милюкову, говорилъ: «Благодарю васъ». Невольно возникалъ вопросъ, дѣйствовали ли Григоровичъ и Шуваевъ по своей инициативѣ или заручились разрѣшеніемъ Ставки. Характерно, что даже такое обычное событіе, какъ появленіе министровъ въ Думѣ и сказанныя ими хорошія слова отразились въ странѣ и съ разныхъ концовъ стали получаться телеграммы съ выраженіемъ сочувствія и радости какъ Думѣ, такъ и этимъ министрамъ. Правительство во главѣ со Штюмереромъ оставалось совершенно равнодушнымъ: оказалось, что Шуваевъ и Григоровичъ не сносились со Ставкой и явились въ Думу за свой рискъ и страхъ. Послѣ этого Штюмереръ и Протопоповъ настаивали передъ Императрицей на разгонѣ Думы.

Послѣ своего избранія я послалъ Царю просьбу принять меня для доклада. Одновременно я отправилъ ему и резолюцію земствъ и городовъ, а также полную стенограмму Милюкова съ нѣмецкой фразой. Отвѣта долго не было.

Министръ путей сообщенія Треповъ пожелалъ сдѣлать докладъ о Мурманской желѣзной дорогѣ. Эта важная въ стратегическомъ отно-

*) Государственный контролеръ временнаго правительства Годневъ обнаружилъ и опубликовалъ, что членъ Думы Марковъ 2-ой получалъ субсидіи изъ секретныхъ суммъ департамента полиціи.

шеніи вѣтвь только что была окончена и Треповъ гордился, что дорога начала работать въ бытность его министромъ. Онъ надѣялся получить одобреніе Думы и быть можетъ раздѣлить участь Григоровича и Шуваева и тоже стать популярнымъ. Онъ оказался въ должности министра путей сообщенія далеко не на своемъ мѣстѣ и не всегда оставался безпристрастнымъ въ вопросѣ о направленіяхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, въ чемъ были заинтересованы частныя компаніи. Треповъ запросилъ предсѣдателя комиссіи обороны Шингарева, когда онъ можетъ сдѣлать свой докладъ и Шингаревъ просилъ его явиться на другой день. Когда же въ комиссіи узнали, что на повѣстку поставленъ докладъ Трепова, большинство депутатовъ возмутилось, объявило, что не желаютъ слушать Трепова и что, если онъ явится — устроятъ ему скандалъ. Между тѣмъ Треповъ пріѣхалъ въ Думу и ожидалъ въ министерскомъ павильонѣ. Шингаревъ тщетно пытался убѣдить членовъ комиссій выслушать министра. Отчаявшись чего нибудь добиться, Шингаревъ вызвалъ меня по телефону въ Думу и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось уговорить депутатовъ, что если предсѣдатель комиссіи приглашаетъ министра, то члены комиссіи не могутъ его выгнать. Между тѣмъ Треповъ уже два часа ждалъ въ министерскомъ павильонѣ и когда его пригласили въ засѣданіе, онъ быстро прочелъ свой докладъ, спросилъ, не желаетъ ли кто объясненій, и когда никто не отозвался, онъ уѣхалъ изъ Думы.

9 ноября Штюмеръ, Треповъ и Григоровичъ выѣхали въ Ставку. Ожидались новыя перемѣны. Дѣйствительно, Штюмеръ былъ отставленъ, а Треповъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Говорили, что Штюмеръ получилъ свою отставку въ Оршѣ, не доѣхавъ до Ставки. Когда Императрица узнала объ отставкѣ Штюмера, она вмѣстѣ съ Протопоповымъ выѣхала въ Ставку.

Треповъ на слѣдующій же день пріѣхалъ ко мнѣ и увѣрялъ, что онъ желаетъ работать рука объ руку съ народнымъ представительствомъ и что онъ сумѣетъ побороть вліяніе Распутина. Я ему сказалъ, что прежде всего должны быть убраны Протопоповъ, Шаховской и А. Бобринскій (министръ земледѣлія), иначе ему никто не будетъ вѣрить.

Срокъ перерыва думскихъ занятій подходилъ къ концу, а между тѣмъ кромѣ отставки Штюмера, никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ не произошло. Возобновленіе Думы было отсрочено еще на нѣсколько дней и всѣ предполагали, что Треповъ добьется за это время удаленія еще нѣкоторыхъ министровъ и что онъ подготавливаетъ декларацію. Ходили слухи, что онъ принялъ постъ подъ условіемъ удаленія Протопопова, но къ сожалѣнію и этого не случилось; былъ отставленъ только А. Бобринскій и на его мѣсто министромъ земледѣлія назначенъ Риттихъ.

15 ноября я наконецъ получилъ высочайшую аудіенцію, представилъ обширный докладъ все о томъ же, что и прежде, и пробылъ у Царя часъ три четверти.

19-го возобновились занятія Думы. Треповъ прочелъ свою декларацію, въ которой не было никакой программы и содержались только одни общія мѣста. Онъ обнародовалъ наше соглашеніе съ союзниками, и которому мы должны были получить послѣ войны Дарданеллы. Риттихъ долженъ былъ признаться, что за короткій срокъ послѣ своего назначенія онъ не успѣлъ ознакомиться съ продовольственнымъ дѣломъ и тоже не могъ дать никакой программы. Депутаты раскритиковали Трепова и Риттиха и энергично принялись за продовольственный вопросъ, выработавъ стройную систему упорядоченія продовольствія въ странѣ. Мнѣ было обидно, что по политическимъ соображеніямъ лѣвое крыло сразу повело открытую кампанію противъ Риттиха. Я его всегда считалъ выдающимся, необыкновенно работоспособнымъ, талантливымъ человѣкомъ. Мнѣ пришлось съ нимъ вмѣстѣ работать еще въ то время, когда я былъ председателемъ земельной комиссіи. Еще тогда я могъ оцѣнить Риттиха, какъ безупречнаго и знающаго свое дѣло работника. Къ сожалѣнію, онъ былъ назначенъ слишкомъ поздно и былъ въ дурной компаніи.

Въ засѣданіи 22 ноября въ Думѣ произошелъ скандалъ. Очевидно, онъ подготовлялся заранѣе, потому что пристава слышали, какъ нѣкоторые изъ правыхъ появлялись въ кулуарахъ и спрашивали: «А что, былъ скандалъ или еще нѣтъ?»

Попросивши слова, Марковъ 2-ой, умышленно говорилъ такъ, что бы вызвать замѣчаніе председателя. Я его нѣсколько разъ останавливалъ и наконецъ лишилъ слова. Уходя съ трибуны, размахивая бумагами и грозя кулакомъ, Марковъ совсѣмъ близко приблизился къ председателю мѣсту и произнесъ почти въ упоръ: «Вы мерзавецъ, мерзавецъ, мерзавецъ».

Я сразу даже не понялъ, что произошло. Потомъ сообщилъ Думѣ о нанесенномъ председателю оскорбленіи и передалъ председательствованіе старшему товарищу*).

Графъ Бобринскій, доложивъ о происшедшемъ, предложилъ примѣнить къ Маркову высшую мѣру наказанія — исключеніе на пятнадцать засѣданій, что было принято единогласно.

Марковъ взялъ слово и заявилъ: «Я подтверждаю то, что я сказалъ. Я хотѣлъ оскорбить вашего председателя и въ его лицѣ я хотѣлъ оскорбить всѣхъ васъ, господа. Здѣсь были произнесены слова оскорбленія высокихъ лицъ и вы на нихъ не реагировали, въ лицѣ вашего председателя, пристрастнаго и непорядочнаго... я оскорбляю всѣхъ васъ»...

*) Когда Марковъ произнесъ свои слова, изъ ложи печати было видно, какъ председатель сдѣлался совершенно блѣднымъ, потомъ всталъ, какъ будто что то обдумывая. Бобринскій схватился за графинъ, очевидно боясь, чтобы Марковъ не позволилъ себѣ еще какой нибудь выходки. Затѣмъ председатель взялъ изъ рукъ Бобринскаго звонокъ, позвонилъ и, обратившись къ Думѣ, сказалъ: „Депутатъ Марковъ 2-ой позволилъ себѣ тяжело оскорбить председателя Думы въ безпримѣрныхъ выраженіяхъ. Поэтому я передаю председательствованіе старшему товарищу, который доложитъ Г. Думѣ весь инцидентъ и предложитъ его обсудить“. „Какъ онъ оскорбилъ? что онъ сказалъ?“ — послышалось съ депутатскихъ мѣстъ. Председатель отвѣтилъ: „Господа, это доложитъ вамъ графъ Бобринскій,“ — и ушелъ.

Выйдя изъ зала засѣданія и направляясь къ себѣ въ кабинетъ, я увидѣлъ фигуру удалявшагося Маркова. Мое первое движеніе было достигнуть его, но на мое счастье меня остановилъ мой духовникъ, священникъ Думской церкви. Я пришелъ въ себя и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ кабинетъ. Тамъ уже было много депутатовъ. Нервный Дмитрюковъ со слезами на глазахъ сталъ меня обнимать, Бобринскій успокаивалъ, подошелъ Марковъ 1-ый и сказалъ, что «хотя онъ и дядя Маркову 2, но просить не смѣшивать его съ его племянникомъ». Бывшій на хорахъ мой сынъ Георгій, офицеръ преображенскаго полка, сбѣжалъ внизъ съ нѣсколькими офицерами, сталъ звонить въ телефонъ, прося вызвать командира полка, чтобы получить разрѣшеніе на дуэль съ Марковымъ. Когда мнѣ объ этомъ сообщили, я позвалъ его и запретилъ это дѣлать. Я вызвалъ моихъ бывшихъ товарищей по кавалергардскому полку Панчулидзева и Д. Дашкова и просилъ ихъ быть моими секундантами.

Вечеромъ было назначено засѣданіе для выборовъ президіума. Я былъ переизбранъ большинствомъ противъ 26 голосовъ. Фракція земцевъ октябристовъ рѣшила, что на рѣчи и выходки Маркова не слѣдуетъ реагировать и что ему нельзя подавать руки. Къ этому присоединились и остальные фракціи блока. Ко мнѣ пріѣхали депутаты, Савичъ и Капнистъ, и вручили мнѣ это постановленіе въ присутствіи моихъ секундантовъ Дашкова и Панчулидзева. Секунданты признали, что Марковъ 2-ой при такихъ условіяхъ является не дуэлеспособнымъ. Послѣ этого грустнаго инцидента, въ которомъ Марковъ явился только выразителемъ чьихъ то намѣреній и желаній, я сталъ получать множество писемъ и телеграммъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, отъ земскихъ и дворянскихъ собраній, отъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ, отъ городскихъ думъ и т. д. Совѣтъ профессоровъ петроградскаго университета почтилъ меня избраніемъ почетнымъ членомъ университета. Изъ екатеринославской городской думы была получена телеграмма: «Поздравляемъ съ блестящей побѣдой надъ гнусной выходкой холопа министерской передней». Что выходка Маркова была заранѣе обдумана и инспирирована — въ этомъ никто не сомнѣвался: ясно было, что хотѣли унизить предсѣдателя Думы, смѣшать его съ грязью. Вышло иначе.

Черезъ день послѣ этого инцидента я получилъ черезъ французскаго посла отъ президента французской республики большой орденъ Почетнаго легіона.

На одномъ изъ ближайшихъ засѣданій исключительную по силѣ и вдохновенію рѣчь произнесъ Пуришкевичъ. Отмежевавшись отъ крайнихъ правыхъ, онъ говорилъ о темныхъ силахъ и призывалъ сидѣвшихъ въ Думѣ министровъ: «Вы должны немедленно ѣхать въ Ставку броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить своей программы».

Такъ какъ въ то время думскія стенограммы проходили черезъ цензуру и отчеты о Думѣ появлялись съ массой бѣлыхъ пропусковъ, то рѣчи депутатовъ попадали въ публику въ совершенно искаженномъ

видѣ. Злонамѣренныя лица стали даже фабриковать нѣкоторыя рѣчи, дѣлая свои добавленія и продавая оттиски по нѣсколько рублей.

Рѣзкая переменна въ настроеніи произошла и въ Г. Совѣтѣ. И тамъ тоже поняли, что невысказимо поддерживать такое правительство. Евгений Трубецкой призывалъ членовъ Синода вспомнить о крестѣ, который они носятъ на груди, взять свой крестъ, идти къ Царю и умолять его избавить Церковь и правительство отъ грязныхъ вліяній. Г. Совѣтъ, подобно Думѣ, вынесъ резолюцію, въ которой указывалъ, что правительство должно внять голосу народа и къ власти должны быть призваны лица, облеченныя довѣріемъ страны (въ который разъ это уже повторялось...). Такую же резолюцію вынесъ и съѣздъ объединеннаго дворянства. Вся Россія одинаково мыслила и къ одному стремилась, но курсъ правительства, все-таки, не измѣнялся: напротивъ, какъ будто умышленно подчеркивалось рѣзкое расхожденіе правительства съ обществомъ.

Общеземскій съѣздъ въ Москвѣ въ послѣднюю минуту не былъ разрѣшенъ, хотя Протопоповъ передъ этимъ въ бесѣдахъ съ корреспондентами и говорилъ о своемъ благожелательномъ отношеніи къ земству и къ общественнымъ силамъ. Съѣхавшіеся члены съѣзда собирались на частныхъ квартирахъ, обсуждали политическое положеніе, передали свои полномочія комитету во главѣ съ княземъ Львовымъ, а въ газетахъ вмѣсто свѣдѣній, передававшихся по телефону изъ Москвы, были пустые бѣлые столбцы.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что княгиня С. Н. Васильчикова, жена члена Г. Совѣта, уѣзжаетъ въ свое имѣніе въ новгородскую губернію. Всѣ поняли, что Васильчикова уѣзжаетъ не по своей волѣ. И скоро всѣ знали, что Васильчикова написала письмо Царицѣ о Распутинѣ. Такъ же, какъ Васильчикова, пострадалъ оберъ-гофмейстеръ Кауфманъ-Туркестанскій. Онъ былъ представителемъ Краснаго Креста въ Ставкѣ. Онъ рѣшился говорить съ Государемъ: онъ убѣждалъ его удалить Протопопова и поставить во главѣ правительства лицо, облеченное довѣріемъ страны. Царь съ нимъ соглашался. Приѣхала въ Ставку Императрица. Кауфманъ уѣзжалъ, его очень ласково провожали, а когда онъ приѣхалъ въ Петроградъ, то получилъ увѣдомленіе отъ Царя, что онъ освобождается отъ представительства Краснаго Креста въ Ставкѣ.

За нѣсколько дней до инцидента съ Марковымъ цѣлая группа депутатовъ лѣвой была исключена кто на пятнадцать, кто на восемь засѣданій. Они устроили скандалъ во время рѣчи Трепова, не давали ему говорить. Послѣ исключенія Маркова возникъ вопросъ, что наказанія были одинаковы, хотя поступки далеко не равны. Я предполагалъ предложить Думѣ уменьшить наказаніе исключеннымъ депутатамъ лѣвой. Но въ это время ко мнѣ явились представители отъ рабочихъ и заявили, что они пришли «потребовать» уменьшенія наказанія для лѣвыхъ депутатовъ. Я съ ними долго бесѣдовалъ о политическомъ положеніи страны, а насчетъ ихъ требованія опредѣленно заявилъ, что у меня было намѣреніе предложить смягчить нака-

заніє лѣвымъ депутатамъ, но предъявленныя мнѣ рабочими требова-
нія мѣняють положеніе и я считаю невозможнымъ для себя дѣйстви-
вать подъ чѣмъ бы то ни было давленіемъ.

Министръ юстиціи Добровольскій неожиданно и незаконно прекра-
тилъ дѣло Манасевича-Мануйлова, дѣло, которое уже слушалось въ
судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Это небывалый при-
мѣръ въ судебной практикѣ. Это было сдѣлано по Высочайшему по-
велѣнію.

16 декабря Дума была распущена на Рождественскіе каникулы.

Въ ночь на 17 декабря 1916 года произошло событіе, которое по
справедливости надо считать началомъ второй революціи — убійство
Распутина. Въ всякаго сомнѣнія, что главные дѣятели этого убій-
ства руководились патріотическими цѣлями. Видя, что легальная борь-
ба съ опаснымъ временщикомъ не достигаетъ цѣли, они рѣшили, что
ихъ священный долгъ избавить царскую семью и Россію отъ окутав-
шаго ихъ гипноза. Но получился обратный результатъ. Страна уви-
дала, что бороться во имя интересовъ Россіи можно только террори-
стическими актами, такъ какъ законные приемы не приводятъ къ же-
ланнымъ результатамъ. Участіе въ убійствѣ Распутина одного изъ ве-
ликихъ князей, члена царской фамиліи, представителя высшей аристо-
кратіи и членовъ Г. Думы какъ бы подчеркивало такое положеніе. А
сила и значеніе Распутина какъ бы подтверждались тѣми небывалыми
репрессіями, которыя были примѣнены Императоромъ къ членамъ им-
ператорской фамиліи. Цѣлый рядъ великихъ князей былъ высланъ изъ
столицы въ армію и другія мѣста. Было въ порядкѣ цензуры вос-
прещено газетамъ писать о старцѣ Распутинѣ и вообще о старцахъ.
Но газеты платили штрафы и печатали мельчайшія подробности
этого дѣла.

Политика правительства какъ бы на зло общественному мнѣнію
повернула еще правѣе и довѣріе оказывалось только сторонникамъ
Распутина. Результатомъ шума, поднятаго возлѣ этого дѣла, было то,
что террористическій актъ сталъ всѣми одобряться и получилось внут-
реннее убѣжденіе, что разъ въ немъ участвовали близкія къ царской
четѣ лица и представители высшихъ слоевъ общества, — значитъ, по-
ложеніе сдѣлалось безысходнымъ.

Еще съ зимы 1913—1914 годовъ въ высшемъ обществѣ только и
было разговоровъ, что о вліяніи темныхъ силъ. Определенно и откры-
то говорилось, что отъ этихъ «темныхъ силъ», дѣйствующихъ че-
резъ Распутина, зависятъ всѣ назначенія какъ министровъ, такъ и
другихъ должностныхъ лицъ. Приближенные ко Двору вовсе не от-
давали или не хотѣли отдавать себѣ отчета, какими губительными по-
слѣдствіями для династіи грозитъ такое положеніе вещей. Возмуща-
лись рѣшительно всѣ, но... почти всѣ молчали и покорялись. При та-
комъ настроеніи общества вспыхнула въ іюлѣ 1914 года міровая вой-

на. Всеобщій горячій и искренній патріотическій подъемъ народнаго духа на время отодвинулъ на задній планъ всѣ внутреннія тревоги и опасенія русскаго общества. Казалось, что перспективы жестокой, требовавшей жертвъ, войны сгладили всѣ разногласія и общество слилось на одной мысли — «война до побѣдоноснаго конца».

Но распутинцы не дремали. Скоро опять начались ихъ происки, направленные къ тому, чтобы поставить правительство въ оппозиціонное положеніе къ обществу. Осторожно, опытной рукой была пущена легенда о назрѣвавшемъ революціонномъ настроеніи въ странѣ: хотѣли возбудить недовѣріе власти къ народу. Никакой почвы для такихъ страховъ тогда не было, но русское общество было взято правительствомъ подъ подозрѣніе и эта политика недовѣрія упорно проводилась властью вплоть до дней переворота. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ министры назначались по указаніямъ Распутина, то я въ правѣ утверждать, что именно изъ нѣдръ его кружка исходилъ лозунгъ разъединенія общества и правительства. Патріотическій подъемъ смѣнился тревогой и роковое слово «измѣна» сначала шопотомъ, тайно, а потомъ явно и громко пронеслось надъ страной. Пораженческое движеніе подняло голову и пропаганда преступныхъ и предательскихъ мыслей стала все болѣе и болѣе усиливаться, захватывая колеблющихся и малодушныхъ.

Я заканчиваю на этомъ описаніе жизненнаго пути Распутина, пройденнаго имъ въ исторіи русскаго государства. Ручаясь за точность приведенныхъ мною фактовъ, я вижу, какъ они складываются въ опредѣленную и безформенную картину того громаднаго вліянія, которое имѣлъ Распутинъ черезъ Императрицу Александру Феодоровну на ходъ государственныхъ дѣлъ. Сомнѣніямъ въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста, но при близкомъ наблюденіи всѣхъ указанныхъ мною явленій, меня всегда поражала планомѣрность дѣйствій распутинскаго кружка. Какъ будто онъ велъ дѣло къ заранѣе обдуманной и твердо намѣченной цѣли.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что Распутинъ являлся вдохновителемъ и руководителемъ гибельной работы своего кружка. Умный и проницательный по природѣ, онъ же былъ только безграмотный необразованный мужикъ съ узкимъ горизонтомъ жизненнымъ и, конечно, безъ всякаго горизонта политическаго, — большая міровая политика была просто недоступна его узкому пониманію. Руководить поэтому мыслями императорской четы въ политическомъ отношеніи Распутинъ не былъ бы въ состояніи. Если бы онъ одинъ былъ приближеннымъ къ царскому дому, то, конечно, дѣло ограничилось бы подарками, подачками, можетъ быть нѣкоторыми протекціями извѣстному числу просителей и только. Съ другой стороны, слѣдуетъ совершенно и раз навсегда откинуть недобрую мысль объ «измѣнѣ» Императрицы Александры Феодоровны. Комиссія временнаго правительства подъ предсѣдательствомъ Муравьева съ участіемъ представителя отъ совѣта р. и с. депутатовъ, занимавшаяся этимъ вопросомъ спеціально по документальнымъ даннымъ, совершенно отвергла это обвиненіе. Быть можетъ, Императрица Александра Феодоровна полагала, что сепаратный миръ съ Германіей былъ болѣе выгоденъ для Россіи, чѣмъ даль-

нѣйшее участіе въ союзѣ съ Антантой, но фактически это установлено не было. Тѣмъ менѣе можно говорить объ «измѣнѣ» русскому дѣлу Императора Николая II: онъ погибъ мученической смертью, именно въ силу вѣрности данному слову.

А между тѣмъ совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство съ начала войны, неизбежно и методично вела къ революціи, къ смутѣ въ умахъ гражданъ, къ полной государственно-хозяйственной разрухѣ.

Довольно припомнить министерскую чехарду. Съ осени 1915 года по осень 1916 года было пять министровъ внутреннихъ дѣлъ: князя Щербатова смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, его смѣнилъ Макаровъ, Макарова Хвостовъ старшій и послѣдняго Протопоповъ. На долю каждаго изъ этихъ министровъ пришлось около двухъ съ половиной мѣсяцевъ управленія. Можно ли говорить при такомъ положеніи о серьезной внутренней политикѣ. За это же время было три военныхъ министра: Поливановъ, Шуваевъ и Бѣляевъ. Министровъ земледѣлія смѣнилось четыре: Кривошеинъ, Наумовъ, графъ А. Бобринскій и Риттихъ. Правильная работа главныхъ отраслей государственнаго хозяйства, связаннаго съ войной, неуклонно потрясалась постоянными перемѣнами. Очевидно никакого толка произойти отъ этого не могло; получался сумбуръ, противорѣчивое распоряженіе, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, рѣшимости и одной определенной линіи къ побѣдѣ.

Народъ это наблюдалъ, видѣлъ и переживалъ, народная совѣсть смущалась и въ мысляхъ простыхъ людей зарождалось такое логическое построеніе идетъ война, нашего брата, солдата, не жалѣютъ, убиваютъ насъ тысячами, а кругомъ во всемъ беспорядокъ, благодаря неумѣнью и нерадѣнью министровъ и генераловъ, которые надъ нами распоряжаются и которыхъ ставитъ Царь.

Все то, что творилось во время войны, не было только бюрократическимъ легкомысліемъ, самодурствомъ, безграничной властью, не было только неумѣніемъ справиться съ громадными трудностями войны, это было еще и обдуманная и упорно проводимая система разрушенія нашего тыла и для тѣхъ, кто сознательно работалъ въ тылу, Распутинъ былъ очень подходящимъ оружіемъ.

Вотъ почему я утверждаю, что тяжкій грѣхъ передъ родиной лежитъ на всѣхъ тѣхъ, кто могъ и обязанъ былъ бороться съ этимъ уродливымъ явленіемъ, но не только не боролся, но еще и пользовался имъ во вредъ Россіи.

Интересно, что охранники, которые дежурили около квартиры Распутина и которыхъ онъ въ роковую ночь отпустилъ передъ тѣмъ, какъ за нимъ пріѣхалъ автомобиль отъ Юсупова, — на утро явились и, не подозрѣвая объ убійствѣ, заняли свои посты. Слухи объ убійствѣ Распутина ходили еще задолго до того, какъ это совершилось, а послѣ убійства полиція бросилась по всѣмъ направленіямъ. Заподозрила даже моихъ сыновей и подъ видомъ грабежа у меня на квартирѣ произвели обыскъ. Какіе то люди выломали замокъ въ парад-

ной двери, перерыли комоды и ящики, ничего изъ одежды не унесли, зато разбросали на квартирѣ всѣ бумаги.

Надѣялись, что убійство даромъ не пройдетъ, что въ Царскомъ Селѣ наконецъ опомнятся, послушаютъ предостереженій или просто испугаются. Вышло совсѣмъ наоборотъ. Какъ бы на зло стали выдвигать тѣхъ, кто былъ сторонникомъ Распутина. Протопоповъ былъ утвержденъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ подчеркивалось одобрение его политики. Треповъ подалъ въ отставку, то же сдѣлали — графъ Игнатъевъ, Макаровъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ князь Волконскій. Треповъ былъ замѣщенъ старымъ княземъ Н. Д. Голицынымъ, который былъ помощникомъ Царицы въ комитетѣ военноплѣнныхъ. Отставка Игнатъева и Волконскаго временно не была принята, а черезъ нѣсколько дней они прочли въ газетахъ, что оба уволены. Въ Думѣ узнали о странной роли, которую играетъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не имѣвшій оффиціального положенія генераль Курловъ, котораго считали организаторомъ убійства Столыпина. Въ отсутствіи Протопопова, который дѣлами почти не занимался и все ѣздилъ въ Царское, Курловъ подписывалъ бумаги «за министра внутреннихъ дѣлъ». Между тѣмъ указа правительствующаго Сената о его назначеніи не было и высшія правительственныя учрежденія отказывались принимать такія бумаги. Курловъ былъ назначенъ какъ бы тайкомъ безъ опубликованія черезъ Сенатъ. До чего дошло правительство... Разоблаченія въ Думѣ не помогли и Курловъ продолжалъ оставаться на своемъ посту.

Къ 1 января произошли соотвѣтствующія перемѣны и въ Г. Совѣтѣ. Былъ отстраненъ отъ предсѣдательства Куломзинъ и замѣненъ Щегловитовымъ и назначенъ рядъ крайнихъ черносотенцевъ въ члены Совѣта. И все-таки направленіе верхней Палаты измѣнить не удалось. Недавніе сторонники правительства во что бы то ни стало — опредѣленно высказывались противъ Протопопова, а когда прошелъ слухъ, что среди назначенныхъ будетъ и Штюрмеръ, правые объявили, что не примутъ его въ составъ своей группы. Они избрали предсѣдателемъ группы Трепова, какъ бы подчеркнувъ, что одобряютъ его отрицательное отношеніе къ Протопопову и раздѣляютъ мотивы его ухода изъ правительства.

Вся политика правительства за это время носила характеръ немѣлыхъ репрессій, соединенныхъ съ бездѣйствіемъ власти. Послѣ роспуска Думы на рождественскіе каникулы стали ходить слухи, что Дума не будетъ созвана въ назначенный срокъ 9 января. Въ рескриптѣ на имя князя Голицына при его назначеніи было упомянуто «о благожелательномъ отношеніи къ законодательнымъ Палатамъ и о необходимости совмѣстной съ ними работы». Но это нисколько не помѣшало Протопопову за спиной у Голицына добиться отсрочки Думы и возобновленіе ея занятій было передвинуто на 14 февраля. Вообще, Протопоповъ не только продолжалъ играть въ Царскомъ роль, но и повидимому замѣнилъ Распутина. Рассказывали, что онъ занимается спиритизмомъ и вызываетъ духъ Распутина. Считаю не безынтереснымъ упомянуть, что мнѣ рассказывалъ графъ Д. М. Граббе. Его пригласилъ къ завтраку извѣстный князь Андронниковъ,

обдѣлывавшій дѣла черезъ Распутина. Войдя въ столовую, Граббе былъ пораженъ, увидѣвъ въ сосѣдней комнатѣ Распутина. Недалеко отъ стола стоялъ человѣкъ, похожій какъ двѣ капли на Распутина: борода, волосы, костюмъ — все было подѣ Распутина. Андронниковъ пытливо посмотрѣлъ на своего гостя. Граббе сдѣлалъ видъ, что онъ вовсе не пораженъ. Человѣкъ постоялъ, постоялъ, вышелъ изъ комнаты и больше не появлялся.

XVI

Развалъ тыла. Генералъ Крымовъ настаиваетъ на переворотѣ. Завтракъ у В. К. Маріи Павловны. Визитъ В. К. Михаила Александровича. Аудиенція 7 января.

Съ продовольствіемъ стало совсѣмъ плохо. Города голодали, въ деревняхъ сидѣли безъ сапогъ и при этомъ всѣ чувствовали, что въ Россіи всего вдоволь, но что нельзя ничего достать изъ за полнаго развала въ тылу. Москва и Петроградъ сидѣли безъ мяса, а въ это время въ газетахъ писали, что въ Сибири на станціяхъ лежатъ битыя туши и что весь этотъ запасъ въ полмилліона пудовъ сгниетъ при первой же оттепели. Всѣ попытки земскихъ организацій и отдѣльныхъ лицъ разбивались о преступное равнодушіе или полное неумѣніе что нибудь сдѣлать со стороны властей. Каждый министръ и каждый начальникъ сваливалъ на кого нибудь другого и виновныхъ никогда нельзя было найти. Ничего, кромѣ временной остановки пассажирскаго движенія, для улучшенія продовольствія правительство не могло придумать. Но и тутъ получился скандалъ. Во время одной изъ такихъ остановокъ паровозы оказались испорченными: изъ нихъ забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались и вмѣсто улучшенія только ухудшили движеніе. На попытки земскихъ и торговыхъ организацій устроить съѣзды для обсужденія продовольственныхъ вопросовъ, правительство отвѣчало отказомъ и съѣзды не разрѣшались. Пріѣзжавшій съ мѣстъ завѣдывавшіе продовольствіемъ, толкавшіеся безъ результата изъ министерства въ министерство, принесли свое горе къ предсѣдателю Думы, который въ отсутствіе Думы изображалъ своей персоной народное представительство. Многія распоряженія правительства наводили на странное и грустное размышленіе: казалось, что будто бы власть сознательно работаетъ во вредъ Россіи и на пользу Германіи. А при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками подобныхъ распоряженій приходилось убѣждаться, что во всѣхъ такихъ случаяхъ невидимыя нити вели къ Протопопову и черезъ него къ Императрицѣ.

Въ началѣ января пріѣхалъ съ фронта генералъ Крымовъ и просилъ дать ему возможность неофициальнымъ образомъ освѣтить членамъ Думы катастрофическое положеніе арміи и ея настроенія. У меня собрались многіе изъ депутатовъ, членовъ Г. Совѣта и членовъ Особаго Совѣщанія. Съ волненіемъ слушали докладъ боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповѣдь. Крымовъ говорилъ, что пока не прояснится и не очистится политическій горизонтъ, пока правительство не приметъ другого курса, пока не будетъ другого

правительства, которому бы тамъ, въ арміи повѣрили, — не можетъ быть надеждъ на побѣду. Войнѣ опредѣленно мѣшаютъ въ тылу и временные успѣхи сводятся къ нулю. Закончилъ Крымовъ приблизительно такими словами:

«Настроение въ арміи такое, что всѣ съ радостью будутъ приветствовать извѣстіе о переворотѣ. Переворотъ неизбеженъ и на фронтѣ это чувствуютъ. Если вы рѣшитесь на эту крайнюю мѣру, то мы васъ поддержимъ. Очевидно другихъ средствъ нѣтъ. Все было испробовано какъ вами, такъ и многими другими, но вредное вліяніе жены сильнѣе честныхъ словъ, сказанныхъ Царю. Времени терять нельзя».

Крымовъ замолкъ и нѣсколько секундъ всѣ сидѣли смущенные и удрученные. Первымъ прервалъ молчаніе Шингаревъ:

— Генераль правъ — переворотъ необходимъ... Но кто на него рѣшится?

Шидловскій съ озлобленіемъ сказалъ:

— Щадить и жалѣть Его нечего, когда онъ губитъ Россію.

Многіе изъ членовъ Думы соглашались съ Шингаревымъ и Шидловскимъ; поднялись шумные споры. Тутъ же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между Царемъ и Россіей — я пойду за Россіей».

Самымъ неумолимымъ и рѣзкимъ былъ Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвалъ и сказалъ:

— Вы не учитываете, что будетъ послѣ отреченія Царя... Я никогда не пойду на переворотъ. Я присягалъ... Прошу васъ въ моемъ домѣ объ этомъ не говорить. Если армія можетъ добиться отреченія — пусть она это дѣлаетъ черезъ своихъ начальниковъ, а я до послѣдней минуты буду дѣйствовать убѣжденіями, но не насиліемъ...

Много и долго еще говорили у меня въ этотъ вечеръ. Чувствовалась приближающаяся гроза и жутко было за будущее: казалось, какой то страшный рокъ влечетъ страну въ неминуемую пропасть.

Приблизительно въ это время довольно странное свиданіе произошло у меня съ великой княгиней Маріей Павловной.

Какъ то поздно вечеромъ приблизительно около часу ночи великая княгиня вызвала меня по телефону:

— Михаилъ Владиміровичъ, не можете ли вы сейчасъ пріѣхать ко мнѣ?

— Ваше высочество, я, право, затрудняюсь: будетъ ли это удобно въ такой поздній часъ... Я, признаться, собираюсь идти спать.

— Мнѣ очень нужно васъ видѣть по важному дѣлу. Я сейчасъ пришлю за вами автомобиль... Я очень прошу васъ пріѣхать...

Такая настойчивость меня озадачила и я просилъ разрѣшенія отвѣтить черезъ четверть часа. Слишкомъ подозрительной могла показаться поѣздка предсѣдателя Думы къ великой княгинѣ въ часъ ночи: это было похоже на заговоръ. Ровно черезъ четверть часа опять звонокъ и голосъ Маріи Павловны:

— Ну что же, вы пріѣдете?

— Нѣтъ, ваше высочество, я къ вамъ пріѣхать сегодня не могу.

— Ну тогда приѣзжайте завтра къ завтраку.

— Слушаю-съ, благодарю васъ... Завтра приѣду.

На другой день на завтракъ у великой княгини я засталъ ее вмѣстѣ съ ея сыновьями, какъ будто бы они собрались для семейнаго совѣта. Они были чрезвычайно любезны и о «важномъ дѣлѣ» не было произнесено ни слова. Наконецъ, когда всѣ перешли въ кабинетъ и разговоръ все еще шелъ въ шутливомъ тонѣ о томъ, о семъ, Кирилль Владиміровичъ обратился къ матери и сказалъ: «Что же вы не говорите?»

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннемъ положеніи, о бездарности правительства, о Протопоповѣ и объ Императрицѣ. При упоминаніи ея имени она стала болѣе волноваться, находила вреднымъ ея вліяніе и вмѣшательство во всѣ дѣла, говорила, что она губить страну, что благодаря ей создается угроза Царю и всей царской фамиліи, что такое положеніе долѣе терпѣть невозможно, что надо измѣнить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себѣ болѣе точно, что она хочетъ сказать, я спросилъ:

— То есть, какъ устранить?

— Да я не знаю... Надо что нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что нибудь сдѣлать... Надо ее уничтожить...

— Кого?

— Императрицу.

— Ваше высочество, — сказалъ я, — позвольте мнѣ считать этотъ нашъ разговоръ какъ бы не бывшимъ, потому что если вы обращаетесь ко мнѣ какъ къ предсѣдателю Думы, то я по долгу присяги долженъ сейчасъ же явиться къ Государю Императору и доложить ему, что великая княгиня Марія Павловна заявила мнѣ, что надо уничтожить Императрицу.

Мысль о принудительномъ отреченіи Царя упорно проводилась въ Петроградѣ въ концѣ 1916 и началѣ 1917 года. Ко мнѣ неоднократно и съ разныхъ сторонъ обращались представители высшаго общества съ заявленіемъ, что Дума и ея Предсѣдатель обязаны взять на себя эту отвѣтственность передъ страной и спасти армию и Россію. Послѣ убійства Распутина разговоры объ этомъ стали еще болѣе настойчивыми. Многіе при этомъ были совершенно искренно убѣждены, что я подготовляю переворотъ и что мнѣ въ этомъ помогаютъ многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ и англійскій посолъ Бьюкененъ. Меня это приводило въ негодованіе и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или открыто говорить о переворотѣ, я отвѣчалъ имъ всегда одно и то же:

«Я ни на какую авантюру не пойду, какъ по убѣжденію, такъ и въ силу невозможности впутывать Думу въ неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дѣло законодательныхъ палатъ, а поднимать народъ противъ Царя — у меня нѣтъ ни охоты, ни возможности».

Всѣ негодовали, всѣ жаловались, всѣ возмущались и въ свѣтскихъ гостиныхъ и въ политическихъ собраніяхъ и даже при бѣглыхъ

встрѣчахъ въ магазинахъ, въ театрахъ и трамваяхъ, но дальше разговоровъ никто не шелъ. Между тѣмъ, если бы всѣ объединились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшаго общества объединились и заявили бы Царю просьбу или даже обратились бы съ требованіемъ прислушаться къ желаніямъ народа — можетъ быть и удалось бы чего нибудь достигнуть. Вмѣсто этого одна низкопоклоничали, другіе охраняли свое положеніе, держались за свои мѣста, охраняли свое благополучіе, третьи молчали, ограничиваясь сплетнями и воркотней и грозили за спиной переворотомъ...

Изъ среды Царской семьи, какъ ни странно, къ Предсѣдателю Думы тоже обращались за помощью, требуя, чтобы предсѣдатель Думы шелъ, доказывалъ и убѣждалъ.

Близкіе Государю тоже понимали, какая надвигается опасность, но и эти близкіе, даже братъ Государя, были и нерѣшительны и тоже безсильны.

8 января ко мнѣ на квартиру неожиданно пріѣхалъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

— Мнѣ хотѣлось съ вами поговорить о томъ, что происходитъ и посовѣтоваться, какъ поступить... Мы отлично понимаемъ положеніе, — сказалъ великій князь.

— Да, ваше высочество, положеніе настолько серьезное, что теперь нельзя ни минуты и спасти Россію надо немедленно.

— Вы думаете, что будетъ революція?

— Пока война, народъ сознаетъ, что смута — это гибель арміи, но опасность въ другомъ. Правительство и Императрица Александра Феодоровна ведутъ Россію къ сепаратному миру и къ позору, отдають насъ въ руки Германіи. Этого нація не снесетъ и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что объ этомъ ходятъ слухи — чтобы наступила самая ужасная революція, которая смететъ престолъ, династію, всѣхъ васъ и насъ. Спасти положеніе и Россію еще есть время и даже теперъ царствованіе вашего брата можетъ достигъ еще небывалой высоты и славы въ исторіи, но для этого надо измѣнить все направленіе правительства. Надо назначить министровъ, которымъ вѣритъ страна, которые бы не оскорбляли народныя чувства. Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, что это достижимо только при условіи удаленія Царицы. Она вредно вліяетъ на всѣ назначенія, даже въ арміи. Ее и Царя окружають темныя, негодныя и бездарныя лица. Александрю Феодоровну яростно ненавидятъ, всюду и во всѣхъ кругахъ требуютъ ея удаленія. Пока она у власти — мы будемъ идти къ гибели.

— Представьте, — сказалъ Михаилъ Александровичъ, — то же самое говорилъ моему брату Бьюкененъ. Вся семья сознаетъ, насколько вредна Александра Феодоровна. Брата и ее окружають только измѣнники. Всѣ порядочные люди ушли... Но какъ быть въ этомъ случаѣ?

— Вы, ваше высочество, какъ единственный братъ Царя, должны сказать ему всю правду, должны указать на вредное вмѣшательство

Александры Феодоровны, которую въ народѣ считаютъ германофилкой, для которой чужды интересы Россіи.

— Вы считаете, что необходимо отвѣтственное министерство?

— Всѣ просятъ только твердой власти и ни въ одной резолюціи не упоминается объ отвѣтственномъ министерствѣ. Хотятъ имѣть во главѣ министерства лицо, облеченное довѣріемъ страны. Такое лицо составитъ кабинетъ, который будетъ отвѣтственъ передъ Царемъ.

— Такимъ лицомъ могли бы быть только вы, Михаилъ Владиміровичъ, вамъ всѣ довѣряютъ.

— Если бы явилась необходимость во мнѣ, — я готовъ отдать всѣ свои силы родинѣ, но опять таки при одномъ условіи: устраненіи Императрицы отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла. Она должна удалиться, такъ какъ борьба съ ней при несчастномъ безволіи Царя совершенно бесплодна. Я еще 23 декабря послалъ рапортъ о приѣмѣ и до сихъ поръ не имѣю отвѣта. Благодаря вліянію Царицы и Протопопова, Царь не желаетъ моего доклада и есть основаніе предполагать, что Дума будетъ распущена и будутъ назначены новые выборы. У меня есть свѣдѣнія, что подъ вліяніемъ разрухи тыла начинаются волненія и въ арміи. Армія теряетъ спокойствіе... Если вся пролитая кровь, всѣ страданія и потери окажутся напрасными, — возмездіе будетъ ужаснымъ.

— Вы, Михаилъ Владиміровичъ, непременно должны видѣть Государя и еще разъ сказать ему всю правду.

— Я очень прошу васъ убѣдить вашего державнаго брата принять меня непременно до Думы. Ради Бога, ваше высочество, повліяйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Феодоровна съ присными была удалена.

Бесѣда эта длилась болѣе часу. Великій князь со всѣмъ согласался и обѣщаль помочь.

Не только в. к. Михаилъ Александровичъ понималъ угрожающее положеніе, сознавали это и другіе члены Царской семьи. Еще раньше в. к. Николай Михайловичъ говорилъ мнѣ: «Они, Богъ знаетъ, что дѣлаютъ своей неумѣлой политикой. Они хотятъ все русское общество довести до изступленія».

Я рѣшилъ еще разъ отправить рапортъ Царю съ просьбой о приѣмѣ. 5 января я писалъ:

«Приемлю смѣлость испросить разрѣшенія явиться къ Вашему Императорскому Величеству. Въ этотъ страшный часъ, который переживаетъ родина, я считаю своимъ вѣрноподданнѣйшимъ долгомъ какъ предсѣдатель Думы доложить вамъ во всей полнотѣ объ угрожающей россійскому государству опасности. Усердно прошу васъ, Государь, повелѣть мнѣ явиться и выслушать меня».

На другой день былъ полученъ отвѣтъ, а 7 января я былъ принятъ Царемъ.

Не задолго передъ тѣмъ, 1 января, какъ всегда во дворцѣ былъ приѣмъ. Я зналъ, что увижу тамъ Протопопова, и рѣшилъ не подавать ему руки. Войдя, я просилъ церемоніймейстеровъ барона Корфа

и Толстого предупредить Протопопова, чтобы онъ ко мнѣ не подходилъ. Не передали ли они ему или Протопоповъ не обратилъ на это вниманія, но я замѣтилъ, что онъ слѣдитъ за мною глазами и повидимому хочетъ подойти. Чтобы избѣжать инцидента, я перешелъ на другое мѣсто и сталъ спиной къ той группѣ, въ которой былъ Протопоповъ. Тѣмъ не менѣе Протопоповъ пошелъ на проломъ, приблизился вплотную и съ радостнымъ привѣтствіемъ протянулъ руку. Я ему отвѣтилъ:

— Нигдѣ и никогда.

Смущенный Протопоповъ, не зная, какъ выйти изъ положенія, дружески взялъ меня за локоть и сказалъ:

— Родной мой, вѣдь мы можемъ столкнуться.

Онъ мнѣ былъ противень.

— Оставьте меня, вы мнѣ гадки, — сказалъ я.

Это происшествіе, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, появилось въ газетахъ: писали также, что Протопоповъ намѣренъ вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не послѣдовало.

На докладѣ у Государя я прежде всего принесъ свои извиненія, что позволилъ себѣ во дворцѣ такъ поступить съ гостемъ Государя. На это Царь сказалъ:

— Да, это было не хорошо — во дворцѣ...

Я замѣтилъ, что Протопоповъ, вѣроятно, не очень оскорбился, такъ какъ не прислалъ вызова.

— Какъ, онъ не прислалъ вызова? — удивился Царь.

— Нѣтъ, ваше величество... Такъ какъ Протопоповъ не умѣетъ защищать своей чести, то въ слѣдующій разъ я его побью палкой.

Государь засмѣялся.

Я перешелъ къ докладу.

— Изъ моего второго рапорта вы, ваше величество, могли усмотрѣть, что я считаю положеніе въ государствѣ болѣе опаснымъ и критическимъ, чѣмъ когда либо. Настроеніе во всей странѣ такое, что можно ожидать самыхъ серьезныхъ потрясеній. Партій уже нѣтъ и вся Россія въ одинъ голосъ требуетъ переменъ правительства и назначенія отвѣтственнаго премьера, облеченнаго довѣріемъ народа. Надо при взаимномъ довѣріи съ Палатами и общественными учрежденіями наладить работу для побѣды надъ врагомъ и для устройства тыла. Къ нашему позору въ дни войны у насъ во всемъ разруха. Правительства нѣтъ, системы нѣтъ, согласованности между тыломъ и фронтомъ до сихъ поръ тоже нѣтъ. Куда ни посмотришь — злоупотребленія и непорядки. Постоянная смѣна министровъ вызываетъ сперва растерянность, а потомъ равнодушіе у всѣхъ служащихъ сверху до низу. Въ народѣ сознаютъ, что вы удалили изъ правительства всѣхъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ Думы и общественныхъ круговъ и замѣнили ихъ недостойными и неспособными. Вспомните, ваше величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова, — всѣхъ тѣхъ, кто былъ преданными слугами вашими и Россіи и кто отстраненъ безъ всякой причины и вины...

Вспомните такихъ старыхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Голубевъ и Куломзинъ. Ихъ смѣнили только потому, что они не закрывали рта честнымъ голосамъ въ Г. Совѣтѣ. Точно умышленно все дѣлается во вредъ Россіи и на пользу ея враговъ. Поневолю порождаются чудовищные слухи о существованіи измѣны и шпіонства за спиной арміи. Вокругъ васъ, Государь, не осталось ни одного надежнаго и честнаго человѣка: всѣ лучшіе удалены или ушли, а остались только тѣ, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секретъ, что Императрица помимо васъ отдаетъ распоряженія по управленію государствомъ, министры ѣздятъ къ ней съ докладомъ и что по ея желанію негодные быстро летятъ со своихъ мѣстъ и замѣняются людьми, совершенно неподготовленными. Въ странѣ растетъ негодованіе на Императрицу и ненависть къ ней... Ее считаютъ сторонницей Германіи, которую она охраняетъ. Объ этомъ говорятъ даже среди простого народа...

— Дайте факты, — сказалъ Государь, — нѣтъ фактовъ, подтверждающихъ ваши слова.

— Фактовъ нѣтъ, но все направленіе политики, которой такъ или иначе руководить ея величество, ведетъ къ тому, что въ народныхъ умахъ складывается такое убѣжденіе. Для спасенія вашей семьи вамъ надо, ваше величество, найти способъ отстранить Императрицу отъ вліянія на политическія дѣла. Сердце русскихъ людей терзается отъ предчувствія грозныхъ событій, народъ отворачивается отъ своего Царя, потому что послѣ столькихъ жертвъ и страданій, послѣ всей пролитой крови народъ видитъ, что ему готовятся новыя испытанія.

Переходя къ вопросамъ фронта, я напомнилъ, что еще въ пятнадцатомъ году умолялъ Государя не брать на себя командованіе арміей и что сейчасъ послѣ новыхъ неудачъ на румынскомъ фронтѣ всю отвѣтственность возлагаютъ на Государя.

— Не заставляйте, ваше величество, — сказалъ я, — чтобы народъ выбиралъ между вами и благомъ родины. До сихъ поръ понятіе Царь и Родина — были неразрывны, а въ послѣднее время ихъ начинаютъ раздѣлять...

Государь сжалъ обѣими руками голову, потомъ сказалъ:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше и двадцать два года ошибался...

Минута была очень трудная. Преодолевъ себя, я отвѣтилъ:

— Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильномъ пути.

Несмотря на эти откровенныя слова, которыя не могли быть пріятными, Государь простился ласково и не выказалъ ни гнѣва, ни даже неудовольствія.

Мнѣ невольно вспоминается одна изъ аудіенцій, во время которой больше, чѣмъ когда либо, можно было понять Императора Николая II. Ошибаются тѣ, которые называютъ его лживымъ и черствымъ человѣкомъ. Онъ было только слабый волей, легко поддававшій подъ чужое сильное вліяніе.

Послѣ одного изъ докладовъ, помню, Государь имѣлъ особенно утомленный видъ.

— Я утомилъ васъ, ваше величество?

— Да, я не выспялся сегодня — ходилъ на глухарей... Хорошо въ лѣсу было...

Государь подошелъ къ окну (была ранняя весна). Онъ стоялъ молча и глядѣлъ въ окно. Я тоже стоялъ въ почтительномъ отдаленіи. Потомъ Государь повернулся ко мнѣ:

— Почему это такъ, Михаилъ Владиміровичъ. Былъ я въ лѣсу сегодня... Тихо тамъ и все забываешь, всѣ эти дразги, суету людскую... Такъ хорошо было на душѣ... Тамъ ближе къ природѣ, ближе къ Богу...

Кто такъ чувствуетъ, не могъ быть лживымъ и черствымъ.

Незадолго до доклада, 3 января, я вызвалъ изъ Москвы Самарина, избраннаго предсѣдателемъ совѣтъ объединеннаго дворянства. Нужно сказать, что тогда упорно ходили слухи, что я буду арестованъ и высланъ изъ Петрограда. Мнѣ это подтвердилъ и одинъ изъ членовъ правительства. Я счелъ нужнымъ освѣдомить объ этомъ тѣхъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые могли взять на себя въ мое отсутствіе борьбу за интересы и достоинство Россіи, и могли бы защитить народное представительство отъ незаслуженныхъ оскорбленій. Самаринъ пріѣхалъ ко мнѣ съ двумя членами совѣта объединеннаго дворянства — Карповымъ и княземъ Куракинымъ. Самаринъ также испросилъ аудіенцію и рѣшилъ доложить Государю о резолюціи съѣзда объединеннаго дворянства, подробно объяснить ея истинный смыслъ и въ волненіи говорилъ, что онъ чувствуетъ, что долгъ его откровенно все высказать Царю. Наканунѣ своего доклада онъ весь вечеръ просидѣлъ у меня и его до послѣдней минуты не оставляла вѣра въ торжество справедливости и правды, въ то, что насъ наконецъ услышатъ.

Послѣ Самарина у меня были князь Львовъ, Челноковъ и Коноваловъ. Всѣ они одобряли мои дѣйствія, поддерживая въ томъ, что настало время говорить одну правду, какъ бы она ни была неприятна.

Послѣ этихъ двухъ докладовъ, Самарина и моего, пошли слухи, что Трепову будетъ предложено составить кабинетъ довѣрія изъ членовъ законодательныхъ Палатъ. Слухи эти проникли и въ газеты, но скоро они заглохли. Протопоповъ продолжалъ оставаться министромъ и постояннымъ посѣтителемъ Царскаго Села и все шло попрежнему. Стали даже говорить, что Дума будетъ распущена до окончанія войны, а затѣмъ будутъ назначены новые выборы. Начались даже какъ будто приготовленія къ новой избирательной кампаніи. Такъ какъ на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли Протопопова рѣшено было привлечь на сторону правительства крестьянъ и съ этой цѣлью стали разрабатывать законопроектъ о надѣленіи крестьянъ — георгіевскихъ кавалеровъ — землею въ количествѣ до тридцати десятинъ, путемъ принудительнаго отчужденія отъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ старомъ Новгородѣ происходило дворянское собраніе. На

строение дворянъ вылилось въ резолюціи, въ которой необыкновенно ярко были выражены боль и страхъ за будущее Россіи. Надѣялись, что непосредственное обращеніе высшаго сословія къ Царю приведетъ къ желательнымъ результатамъ. Дворяне единогласно поручили, чтобы губернскій предводитель Будкевичъ лично передалъ резолюцію Государю. Къ сожалѣнію, Государь не нашелъ времени принять Будкевича и резолюція была передана ему черезъ Протопопова. Въ результаѣ вызвали въ Петроградъ новгородскаго губернатора Иславина для объясненія и отстранили его отъ должности.

XVII

Представители Антанты въ Петроградѣ. Полиція и пулеметы. Послѣдняя аудіенція. Аресты рабочихъ. Согласіе царя на отвѣтственное министерство и неожиданный отъѣздъ. Оборвалось...

Въ концѣ января въ Петроградъ пріѣхали делегаты союзныхъ державъ для согласованія дѣйствій на фронтахъ въ предстоявшей весенней кампаніи

На засѣданіяхъ конференціи съ союзниками обнаружилось полнѣйшее невѣжество нашего военнаго министра Бѣляева. По многимъ вопросамъ и Бѣляевъ, и другіе наши министры оказывались въ чрезвычайно неловкомъ положеніи передъ союзниками: они не сговорились между собой и не были въ курсѣ дѣлъ даже по своимъ вѣдомствамъ. Въ особенности это сказалось при обсужденіи вопроса о заказахъ за границей. Лордъ Мильнеръ долго молча вслушивался въ рѣчи нашихъ министровъ и затѣмъ спросилъ: «Сколько же вы дѣлаете заказовъ?» Ему сообщили. «А сколько вы требуете тоннажа для ихъ перевозки?» И получивъ снова отвѣтъ, онъ замѣтилъ: «Я вамъ долженъ сказать, что вы просите тоннажа въ пять разъ меньше, чѣмъ нужно для перевозки вашихъ заказовъ».

Союзные делегаты выражали сожалѣніе, что въ виду отдаленности Россіи и оторванности ея отъ общаго командованія на западѣ, они имѣютъ о насъ мало свѣдѣній. На это министръ Покровскій предложилъ создать новую должность комиссара, который былъ бы на западѣ представителемъ Россіи и по своему положенію стоялъ бы выше нашихъ пословъ. Присутствовавшій на конференціи Сазоновъ, только что назначенный посломъ въ Лондонъ, возмутился и между Покровскимъ и Сазоновымъ начались пререканія. Иностранцамъ было ясно, что у насъ нѣтъ ни согласованности, ни системы, ни пониманія серьезности переживаемаго момента. Это ихъ очень возмущало. Хладнокровный лордъ Мильнеръ, еле сдерживавшій свои чувства, откидывался на спинку стула и громко вздыхалъ. Каждый разъ при этомъ стулъ трещалъ и ему подавали другой.

Французы тоже очень нервничали и видно было, что они недовольны нами. Еще въ январѣ 1916 года во время своего пребыванія въ Петроградѣ члены делегаціи Думергъ и Кастельно ѣздили въ Царское Село и къ своему изумленію увидѣли тамъ тяжелыя орудія, присланныя для нашего фронта изъ Франціи.

Мнѣ сообщили, что петроградскую полицію обучаютъ стрѣльбѣ изъ пулеметовъ. Масса пулеметовъ въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ вмѣсто отправки на фронтъ была передана въ руки полиціи.

Одновременно появилось весьма странное распоряженіе о выдѣленіи петроградскаго военного округа изъ состава сѣвернаго фронта и о передачѣ его изъ дѣйствующей арміи въ непосредственное вѣдѣніе правительства съ подчиненіемъ командующему округомъ. Увѣряли, что это дѣлается не спроста. Упорно говорили о томъ, что Императрица всѣми способами желаетъ добиться заключенія сепаратнаго мира и что Протопоповъ, являющійся ея помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, замышляетъ спровоцировать беспорядки въ столицахъ на почвѣ недостатка продовольствія, чтобы затѣмъ эти беспорядки подавить и имѣть основаніе для переговоровъ о сепаратномъ мирѣ. Слухи эти были настолько упорны, что вызвали смущеніе не только среди членовъ Думы, но и среди представителей союзныхъ державъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ рѣшили на первомъ же засѣданіи поднять вопросъ о французской артиллеріи и пулеметахъ. Они запросили военного министра Бѣляева, по какому праву онъ безъ санкціи Особаго Совѣщанія передалъ такое огромное количество оружія, которое нужно на фронтѣ, — въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Бѣляевъ обѣщаль дать отвѣтъ на томъ же засѣданіи, но не далъ, а когда вопросъ былъ снова поднять, министръ старался прекратить пренія. Члены Г. Совѣта Стишинскій, Гурко и Карповъ горячо меня поддержали, когда я протестовалъ, доказывая, что военный министръ обязанъ дать отвѣтъ Совѣщанію и не можетъ ему зажимать ротъ. Не добившись ничего, члены рѣшили прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и просить Государя предсѣдательствовать на слѣдующемъ засѣданіи. Члены Совѣщанія единогласно вынесли такое рѣшеніе, напомнивъ, что Государь самъ обѣщаль предсѣдательствовать въ особо важныхъ случаяхъ. Бѣляевъ, однако, стоялъ на своемъ и отказался передать постановленіе Совѣщанія Царю, говоря, что это несвоевременно и что Государя не слѣдуетъ тревожить такими не первостепенными вопросами. Тогда члены Совѣщанія изложили свою просьбу письменно и я отправилъ ихъ записку вмѣстѣ со своимъ очереднымъ докладомъ. Никакого отвѣта не послѣдовало.

10 февраля мнѣ была дана высочайшая аудіенція. Я ѣхаль съ тяжелымъ чувствомъ. Уклончивость Бѣляева, затягивавшаго отвѣты на важные вопросы, поставленные Особымъ Совѣщаніемъ, нежеланіе Царя предсѣдательствовать — все это не предвѣщало ничего хорошаго.

Необычная холодность, съ которой я былъ принятъ, показала, что я не могъ даже, какъ обыкновенно, въ свободномъ разговорѣ излагать свои доводы, а сталъ читать написанный докладъ. Отношеніе Государя было не только равнодушное, но даже рѣзкое. Во время чтенія доклада, который касался плохого продовольствія арміи и городовъ, передачи пулеметовъ полиціи и общаго политическаго положенія, Государь былъ разсѣянъ и наконецъ прервалъ меня:

— Нельзя ли поторопиться, — замѣтилъ онъ рѣзко, — меня ждетъ великій князь Михаилъ Александровичъ пить чай.

Когда я заговорилъ объ ужасномъ положеніи нашихъ военно-плѣнныхъ и о докладѣ сестеръ милосердія, ѣздившихъ въ Германію и Австрію, Государь сказалъ:

— Это меня вовсе не касается. Для этого имѣется комитетъ подъ предсѣдательствомъ Императрицы Александры Феодоровны.

По поводу передачи пулеметовъ Царь равнодушно замѣтилъ:

— Странно, я объ этомъ ничего не слыхалъ...

А когда я заговорилъ о Протопоповѣ, онъ раздраженно спросилъ:

— Вѣдь Протопоповъ былъ вашимъ товарищемъ предсѣдателя въ Думѣ... Почему же теперь онъ вамъ не нравится?

Я отвѣтилъ, что съ тѣхъ поръ какъ Протопоповъ сталъ министромъ, онъ положительно сошелъ съ ума.

Во время разговора о Протопоповѣ и о внутренней политикѣ вообще, я вспомнилъ бывшаго министра Маклакова.

— Я очень сожалѣю объ уходѣ Маклакова, — сказала Царь, — онъ во всякомъ случаѣ не былъ сумасшедшимъ.

— Ему не съ чего было сходить, Ваше величество, — не могъ удержаться я отъ отвѣта.

При упоминаніи объ угрожающемъ настроеніи въ странѣ и возможности революціи Царь прервалъ:

— Мои свѣдѣнія совершенно противоположны, а что касается настроенія Думы, то если Дума позволитъ себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, то она будетъ распущена.

Приходилось кончать докладъ:

— Я считаю своимъ долгомъ, Государь, высказать вамъ мое личное предчувствіе и убѣжденіе, что этотъ докладъ мой у васъ послѣдній.

— Почему? — спросилъ Царь.

— Потому что Дума будетъ распущена, а направленіе, по которому идетъ правительство, не предвѣщаетъ ничего добраго... Еще есть время и возможность все повернуть и дать отвѣтственное передъ палатами правительство. Но этого, повидимому, не будетъ. Вы, ваше величество, со мной не согласны и все остается по старому. Результатомъ этого по моему будетъ революція и такая анархія, которую никто не удержитъ.

Государь ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился.

14 февраля Дума должна была возобновить свои занятія. За нѣсколько дней до этого мнѣ сообщили, что на первое засѣданіе явятся петроградскіе рабочіе съ какими то требованіями. Одновременно я узналъ, что какой то господинъ, выдававшій себя за Милюкова, ходитъ по заводамъ и возбуждаетъ рабочихъ къ безпорядкамъ. Милюковъ написалъ письмо въ газеты, разоблачая самозванца и предостерегая рабочихъ отъ провокаціи. Письмо это было запрещено военной цензурой и только послѣ моихъ настойчивыхъ требованій коман-

дующій петроградскимъ округомъ генераль Хабаловъ наконецъ понялъ, что надо разрѣшить письмо Милюкова и одновременно самъ опубликовалъ воззваніе къ рабочимъ, призывая ихъ къ спокойствію и угрожая въ случаѣ беспорядковъ дѣйствовать силою.

Передъ самымъ открытіемъ Думы были арестованы члены рабочей группы, входящей въ составъ военно-промышленнаго комитета. Это были умѣренные по своимъ взглядамъ люди и казалось непонятнымъ, что побудило правительство къ ихъ аресту. Арестованы были не всѣ: двое остались на свободѣ. Они обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ, призывая ихъ, несмотря ни на что, сохранять спокойствіе. Это обращеніе, такъ же какъ и письмо Милюкова, не было разрѣшено къ печати.

Открытіе Думы обошлось совершенно спокойно. Никакихъ рабочихъ не было и только вокругъ по дворамъ было разставлено безконечное множество полиціи. Чтобы не подливать еще больше масла въ огонь, и не усиливать и безъ того напряженное настроеніе, я ограничился въ своей рѣчи только упоминаніемъ объ арміи и ея безропотномъ исполненіи долга. вмѣсто общеполитическихъ преній засѣданіе оказалось посвященнымъ продовольственному вопросу, такъ какъ министръ земледѣлія Риттихъ пожелалъ говорить и произнесъ очень длинную рѣчь. Центръ поддерживалъ Риттиха, кадеты рѣзко на него нападали. Изъ рѣчи Риттиха было ясно, что въ короткій срокъ ему немного удалось сдѣлать и что съ продовольствіемъ у насъ полный хаосъ. Городамъ изъ за неорганизованности подвоза грозитъ голодъ, въ Сибири залежи мяса, масла и хлѣба, разверстка между губерніями сдѣлана неправильно, такимъ образомъ, что хлѣбныя губерніи поставляли недостаточно, а губерніи, которымъ самимъ не хватало хлѣба, — были обложены чрезмѣрно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизиціяхъ стали тщательно прятать хлѣбъ, закапывали его или спѣшили продать скупщикамъ.

Настроеніе въ Думѣ было вялое, даже Пуришкевичъ и тотъ произнесъ тусклую рѣчь. Чувствовалось безсиліе Думы, утомленность въ бесполезной борьбѣ и какая то обреченность на роль чуть ли не пассивнаго зрителя. И, все-таки, Дума оставалась на своей прежней позиціи и не шла на открытый разрывъ съ правительствомъ. У нея было одно оружіе — слово и Милюковъ это подчеркнулъ, сказавъ, что Дума: «будетъ дѣйствовать словомъ и только словомъ».

Дума уже засѣдала около недѣли.

Стороной я узналъ, что Государь созывалъ нѣкоторыхъ министровъ во главѣ съ Голицынымъ и пожелалъ обсудить вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Совѣщаніе это закончилось рѣшеніемъ Государя явиться на слѣдующій день въ Думу и объявить о своей волѣ — о дарованіи отвѣтственнаго министерства. Князь Голицынъ былъ очень доволенъ и радостный вернулся домой. Вечеромъ его вновь потребовали во дворецъ и Царь сообщилъ ему, что онъ уѣзжаетъ въ Ставку.

— Какъ же, ваше величество, — изумился Голицынъ, — отвѣтственное министерство?... Вѣдь вы хотѣли завтра быть въ Думѣ.

— Да... Но я измѣнилъ свое рѣшеніе... Я сегодня же вечеромъ ѣду въ Ставку.

Голицынъ объяснилъ себѣ такой неожиданный отъѣздъ въ Ставку желаніемъ Государя избѣжать новыхъ докладовъ, совѣщаній и разговоровъ.

Царь уѣхалъ.

Дума продолжала обсуждать продовольственный вопросъ, Внѣш-не все казалось спокойнымъ... Но вдругъ, что-то оборвалось и государственная машина сошла съ рельсъ.

Совершилось то, о чемъ предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворцѣ не хотѣли вѣрить...
